

10.335

1974



# ლიტერატურა

# გეოგრაფია

56 10335

# 5

1974



1936940  
810 201033



*Деятели литературы и искусства,  
работники культуры!*

*Высоко несите знамя партийности  
и народности советского искусства,  
совершенствуйте художественное  
мастерство, отдавайте свои способности  
воспитанию строителей коммунизма!*

*(Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1974 года).*



Захарий ШЕРАЗАДИШВИЛИ

*Первомайские меридианы*

Над Грузией  
Вечерняя заря  
По небосводу  
Крылья распластала...  
Встречая май,  
С грядущим говоря,  
Я не засну  
Во что бы то ни стало.

Слух напрягу  
И вдаль направлю взгляд —  
Увижу то,

Что от меня далеко:  
Багрец знамен —  
С рассвета на парад  
Выходят жители  
Владивостока!

Пронизанные солнцем  
Облака  
Над ними пролетают,  
Словно птицы.  
Там — Первомай!  
Здесь ждут его,

Пока  
Свет звезд ночных  
На город мой струится.

Там — громыхает  
Праздничный салют.  
Здесь первый сон  
Еще недосмотрели.  
Но близок миг —  
И толпы потекут,  
Как там, и по проспекту  
Руставели!

Перевод Александра РАДКОВСКОГО





1974



# Литературная Грузия



Ежемесячный  
литературно-художественный  
и  
общественно-политический  
журнал

511.001



Орган Союза писателей Грузии

5  
МАЙ



19 Издательство ЦК КП Грузии 74





# «ლიტერატურული გრუჟია»

(რუსულ ენაზე)



უძველესი ლიტერატურული-მხატვრული  
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

წელიწადი მე-18

№ 5

მაისი, 1974 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის ორგანო



Главный редактор

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

- Григол АБАШИДЗЕ,  
Тенгиз БУАЧИДЗЕ,  
Марк ЗЛАТКИН,  
Лавросий КАЛАНДАДЗЕ,  
Серго КЛДИАШВИЛИ,  
Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,  
Владимир МАЧАВАРИАНИ,  
Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,  
Гурам ХАРАИДЗЕ  
(заместитель главного редактора),  
Владимир ХОМУТОВ  
(ответственный секретарь),  
Георгий ХУЦИШВИЛИ,  
Эммануил ФЕЙГИН,  
Алеко ШЕНГЕЛИА.

Год издания

18-й

**АДРЕС  
РЕДАКЦИИ:**

ТБИЛИСИ, 380008, УЛ. ЛЕНИНА, 5

Приемная — 99-06-59

Главный редактор — 93-65-15

Заместитель главного редактора —  
93-13-57

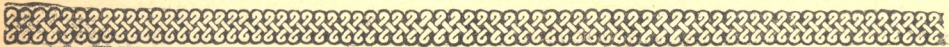
Ответственный секретарь — 93-31-28

**ОТДЕЛЫ:**

Отдел прозы и очерка  
(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) —  
93-31-43

Отдел поэзии и искусства  
(редактор ЗИНИНА В. Б.) —  
93-31-43

Отдел критики и публицистики  
(редактор ДОБРОДЕЕВА Л. Т.) —  
93-65-19



Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Технический редактор Макалатия Г. Н.

Корректор Галионджян Н. А.

© «Литературная Грузия». 1974 г.



# Содержание:

## ПОЭЗИЯ

АЛЕКО ШЕНГЕЛИА. 1924-й. Я вступаю в грядущие годы... Благословение. Небесной сестре Валентине Терешковой. Солдат Вьетнама. Перевод Александра Радковского . . . . .	5
ТЕИМУРАЗ ДЖАНГУЛАШВИЛИ. Воспоминания. Строитель. Перевод Александра Глезера . . . . .	7
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ. Здравствуй, Май! Как всё вокруг... Сказка. Вновь Ананури. Перевод Михаила Синельникова . . . . .	9
ФЕДОР БУЛАВИНЦЕВ. Все те же мы . . . . .	93

## ПРОЗА

АЛИО АДАМИА. Большая и маленькая Екатерины. Роман. Продолжение. Перевод Татьяны Соколовой-Рухадзе . . . . .	10
ТИНА ДОНЖАШВИЛИ. Той севастопольской весной. Рассказ. Перевод Виктории Зининой . . . . .	43

## ОЧЕРК

ВЛАДИМИР АЛПЕНИДЗЕ. Пути и встречи. (Фрагменты из книги «Дороги, полные раздумий») . . . . .	52
ВЛАДИМИР ХОМУТОВ. Продолжение легенды . . . . .	66
ГУРАМ ПАНДЖИКИДЗЕ. Золотые руки . . . . .	70

●

ПРАВОФЛАНГОВЫЕ СОВРЕМЕННОСТИ. Всесоюзное творческое совещание писателей и критиков . . . . .	73
--	----

## КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ДАВИД ШУГЛИАШВИЛИ. Последние годы Иродиона Евдошвили . . . . .	79
--	----



## ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

- ДИЛАРА АЛИЕВА. Славя братство народов . . . . . 82  
АМБЕРКИ ГАЧЕЧИЛАДЗЕ. Грузинские источники «Хад-  
жи-Мурата» Л. Н. Толстого . . . . . 87

## ИСКУССТВО

- НИНО ЧИХЛАДЗЕ. Мысль, чеканная в металле . . . . . 90

## ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

- ВАСИЛИИ ЛАПЕРАШВИЛИ. Назым Хикмет в Тбилиси 92

## В МИРЕ КНИГ

- ВЛАДИМИР НОРАКИДЗЕ. Со знанием и любовью . . . 94





Алеко ШЕНГЕЛИА

## 1924-й

Талых вод струились потоки  
Или снег сверкал, как металл...  
Во дворе человек высокий  
С головой непокрытой стоял.  
Оставляя тетради и книжки,  
Тихо-тихо пройдя коридор,  
Мы, испуганные мальчишки,  
Высыпали на школьный двор.  
Там стоял секретарь укома.  
Как за день изменился он!  
Как глядит на нас незнакомо!  
Еле сдерживает скорбный стон.  
— Умер Ленин, мои ребята... —  
Хриплым шепотом он сказал.  
По щеке его шероховатой  
Пробежала скупая слеза.  
Эта боль со мною повсюду,  
Я сквозь годы ее пронес,  
И до смерти своей не забуду  
Тех скупых, самых чистых слез.

Не забыть ни за что на свете,  
Вижу это все, как сейчас:  
Человек высокий и дети —  
Душат горькие слезы нас.  
С той поры пережито немало  
Новых весен и лет и зим.  
Человек высокий... Что стало?  
Что случилось в дальнейшем с ним?  
Где душа его отгорела?  
Где он принял последний бой?  
Знаю только, что Ленина дело  
Он везде защищал всем собой.  
Талых вод струились потоки  
Или снег сверкал, как металл...  
Во дворе человек высокий  
С головой непокрытой стоял.  
Он и ныне со мною рядом —  
Только веки сомкну слегда,  
И встречаюсь со скорбным взглядом  
Настоящего большевика.

\*\*\*

Я вступаю в грядущие годы,  
Как хозяйин грядущих времен.  
Я — поэма во славу природы!  
Я — земли лучезарнейший сон!  
Воплошенье мечты дерзновенной,  
Добрых чувств и великих задач.

Я лечу по просторам Вселенной,  
Как стремительно брошенный мяч!  
В галактический холод угрюмый  
Я вхожу теплотою земной.  
Человечества лучшие думы  
Устремляются следом за мной.

## Благословение

Благодарю тебя,  
Горянка молодая, —  
Прекрасная страна  
По имени Кахети.  
Я поплыву сейчас,  
В тумане пропадая.  
Извилистый туман —  
В небесном синем свете.  
Извилистый туман  
В долине Алазани —  
То мысли гор моих,  
То пшавских слов извивы.

Я запоздалый гость,  
Простите опозданье,  
Покойной ночи вам,  
Сады, луга и нивы!  
Грудь белых облаков  
И сочная долина,  
Меня вскормили вы  
И сберегли от тлена.  
Я всем обязан вам,  
Примите слово сына —  
Расти, страна моя,  
И будь благословенна!





## Небесной сестре Валентине Терешковой

С ладони Родины моей,  
Как чайка, ты взлетела.  
Тебя, как крылья, вознесли  
Народные мечты!  
Мне снова не дают заснуть,  
Пронизывают тело  
Слова знобящей песни той,  
Что звездам пела ты.  
Ты нашу Землю обняла  
Заботливой рукою,  
Вселенная потрясена  
Отвагою твоей.  
Бескрайний космос покорен  
Тобой — земной такою, —  
Смотрящей с женской теплотой  
На звезды и детей.  
Сверкая в небе, с песней ты

Дорогу проторила —  
Ты проложила светлый путь  
К бессмертию во мгле.  
В тебе — величие земли,  
Ее тепло и сила:  
Так славься ныне и всегда  
По всей моей земле!  
Прекрасен в Картли  
Сад ночной,  
Цветущий небывало.  
Я самый дивный из цветов  
Тебе вручить готов!  
Но только что тебе цветы?!  
Ты с песней обвязала,  
Смеешь,  
Огромный шар земной  
Гирляндами цветов!

## Солдат Вьетнама

Его провожали  
Девчата и парни.  
Уже вечерело.  
Багровое солнце  
Спускалось за гребень горы.  
И женщина в белом  
С улыбкой махала  
Косынкою белой.  
И светом сердечным  
Лучились глаза детворо.

Вьетнамский парнишка  
Шагал, говоря и шутя с детворою.  
Шагал, обогретый  
Радুষьем грузинской земли.  
Той самой земли, по которой  
Военною грозной порою  
Грузинские парни  
Вот так же в солдаты ушли.

Вьетнам ожидает  
Врача, инженера,  
Шофера, связиста...  
И наша страна обучает  
Вьетнамских друзей.  
Вьетнамские горы  
Омыты потоками крови пречистой,  
И кровью залиты  
Квадраты вьетнамских полей...

Вьетнамский парнишка  
Шагал, поражаясь с восторгом простору,  
Делам и успехам  
Моей дружелюбной страны...  
Мы тоже отсюда  
Вот так же...  
Я помню ту страшную пору,  
Вот так же  
Ушли, чтобы вызволить мир из войны.

Перевод Александра РАДКОВСКОГО







Теймураз ДЖАНГУЛАШВИЛИ

## Воспоминания

(Отрывок)

Сентябрь,  
октябрь,  
ноябрь...  
Линия фронта недвижна.  
Тучи, тяжелые, низкие,  
молча ползут над нами.  
Под ледяным покровом  
поле почти не дышит,  
Словно гвоздями прочными,  
пробитое блиндажами.  
По какой же тропинке  
ты придешь издалека,  
Как ты меня отыщешь  
в этом метельном крае?  
Занесены снегами все пути и дороги —  
Только тропинки огненные  
в воздухе пролегают.  
Октябрь,  
ноябрь,  
декабрь...  
Словно колокол звонкий,  
Ночи гудят протяжно,  
ночи гудят бессонно.  
Дымом густым пропитаны  
легкие и землянка,  
Замутненное марево  
землю скрывает от солнца.  
Насладиться бы вдоволь  
утреннюю росую,  
Серебром полнолуныя,  
вешними облаками!..

Но в темноте тревожной  
годы пахнут войною,  
Колот не всходами добрыми,  
колот стальными штыками.  
Ноябрь,  
декабрь,  
январь...  
Буря взметнулась за Вислой,  
И закачались просторы белого небосвода.  
Наступление наше  
третью неделю длится,  
Через февраль стремится  
выйти на синий Одер.  
Март и апрель промчали.  
Май наступил сегодня.  
Ты прости, что заставил  
ждать тебя слишком долго.  
Эх, на фронте минута — дню равна,  
а день — году,  
И равна целой жизни  
боевая дорога.  
...Мир на земле зеленой...  
снова ветрам резвиться.  
Вновь заливаются птицам,  
солнцу всходить весельно.  
Блиндажи перепашут,  
и зазвенит пшеница...  
Только что будет делать  
мать, потерявшая сына?

## Строитель

Я сравнялся с дэвом-великаном,  
Я дома невиданные строю:  
— Поднимайтесь в небо непрестанно  
Над моей счастливою землею.  
Коль народ повелит, пусть  
в них радость живет,  
Пусть веселые свадьбы поднимут  
их крыши,

Пусть в любом — колыбель  
все полы изотрет,  
Стены пусть иавнану грузинскую слышат.  
Голова будет в снежной пороше годов,  
Только скажет народ:  
«Нет, старик этот молод!  
Крепок он, как кирпичная кладка домов,  
Что построил на славу,  
украсив свой город!».

Перевод Александра ГЛЕЗЕРА





Джансуг ЧАРКВИАНИ

## Здравствуй, Май!

Словно сила и юность года,  
Словно песня родной стороны,  
Месяц розовый, месяц меда,  
Легкий луч молодой луны.

Своеволен, горяч и светел,  
Ты коснулся глубин земных.  
Обнимаю порывистый ветер,  
Ветер плещущих флагов твоих.

Здравствуй, Май! Пусть ничто не туманит  
Неба синь и земли изумруд.  
И раскрытые двери марани  
На серебряных петлях поют.

Дорогой, как зеница ока,  
Месяц плавных облачных стай...  
Солнце Мая!

Гори высоко!  
Здравствуй, молодость,  
Здравствуй, Май!

## Как всё вокруг...

Когда натянут на колени  
Деревья  
Шелк листвы,  
Когда  
Дойдет до солнца  
Плач олений  
И в долах  
Запоет вода;

Когда взорвутся  
Почки с треском  
И, встретив  
Солнца  
Знойный взгляд,  
По всполошенным перелескам  
Пойдут олени  
Наугад;

Когда под ласточкиным свистом  
Склонится  
Синева к земле  
И вынесет

Олень  
Ветвистый  
Цветущий персик  
На челе;

Когда иветы  
Подпаскам в ноги  
Рассыплет солнце  
На луга,  
Когда,  
Как сдвинутые роги,  
Олений  
Стакнутся рога;

Когда позолотеют дали,  
Где с лозами  
Сплелась лоза;  
Глотну  
Веселья  
И печали  
И небу  
Погляжу в глаза.







# БОЛЬШАЯ и МАЛЕНЬКАЯ Ескаберины

●  
Р о м а н  
●

Два года я работала у Гуласпира Чапичадзе. Каждый день я с радостью шла на работу, и, несмотря на то, что мне часто приходилось оставаться в конторе до поздней ночи, работа не была мне в тягость. Если Гуласпир был в конторе, время проходило незаметно. Веселый и чуткий, он был всеобщим любимцем. Свое дело он знал досконально, и его приглашали на консультации в соседние деревни, а один раз его даже хотели назначить председателем ревизионной комиссии Хергского района. Но разве мог Гуласпир оставить родную деревню?!

Я к нему очень привязалась, да и он, по-моему, считал меня близким человеком. Несмотря на то, что он был всего-навсего лет на пять-шесть старше меня, он опекал меня как родной отец. Когда Гуласпира не было в конторе, мы сидели, повесив носы. Он много болтался по деревне. То у него дела, то кутеж. Помолвки, свадьбы, дни рождения. В деревне праздники не переводятся, а там, где слышны тосты, ищи Гуласпира Чапичадзе.

...Если не ошибаюсь, случилось это, когда Шарангиа из Итхвиси женился на дочери хемагальского Кондрате Джиноридзе. Вообще у нас так принято — хемагальские девушки выходят замуж за итхвисских ребят, и наоборот... На той свадьбе тамадой был Гуласпир, и друзьям жениха свет белый был не мил на следующий день, столько он заставил их выпить. Итхвисцы грозились «отомстить» ему, и слово свое они сдержали. На следующий день весь свадебный поезд вернулся в Хемагали, но без Гуласпира. Он просил передать мне, что приедет утром, потому что ему немного нездоровится и он должен отдохнуть.

Но Гуласпир не появился и на следующий день. На третий день его отсутствия, вечером, когда я уже собиралась закрывать контору, в комнату вошли двое незнакомых мужчин и спросили Гуласпира. Я обманула их, сказав, что он уехал по делам колхоза в Итхвиси. «Чтобы завтра утром он обязательно был на месте», — сказал один из них. — «Если вы думаете, что до завтра он не вернется, пошлите за ним кого-нибудь», — добавил второй. Я почему-то испугалась. «А вы кто такие и по какому делу приехали?» — несколько резко спросила я. «Мы ревизоры из районного земельного отдела. Пусть Чапичадзе утром ждет нас в конторе», — тоже резко, в тон мне бросили они и ушли.

Продолжение. Начало в № 4.



Я сообщила об их посещении председателю, и он послал за Гуласпиром колхозного сторожа. Утром из Итхвиса вернулся только сторож. Гуласпир велел передать, что если у этих честных и уважаемых людей к нему неотложное дело и они непременно желают его видеть, пусть дня три подождут, так как раньше приехать он не сможет. Если же они потребуют документы, дать им. Все лежит в ящике его стола.

Утром ревизоры пришли.

— Возможно, что Гуласпир до послезавтра не вернется, так что я постараюсь его заменить, — сказала я и пригласила ревизоров в комнату председателя.

Они постояли в нерешительности, но потом сказали, что будут дожидаться Гуласпира, и вышли. Председатель пригласил их поужинать, но они холодно отказались, сказав, что не хотят его беспокоить, и пошли к дому, где жили Джиноридзе. Председатель вспомнил, что Алмасхан Джиноридзе был дальним родственником одного из ревизоров, и решил не ускорять событий.

На четвертый день после свадьбы, я хорошо помню, что это был четверг, после полудня, в контору неглиже вошел Гуласпир и тут же натолкнулся на ревизоров. Его бросило в жар, он догадался, кто перед ним, но сделал вид, что обознался. Поздоровавшись, он стал спрашивать, как идут дела в райкоме и как поживает Александре (тогда первым секретарем райкома был Александре Лорткипанидзе), похвалил райкомовцев за то, что они затеяли столько новых дел в нашем районе, поинтересовался, утвердили ли в Москве план реконструкции хергской железнодорожной станции, и что если бы, мол, спросили его, Гуласпира, то, по его мнению, одна реконструкция ничего не изменит, станцию нужно вообще снести. Потом он прошелся по поводу американского и английского империализма, по ходу дела обозвав американцев и англичан двурушниками и лицемерами. При этом он отметил, что лицемерить американцы научились у англичан, но теперь уже превзошли их в вероломстве...

Гуласпир сделал небольшую паузу и передал мне листок бумаги. Я прочитала: «Я думал, что эти деятели уже уехали, а то ни за что бы не вернулся. Зайди в кабинет председателя и отключи телефон, а потом вернись и громко скажи, что меня просит к телефону первый секретарь райкома. Только громко скажи. Дверь кабинета оставь открытой».

Я исполнила его просьбу.

Гуласпир степенно встал, извинился перед гостями, вошел в кабинет председателя и откашлялся.

— Здравствуйте, товарищ Александре. Да, это я, Гуласпир. Ничего, живы заботами райкома! Вы как поживаете?

Пауза.

— Как ваши? О, поздравляю, от всей души поздравляю, дорогой Александре. Замечательное дело, действительно замечательное дело!

Пауза.

— Непременно приеду! Как можно, как только выберу время, обязательно приеду и поздравлю лично.

Пауза.

— Хорошо, очень хорошо идет.

Продолжительная пауза.

— Да плохо! Причина? Смету я составил, она давно уже лежит в райземотделе, но до сих пор не утверждена. Слабо контролируете работу райземотдела, товарищ Александре! Больше нужно контроля. Штат? Штат нашего райземотдела так укрупнялся, что на всю республику хватит. Да, да, я серьезно говорю. И все-таки ведь не справляются. И не справятся!

Пауза.

— Почему? Да потому, что там чересчур много ревизоров. Для чего их столько? Они со своими-то делами не могут управиться, а делают вид, что помогают колхозам. Ложь все это, сплошной обман. Я хорошо знаю работу ревизоров, товарищ Александре! Какой там баланс, какие счета! Им только и нужно, что дня три-четыре как следует повеселиться да выпить.

Продолжительная пауза.

Гуласпир заговорил совсем басом.

— Нет, в этом году еще не были. Для чего нам ревизия? Спасибо, товарищ Александре!

Пауза.

— И вам того же. Будьте здоровы. Привет супруге.

Гуласпир громыхнул телефонной трубкой о рычаг, кашлянул, вошел в свою комнату и сердито отчитал меня.

— Оказывается, из района приехали такие уважаемые люди, а мне вовремя не сообщили? Разве так встречают дорогих гостей, разрази вас гром!



Потом он прошептал мне на ухо, но так, чтобы гости слышали:  
— Сейчас же иди к Кесарии, прихвати на помощь еще девушек, по дороге загляни к председателю и скажи, чтобы он шел ко мне домой. Ну, живо! Мы тоже скоро придем.

Наступила мертвая тишина. Гости и Гуласпир не смотрели друг на друга. Хотя бы кто-нибудь вошел! Это было бы спасением! Но, как на зло, ни одного посетителя! Потом, чтобы рассеять неловкую тишину, Гуласпир несколько раз кашлянул. Он набил табаком свою трубку и протянул гостям кисет. Они отказались, сказав, что не курят. Гуласпир закурил, встал и опять сердито прикрикнул:

— Эка, ты что, как вареная! Я же сказал тебе, беги ко мне домой.

Гости встали. Один из них, тот, который был выше и плотнее, очевидно, старший из них по должности, извинился перед Гуласпиром.

— Мы не можем к вам пойти, дорогой Гуласпир!

— А в чем я перед вами провинился? — удивился Гуласпир.

— Мы приглашены в гости к Алмасхану Джиноридзе. Он ждет нас.

— Это дело поправимое. Я пошел за Алмасханом человека, чтобы он тоже ко мне пришел, — решительно сказал Гуласпир.

Несмотря на настойчивые уговоры, гости идти к Гуласпиру отказывались. Сошлись на том, что сначала они повидаются с Алмасханом, а потом уже придут к нему.

Гуласпир как будто согласился: — Пусть будет по-вашему, но только к Алмасхану я с вами тоже пойду, одних вас ни за что не отпущу. Слава богу, мы тоже люди и совесть еще не потеряли.

У Алмасхана Джиноридзе сейчас же был накрыт стол, а тамадой выбрали Гуласпира. Тост следовал за тостом, пили за здоровье гостей и хозяина, пели, танцевали. Потом Гуласпир стал ругать ревизоров, они, мол, люди свободные и чудные, сваливаются как снег на голову, сами-то мало что знают, а вот других любят поучать. От этого только убыток людям, делу, государству, они приносят пользу только самим себе. Гуласпир разделал ревизоров под орех.

Уже на рассвете он закончил тосты, поблагодарил хозяина и стал приглашать всех к себе на обед, не успокоившись, пока они не согласились.

Во дворе Гуласпиру на глаза попала лошадь старшего ревизора. Она ему понравилась, и он не раздумывая уселся верхом и пустил ее иноходью. Лошадь он вернул ревизору через мальчика, велел передать, что она очень хороша.

На этом история с ревизорами и закончилась, а они тайком удрали.

... С хребта Санисле я долго смотрела на свою деревню. Тень от вяза незаметно переместилась. Я схватила свою сумку и бегом спустилась по склону.

Тетя встретила меня у Сатевелы, обняла и заплакала.

К нам на обед она пригласила Зураба Барбакадзе и Гуласпира Чапичадзе.

— Ты вовремя приехала, Эка, — посмотрел на меня Зураб. — Бумагу о назначении привезла?

— Меня назначают в Хергу, — сказала я, понурившись.

— В Хергу? Почему в Хергу? — удивился Зураб.

— Мне сказали, что в Хемагали места нет...

— Что за глупости! — рассердился Барбакадзе. — Неужели они не знают, что я преподаю в шести классах? Три класса твои, Эка! Шестой, седьмой и восьмой. Я завтра же напишу приказ.

## II

Однажды у калитки школы меня встретила внучка Зураба Барбакадзе, пятиклассница Манана, и передала мне записку:

«Дорогая Екатерина, вчера вечером мне неожиданно стало плохо. Видимо, сердце пошаливает. Если сможете, зайдите ко мне после занятий. О моей болезни никому не говорите. С уважением Зураб».

Я не помнила случая, чтобы наш директор болел. Говорили, что ему уже шестьдесят, но он оставался заядлым охотником и рыболовом, любил собственноручно обрезать виноградную лозу и сбивать с деревьев грецкие орехи. Легко, как юноша, забирался он на высоченные ореховые деревья, что росли у него во дворе, и так ловко орудовал длинной палкой, что на ветках не оставалось ни одного ореха. Зураб всегда говорил, что ветки нужно трясти как следует, а сын его не умеет. А этому сыну к тому времени уже стукнуло тридцать.

Стоял теплый майский день. Я шла так быстро, что вся взмокла.

У калитки Зураба я остановилась и заглянула во двор. В тени орехового дерева на циновке лежал Зураб и играл со своим младшим внуком Гией.



Увидев такую картину, я от неожиданности растерялась и отпрянула назад. Спрятавшись за забором, я украдкой еще раз посмотрела во двор.

Это действительно был Зураб. Он и его трехлетний внук Георгий. Мне показалось, что они боролись. Дед лежал на спине, а внук, схватив его за грудь, заливался смехом и кричал, что он победил.

Я ступила еще на несколько шагов и, став за деревом, несколько раз громко позвала Георгия.

Зураб быстро вскочил с земли и, взяв ребенка на руки, пошел к калитке.

Встретил он меня с улыбкой, но, увидав у меня в руке письмо, сразу серьезней и спросил, зачем я ушла с урока. Я ответила, что заменила его другим, и Зурабу это явно не понравилось.

Глядя в землю, он укоризненно сказал:

— Я тебя не звал так срочно.

Пауза.

Я попрощалась и хотела уйти, но Зураб схватил меня за руку.

— Раз уж пришла, оставайся.

Он усадил меня в тени на стул и, сказав, что сейчас же вернется, повел внука в дом.

«Я болен, зайдите ко мне, если можете, видимо, сердце пошаливает... А сам лежит себе в тени под деревом и играет с внуком! У него болит сердце, а сам возится с ребенком? Поднимает на руки трехлетнего бутуза? Ничего не понимаю!»

— Значит, урок заменила, Эка? — он испытующе посмотрел на меня и сел рядом.

Зураб показался мне очень бледным. Он явно избегал встречаться со мной взглядом.

— Сколько времени?

Я посмотрела на часы.

— Без двадцати десять.

— Через двадцать минут начнется второй урок, — все так же не глядя на меня, сказал он.

— У меня окно, — я посмотрела ему в глаза.

— Окно? — удивился Зураб и, потеряв ладонью лоб, так взглянул на меня, что мне стало ясно — он не поверил.

— У меня во вторник такое расписание, — сказала я и открыла свою вязаную сумочку.

— А я не знал! — протянул Зураб и опять очень внимательно посмотрел на меня.

Я протянула ему расписание. Когда он брал листок, рука его заметно дрожала. Он прочитал: «Вторник: первый урок — пятый класс (устный), третий урок — седьмой класс (письменный)».

— Я должен был это знать! Должен! — сердито сказал Зураб и встал.

— Я думала, вы знаете, — прошептала я.

— Конечно, я должен знать! Это же моя работа! У преподавательницы грузинского языка окно, а я понятия об этом не имею! Хорошенькое дело!

— Заведующий учебной частью... — начала было я, но Зураб перебил меня.

— А директор? Где же директор школы? Налаживает дипломатические отношения с Англией, что ли? Чем занимается директор школы, я спрашиваю? Директор школы и преподаватель грузинского языка? Не знает, что у его же коллеги окно? Куда это годится?

Он вдруг заметался в тени дерева, даже ни разу не взглянув в мою сторону, словно меня там и не было... Постепенно он успокоился и опять сел рядом со мной.

— Значит, все правильно!.. Да, месяц тому назад... Молодцы, ребята! — грустно улыбаясь, проговорил Зураб и закрыл глаза.

Я хотела спросить, что случилось месяц тому назад, но побоялась и промолчала.

— Почему ты не спрашиваешь, что тогда произошло? — он коснулся рукой моей щеки и заглянул мне в глаза.

У него самого глаза были тусклые и какие-то безжизненные.

— Почему же ты не спрашиваешь, что со мной случилось месяц тому назад? Может быть, ты не знаешь, а? Ничего не знаешь? Или притворяешься? — Он сказал это тихо, почти шепотом и отнял руку от моего лица. Потом встал и снова принялся ходить в тени дерева. Он ходил очень широкими шагами, словно переступая через какие-то одному ему видимые ямы, потом вдруг ускорил шаг и засеменял. Ходит он и смотрит на меня, а я с испуганным видом сижу на стуле, сожалея в глубине души, что пришла к нему. Зураб совсем не похож на больного. Нет, здесь что-то не то. Не надо было мне приходить.

— Я сейчас вернусь, — сказал он и поднялся в дом.



«Быть может, я что-нибудь не так сделала? — думаю я. — В школе ему неудобно было сказать об этом, вот он и позвал меня к себе домой. Говорит со мной намеками, а я ничего не понимаю. Да нет, что это я!.. Зураб Барбакадзе не такой человек, он никогда не скрывает того, что он о тебе думает. А если заметишь какую-либо ошибку, то тактично, но прямо, да, прямо в лицо, скажи об этом».

Открылась задняя дверь дома, и Зураб с женой и внуком прошел к огороду, потом он помог внуку перелезть через забор и передал жене кувшин. Очевидно, он посылал их на Сатевелу.

Сам Зураб вернулся в дом, вышел на веранду и рукой помахал мне, чтобы я поднялась к нему.

Он провел меня в комнату, где был накрыт завтрак, и прикрыл дверь.

— Садись, — тоном приказа сказал он.

— Я уже завтракала.

— Очень хорошо. Теперь запьешь свой завтрак стаканом молока.

Мы сели, и он протянул мне сахарницу.

— Я люблю без сахара, — сказала я и насыпала в молоко соли.

— Ты не возражаешь, если я пропущу стаканчик? — Он налил себе и залпом выпил. Потом встал и, подойдя к окну, посмотрел во двор. Я тоже подошла к окну и выглянула. Во дворе никого не было.

— Я уйду из школы, — безапелляционным тоном произнес Зураб и вернулся к столу.

Я продолжала стоять у окна и смотреть во двор, где по-прежнему никого не было видно. Украдкой взглянув на Зураба, я увидела, что он выпил еще и ничем не закусил. Лицо его побагровело.

— Да, я бросаю школу и тебе первой говорю об этом, — теперь уже с сожалением сказал Зураб, на глаза у него навернулись слезы, и он отвернулся.

«Зураб Барбакадзе уходит из школы? Но почему? Это так неожиданно. Как он сможет жить без школы? Даже воскресенье не проходит так, чтобы он не заглянул туда хоть на минутку. Нет, это невозможно! Зураб без своей работы и дня не сможет прожить. Ничего не понимаю, просто ума не приложу, в чем дело». — Я все смотрю в пустой двор... — «В школу он приходит раньше всех, а уходит последним. Перед уходом обязательно обойдет все классы и школьный двор... И теперь этот человек больше не будет приходить в школу? Зураб бросает школу? Но в чем дело? Почему же я стою и не спрашиваю?»

— Ты, наверное, знаешь причину и поэтому ни о чем меня не спрашиваешь, — громко сказал он и тут же оглянулся, опасаясь, чтобы ненароком не услышал кто-нибудь из домашних.

— Я абсолютно ничего не знаю. Клянусь памятью матери, понятия не имею, в чем дело.

Тут Зураб мне поверил. Он снова подошел к окну и выглянул во двор, потом еще плотнее закрыл дверь и запер ее на ключ.

— Значит, я вовремя уйду из школы. Пока учителя ничего не узнали. Да, вовремя. А ведь мои ученики скрыли мой позор. Тебе на самом деле ничего не известно? Ну, тогда я тебе скажу: я оконфузился перед своими десятиклассниками, да, да, именно оконфузился! Месяц тому назад и вчера тоже.

Очевидно, мое лицо выражало такое недоумение, что Зураб возбужденно продолжил:

— Разве это допустимо? Я спрашиваю, разве допустимо, чтобы педагог ошибался при объяснении урока? И это при разборе художественного произведения! Я сам убедился, Эка, что мне изменяет память! Она меня стала здорово подводить!

И он рассказал мне все самым подробным образом:

— Около месяца тому назад я вел урок в десятом классе и сначала, как обычно, опросил учеников. Вообще-то я ими доволен, занимаются они неплохо, свободно и здраво рассуждают на разные темы, умеют подробно разобрать художественное произведение, а те из них, кто более серьезно интересуется литературой, бывает, и не соглашаются с объяснениями, данными в учебнике. Они стараются глубже проникнуть в творческий мир писателя и даже иногда предлагают свою трактовку произведения. Мне всегда радостно идти на урок. По моему, и слушают меня мои ученики внимательно, и не из страха, что их учитель — директор школы, а просто потому, что им интересно. Я не говорю, что все до одного слушают одинаково, так не бывает. Вот, например, за второй партой сидят девочка и мальчик. Сидят тихо и смотрят на меня, но я чувствую, что этот мальчик меня не слушает! Знает ли он заранее, что я скажу, или просто думает совсем о другом? Вот, мол, через год я окончу школу и поеду в Тбилиси, но поступлю не на филологический факультет и не в медицинский институт, а в летное училище. Стану летчиком и облетаю весь мир. И девочка думает о чем-то своем. Что-нибудь в таком роде: еще год учиться в школе, а потом? Поступлю



ли я в институт? Да бог с ним, с институтом. У меня есть жених, и я выйду замуж! Не откажется же он от меня, если у меня не будет высшего образования! Разве любят только за знания? А если родители заупрямятся и скажут, что сначала надо закончить институт, а потом уж обзаводиться семьей, я их не послушаюсь, потому что они не правы!

И эта моя десятиклассница, которая сидит прямо передо мной на второй парте, представляет себе, как она облачится в свадебный наряд, за ней приедут дружки жениха, усадят ее на лошадь, и торжественная процессия тронется в путь. Она в белом платье на белой лошади, слева и справа от нее дружки. И если вдруг лошадь споткнется, дружки бережно поддержат всадницу, чтобы она не упала, только так осторожно, как этого требует ее высокое положение невесты. Легкая, как ветерок, сидит она на лошади, дружки поют «Мравалжамнер», и деревня жениха встречает свадебный кортеж пальбой из ружей...

Десятый класс, Эка, — это самое время для мечтаний, самых разных мечтаний, ведь десятиклассник, полный радужных надежд, стоит на пороге вступления в новую, неизведанную жизнь и ждет от нее многого.

Зураб умолк. Медленно пройдясь по комнате, он сел. Я села напротив. Когда он протянул руку за кувшином, я увидела, что она дрожит. На этот раз он налил себе вина.

— Почему ты не выпила, Эка?

Я взяла стакан и глотнула остывшего молока.

— Поешь немного, — сказал Зураб, протягивая мне сыр и кусок мчади.

— А вы?

— Забыл, совсем забыл, — в голосе его слышалась растерянность. Он положил себе на тарелку сыр, мчади и маринованный лук.

— Я опростоволосился перед десятиклассниками, Эка! Допустил такую ошибку! Они сначала и виду не подали, что заметили ее, но я сам почувствовал что-то неладное.

Когда я проверил сказанное мной, мои подозрения подтвердились, ошибка была налицо. Вижу, ученики стараются не смотреть на меня, словно им стыдно встретиться со мной взглядом. Сидят, опустив головы, а в душе смеются.

Может быть, я ошибаюсь, и они не насмеялись надо мной, а, наоборот, жалели меня, но тогда я был уверен, что им стыдно за своего преподавателя... Ты только не спрашивай, что я такого сказал! Очень может быть, что тебе моя ошибка покажется незначительной, но это не так, Эка!

Он выпил вина и встал.

— А ты знаешь, на примере с моим младшим внуком я лишний раз убеждаюсь в том, что у меня не в порядке памятью. Бывает, рассказываю я ему сказку, которую он от меня раньше уже слышал, а он вдруг схватит меня за руку и остановит: — Дедушка, его зовут не Ростом, а Мзечабуки. — А ты откуда знаешь? — спрашиваю. — Как откуда? В тот раз звали Мзечабуки. — Вот так-то. Этот карапуз все помнит и поправляет меня.

— Дедушка-а! — послышался со двора голос Гиоргия, и Зураб вздрогнул. Он быстро вышел на балкон и сделал, очевидно, жене какой-то знак рукой. Вернувшись в комнату, он снова плотно прикрыл за собой дверь.

— Эка, завтра ты должна поехать в Хергу.

— В Хергу? — удивленно переспросила я и встала.

— Да, поедешь на колхозной машине. Тебя будут ждать в отделе просвещения... Завтра тебя назначат директором нашей школы, — спокойно и решительно сказал Зураб.

— Меня? Меня назначат директором школы?

— Да, тебя! Почему ты удивляешься?

— Я боюсь! У меня же совсем нет опыта!

— Ты хочешь сказать, что ты еще молода, — с иронией в голосе сказал Зураб и нахмурился. — Именно поэтому! Именно потому, что ты молода! А каким же должен быть директор школы? Я был как раз в твоём возрасте, когда меня назначили директором. Сил и энергии у меня было хоть отбавляй, я любил учеников и все свои силы отдавал школе... Теперь это предстоит сделать тебе. Или тебе жалко своих знаний или энергии для школы? Не жалко? Тогда завтра поедешь в Хергу! А теперь иди в школу, а то твое «окно» осталось открытым.

Он проводил меня до калитки.

В тот год Зураб на ружейный выстрел не подходил к школе.

Он жаловался на боли в сердце, и все ему верили. Даже его домашние.

Чего я только ни придумывала, чтобы заманить его в школу, но ничего не получалось. Он не приходил — стыдно было перед десятиклассниками. Об этом знала только я, и Зураб просил не выдавать его. Он обещал вернуться в шко-



ду, если для него найдется дело, но только после того, как мы выпустим его бывших десятиклассников.

Первое время я чуть ли не через день навещала Зураба. Стоило мне прийти, как он тут же отсылал всех своих из комнаты или мы с ним сами уходили в сад, и он подробно расспрашивал меня о школьных новостях. Но в то время он вдруг начал меня избегать. В какое бы время я ни пришла, оказывалось, что его нет дома. Я почему-то была уверена, что он прячется от меня в своей комнате! Однажды я засиделась у Зураба в доме допоздна, а он пришел уже ночью с целой связкой сатевельского усаха...

...Зураб Барбакадзе совсем отшел от деревенских дел и явно сторонился своих односельчан. Его не видели ни в дни праздников, ни на похоронах. И постепенно в деревне привыкли к тому, что Зураб нигде не показывается. Было то или не было... Как в сказке. Да, совсем как в сказке — было то или не было...

«Но я-то знаю, что Зураб здоров. Он ходит на Санисле на охоту, рыбачит на Сатевеле, из Нигвзиани приносит для дома дрова. А как мастерски он сбивает с ветвей огромного дерева орехи! Зураб любит говорить, что чем лучше поработаешь сейчас, тем больше плодов будет на нем на следующий год. И виноград собирает сам, и сам же его давит на вино, да так, что и капли сока не пропадает. И он болен? Неправда. Все дело в том, что он допустил ошибку на уроке в десятом классе».

Осень у нас стояла теплая, сухая. Как-то в конце сентября, в воскресенье, рано утром я пришла к Зурабу. Мне необходимо было с ним поговорить. Дверь в кухню была распахнута, и видно было, что в доме уже встали. «Георгий», — тихо позвала я. Увидев выглянувшую из кухни жену Зураба, я вошла во двор. Она удивленно спросила меня, не случилось ли чего.

— Нет, нет. Я хотела видеть Зураба...

— Зураба? Вы опоздали, он уже ушел, — улыбнувшись, сказала Саломэ. Я удивилась.

— Так рано?

— И не говорите. По-моему, еще не рассвело, когда он ушел на Сатевелу. Извинившись перед калбатони Саломэ, я хотела уходить.

— Оставьтесь, позавтракаем, — сказала она и придержала меня за локоть.

— Если я сейчас пойду на Сатевелу, смогу я его найти?

— Он уходит очень далеко, выше мельницы, туда, где большой водоворот.

Простившись с Саломэ, я пошла в школу. Копавшийся в земле школьный сторож явно удивился моему раннему приходу.

Я спросила, ходит ли он на Сатевелу. «А почему же нет, — ответил он, — Правда, на рыбалку-то не ходил уже лет пять, а на Сатевеле бываю часто», — «Тогда ты должен знать водоворот, что выше мельницы», — сказала я. «Водоворот выше мельницы? — задумался он, а потом улыбнулся. — Это так говорят «выше мельницы», а он от мельницы далеко, до него километра три будет».

Я пошла на Сатевелу. На полянке перед мельницей дети гоняли тряпичный мяч и, узнав меня, прекратили игру. Я крикнула, чтобы они продолжали, и прошла мимо.

От мельницы еще три километра? Это не так уж много! Вдоль берега реки есть тропинка, по ней я и пошла. Постепенно берег становился круче, и тропинка поднималась все выше и выше. Я шла уже час, а водоворота все не было видно. Неожиданно тропинка свернула к лесу, и, пройдя шагов двести, я оказалась в густом лесу, в каштаннике. «Наверное, ребята из нашей школы ходят сюда за каштанами», — подумала я.

Тропинка свернула вправо и через некоторое время снова вывела меня на берег реки. В этом месте Сатевела очень быстрая и шумная. Видно, школьный сторож ошибся, потому что я прошла от мельницы, по крайней мере, пять километров, а водоворота все не было. Устав, я решила немного отдохнуть на большом камне. Многих шум реки успокаивает, а меня, наоборот, необыкновенно утомляет, и я встала, решив идти дальше. Теперь тропинка подошла совсем близко к реке, так близко, что ветерок доносил до меня брызги. Постепенно шум реки начал стихать, потому что Сатевела вышла на равнину, течение ее стало медленным, и я увидела, что передо мной водоворот. Река в этом месте широкая, с берегами, заросшими липами и хурмой.

На большом камне у воды сидел Зураб с удочкой в руке и тихо напевал.

Вот он подсек удочку, и, так как на ней ничего не оказалось, он тряхнул ею в воздухе и выругался. Потом насадил на крючок нового червяка, пошел на него и снова закинул удочку. Затем Зураб осторожно, на четвереньках, прополз по камню к тому месту, где у него лежала еще одна удочка, опущенная в воду, и достал ее. На крючке болталась маленькая, как малек, рыбка. Зураб от радости поцеловал ручку удилица и бросил рыбку в небольшое ведро, стоявшее неподалеку. Поплевав на остатки червяка, он снова закинул удочку в воду.



— Лиха беда начало! — громко сказала я, и Зураб от неожиданности вздрогнул. Он хмуро взглянул на меня и, отвернувшись, стал с трудом опускать закатанные до колен мокрые штанины. Откашлявшись, он сердито спросил: «Рыбу пришла ловить?» — «Да, — говорю, — рыбу ловить», — и хочу придать разговору миролюбивый тон. «А где твои удочки?» — все так же сердито спрашивает Зураб. «Так вы же мои удочки взяли с собой», — отвечаю, а сама улыбаюсь. И вдруг Зураб тоже улынулся и протянул мне руку. Он расстелил на камне мешок и, предложив мне сесть, сам уселся рядом.

— А все-таки как ты меня нашла, а? Саломэ сказала, где я?

— Почему Саломэ? Разве, кроме нее, никто не знает?

— Никто! — убежденно сказал Зураб, глядя мне в глаза.

— Никто не знает этого водоворота на Сатевеле? — удивилась я.

— Этого я не говорил! — с раздражением сказал Зураб. — О том, что здесь есть водоворот, знает вся деревня. Но о том, что я хожу сюда ловить рыбу, — только Саломэ.

— Наш школьный сторож тоже знает, — соврала я и почувствовала, что краснею.

У Зураба слова замерли на языке. Он прищурился. «И сторож знает? Школьный сторож?» Он, кряхтя, встал и, достав из реки кувшин, сделал из него несколько глотков, потом, взглянув в мою сторону, спохватился: «Может быть, ты тоже хочешь пить?» — «Хочу», — сказала я. Зураб выплеснул из кувшина немного воды и протянул его мне. Пока я пила, он извинялся за то, что не предложил мне воды первой.

Зураб по очереди подсек все три удочки, но на них ничего не было, и он снова закинул их в воду. Сердито пробурчав, что у него невезучий день, словно в этом была виновата я, он с раздражением спросил, почему именно сегодня я захотела сюда прийти.

— Правильно делают охотники и рыбаки, что прячутся от женщин! Ты была в Хевсурети? Не была, вот и не знаешь, что в день, когда охотник идет на охоту, женщина не имеет права войти в его комнату. Да, вот так-то... Сегодня утром Саломэ, проснувшись, застала меня дома. Интересно, почему это она так рано поднялась? Вот я устрою ей взбучку, когда вернусь.

В ведре плавало штук пять мальков. «Всю рыбу в Сатевеле уничтожили», — с сожалением сказала я, а Зураб, словно только этого и ждал, взорвался: «И ты тоже хороша, неудачу приносишь. Конечно, любая женщина приносит охотнику и рыбаку неудачу, а ты что, из другого теста, что ли...». Он хотел сказать что-то резкое, но в последний момент сдержался и милостиво бросил: «Что, у тебя случилось что-нибудь?.. В такую даль пришла...»

— Я пойду, — с укором глядя на него, сказала я.

— Пойдешь? Какой теперь смысл в твоём уходе? Раз пришла, оставайся. Перекусим немножко, верно, проголодалась, — сказал Зураб, снимая с ветки хурмы корзину.

После третьего стакана вина лицо у него покраснело. Я тоже выпила. Охлажденная в Сатевеле изабелла была приятна на вкус.

— Неужели ты так просто, ни с того ни с сего пришла? — хитро спросил Зураб.

— Вы каждый день сюда приходите?

— Каждый день...

— В такую даль?

— Это для тебя далеко!

— А когда дождь идет? Что вы делаете в дождь?

— В дождь?

Пауза.

— Поставил шалаш, и все дела!

Я огляделась вокруг. Шалаша нигде не было видно.

— Не видишь, и я не покажу! — решительно сказал Зураб и, наполнив стакан, протянул его мне, а сам устался на водоворот.

«Был странником, и вы приняли Меня», — шепотом, как молитву, произнес он и посмотрел на меня.

— Я хожу сюда с того самого дня (он имел в виду день, когда он ушел из школы). Стоит мне не прийти, и водоворот сразу загрузит, а как только я появляюсь, он начинает радоваться и изо всех сил шуметь. Сейчас как шумит, слышишь? Слышишь ведь?

Я кивнула.

— А вот когда мы с тобой уйдем, он притихнет. И этот камень, — он погладил большой рукой, — скучает без меня и ждет моего прихода. Удивляешься? Это мой камень. Я прихожу, и он что-то шепчет мне. Я стелю на него мешок, сажусь и настраиваю удочки. «Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть», — шепчу я для себя, следя за ними. Маленькие рыбки-разбойницы играют с



удочками, но меня не проведешь, и я не стану доставать их из воды. Вода в этом месте мутная, я рыб не вижу, и они меня тоже, но они знают, что у меня на камне постелен мешок, я на камне сижу крепко и глаз не свожу с удочек. Этих червяков я надел на крючки, чтобы их обмануть, и они ведут себя очень осторожно... Я этого, конечно, не вижу, но наверняка знаю, что это так, и удочки не вынимаю из воды. Мелюзга постепенно смелеет и начинает более решительно хватать червей, и вот, увидев это, большая рыба не выдержит и подплывет к средней удочке — она самая большая, — вильнет хвостом, распугает мальков, накинется на удочку, проглотит наживку и бросится наутек!.. Бросится-то бросится, но Зураб Барбакадзе твердо сидит на камне, у него крепкая рука, он ловко подсечет удочку, и на траве забьется рыба. «Ибо алкаль Я, и вы дали Мне есть!» — громко сказал он и поднялся. — Пока я сюда не приду, моей душе словно чего-то не хватает...

Он задумался.

— Да, этой реки и водоворота, этого леса и замшелого камня мне не хватает! Приду, услышу шум водоворота, и моя душа возрадуется, разом прояснится, глаза станут зорче, рука — тверже! — фальшивым голосом патетически произнес Зураб, словно обращаясь с эстрады к публике.

Он внимательно посмотрел на меня и, заметив мою улыбку, смутился и покраснел.

Сев в стороне от меня, он снова уставился на водоворот.

Я тоже смотрела на водоворот, украдкой поглядывая на Зураба.

Краснота сошла с его лица, и он стал бледным, как бумага. На лбу у него собрались морщины, словно он сердился, но глаза смеялись.

— Значит, не посылал? — громко сказал он и улыбнулся.

...Прошлогодний сентябрь. Дождь. Раннее утро. Зураб встает и на цыпочках выходит в кухню, стоя завтракает. Он должен прийти в школу пораньше. Летом крышу школы немного подновили, заменив прогнившие места, но день назад в Хемгалский ветер — это всего лишь легкое дуновение, откуда только взялся тот ураган? Так он наверняка повредил крышу, а вчера всю ночь лил дождь, и, может статься, крыша протекла. Зураб пораньше придет в школу и поможет сторожу. Потом подойдут учителя и ученики старших классов и тоже не останутся без дела. На чердаке полно дранки, крышу быстренько приведут в порядок, — и делу конец.

Дождь. Туман.

Несмотря на вязкую грязь на дороге, Зураб идет быстро. На школьном дворе ему навстречу спешит сторож. Он не удивлен столь раннему приходу Зураба.

— Посылал? — спрашивает Зураб сторожа.

Сторож улыбается.

— Значит, не посылал?

И Зураб тоже улыбается.

«Значит, не посылал?»

Лоб в морщинах. Бледное лицо. Теперь уже глаза не смеются. Они чуть прищурены, и видны набрякшие веки.

— Значит, не посылал, — тихо, шепотом сказал он. Его глаза из-под опущенных век устремлены на водоворот, но мыслями он в школе.

...Школа. Десятый класс. Звонок на третий урок. Вместо Зураба в класс входит Екатерина. Класс молчит. «Садитесь», — говорит Екатерина, и ученики бесшумно садятся. Они делают это тихо совсем не потому, что Екатерина директор школы, нет, они любят ее. Екатерина хороший педагог, она знает свое дело, вкладывает в учеников всю свою душу, поэтому ее так любят и уважают. Когда Екатерина объясняет урок, кажется, что она просто беседует со своими учениками, и каждый раз класс слушает ее затаив дыхание. Ученики Зураба Барбакадзе забыли своего учителя и полюбили Екатерину, и в этом нет ничего удивительного.

Екатерина объясняет десятому классу новый урок, а Зураб — на Сатевеле. Водоворот. Холодный, замшелый камень. На камне лежит сложенный вчетверо мешок. На этом камне сидит Зураб. Удочки заброшены в Сатевелу, и он ловит мальков. Хотя нет, справедливости ради надо сказать, что иногда и крупная рыба попадается. Он сердит на Сатевелу? Не может быть! Когда он оставил школу и не находил себе дома места, разве Сатевела не дала ему убежища?

«Был странникомъ, и вы приняли Меня».

Видите те вязы? Там их три, но они стоят так близко друг к другу, что издали кажутся одним деревом, — за ними, отсюда его не видно, стоит шалаш Зураба. Стенами ему служит забор, крыша сделана из осоки, и в ней отверстие, служащее дымоходом. В дождливую погоду в шалаше у Зураба горит огонь, и в подвешенном над ним на цепи котле варится рыба. Зураб прибил к широкой доске четыре ножки, вместо мутки положил на нее оструганное полено, и в



дождь он любит отдохнуть на этом деревянном ложе. Мирно потрескивает огонь, в котелке варится рыба... Нет, Зурабнисколько не сердит на Сатевелу...

«Был странником, и вы приняли Меня».

Он говорит это шепотом, словно в шалаше есть еще кто-то, кто может услышать его.

Зураб встанет со своей деревянной постели, снимет с огня котелок и разложит сваренную рыбу на крапивные листья. Рыба обсохнет, и можно завтракать. Он вынет из корзины мчади, сыр и чесночный соус. В кувшине у него холодная изабелла, но утром он не будет пить вино, ведь он должен идти в школу. Правда, к сатевельскому усачу стаканчик холодного вина не помешал бы, но нет, ни в коем случае... У него в десятом классе урок... И как раз первый. Скорее за завтрак, чтобы не опоздать, батона Зураб! Ну, вот и все! С завтраком покончено! Входя в класс, он обязательно кашляет, чтобы предупредить учеников и дать им возможность усесться за парты. Делать переключку не нужно, все на месте...

Сатевела. Дождь. Туман. Крытый осокой шалаш. Посередине горит огонь, Зураб лежит на своем деревянном топчане. В котелке варится сатевельский усач. В кувшине холодная изабелла. В корзинке мчади, сыр и чесночный соус. Не смотрите под топчан, там сложены книги, тетради и карандаши, стоит чернильница с ручкой. Давайте заглянем в тетрадку Нателы Чапичадзе! Нет, нет, эту тетрадь Зураб сам посмотрит. «Записки путешественника» Ильи Чавчавадзе — написано крупным красивым почерком Нателы. Основная мысль произведения, пишет она, выражена писателем в словах мховца — «Мы должны принадлежать самим себе». Верно, именно в этом заключается философия «Записок путешественника». Зураб специально хранит старые тетради десятиклассников здесь, в шалаше, и в дождь любит их перелистывать. Он очень огорчается, заметив пропущенную ранее ошибку. Тогда он отложит тетрадь в сторону, заглянет в учебник литературы и начнет урок.

«Сегодня мы приступаем к изучению поэмы Акакия Церетели «Торнике Эристави»... Это поэма историческая...»

Солнце уже в зените, и в воздухе ни малейшего движения. Стало жарко. Таким неподвижным воздух бывает только перед дождем. И Сатевела притихла. Зураб неподвижно сидит на большом камне и, прищурив глаза, смотрит на водоворот. Да, смотрит на водоворот, что-то шепчет ему и не замечает ничего вокруг.

— Завтра понедельник, — между прочим сказала я.

Он искоса взглянул на меня.

— После воскресенья идет понедельник? — с иронией в голосе сказал он и, схватив удочку, стал вынимать ее из воды. Сначала он делал это медленно, но потом, почувствовав, что на ней что-то есть, встал и резко подскочил.

На удочку попался бычок размером не больше самого крючка удочки. Самое удивительное, что у этого бычка совсем не было туловища, только голова и хвост. Голова величиной с орешек и крошечный, как запятая, хвостик. Я его еле разглядела и громко рассмеялась. Зураб сердито взглянул на меня и снова закинул удочку с бычком в воду, пробурчав: «Эх, слазила». Я догадалась, что это относилось ко мне.

— За воскресеньем идет понедельник? И что? — сердито спросил он.

— Десятиклассники устраивают диспут, — спокойно сказала я, не сводя с него глаз.

Пауза.

Зураб повернулся ко мне спиной.

— Тебе пора уходить, Эка! — решительно объявил он и кашлянул.

— Мы пойдем вместе, — очень спокойно сказала я и глотнула из стакана вина.

— Я останусь здесь допоздна.

— Я тоже.

— Я тропинку наизусть знаю, а тебе трудно будет идти.

— У меня есть карманный фонарик, — со злорадством сказала я и допила оставшееся в стакане вино.

— Ты кого-нибудь любишь, Эка?

Я не ожидала такого вопроса и растерялась. Почувствовав, что мое лицо заливадается краской, я чуть не задохнулась от стыда и долго молчала, прежде чем пришла в себя.

— Никого! — с облегчением вздохнула я и попыталась изобразить на лице улыбку.

— Смеяться здесь нечего, Эка! Ты что, решила идти по стопам своей тети?

— А чем это плохо?

— В жизни много других путей! — стараясь быть ласковым, сказал он.

— Для меня этот путь проложила тетя!



+ Тетя? — спросил он и посмотрел на меня.

Пауза.

Теперь рассердилась я.

— Почему вы удивляетесь? Моя тетя определила мой жизненный путь! — убежденно сказала я. — Да, тетя! Выкройку моей жизни сделала моя тетя, выкройку вашей жизни — ваши родители, вы же, в свою очередь, — выкройку жизни вашего сына! Вы спросите, а как же школа, — школа дает нам знания, а тот, кто нас растит и воспитывает, дает нам душу. Вот душа моей тети переселилась в меня... Это происходит само собой, совершенно естественно, и тут теории не нужны, батона Зураб!

+ Ты что, уже усыновила кого-нибудь? Почему я ничего об этом не знаю?

— Еще успею! — сказала я.

+ Гордость губит людей, — многозначительно сказал Зураб и подсек удочку. На ней болтался тот же смешной бычок.

— Земля. Вода. Воздух. Огонь. — Он задумался.

— Бычок! — пришла на помощь я.

Он сердито посмотрел на меня, размахнулся и швырнул удочку на середину реки.

— Земля. Вода. Воздух. Огонь... Эпикур! — голосом Зураба сказала я и улыбнулась.

+ Да, Эпикур! — взорвался Зураб. — Эпикур осуждает гордыню, а ты гордая.

— Я гордая? — удивилась я.

— Конечно! Это тетя вырастила тебя гордой! Ты с детства была такая, уже в первом классе... Поверить, что и тебя никто не любит?

Пауза.

— Нужно, чтобы и я любила!

— Только доброе сердце может полюбить, Эка! — сказал он и, подойдя ко мне, ласково похлопал меня по плечу. Потом наклонился к моему уху и почему-то прошептал: «Твоя тетя была хорошая женщина, Эка, но недоτροга, и ее руки никого не согрели... Да, никого не согрели ее руки...». Неожиданно он перевел разговор на другое: — Так за воскресеньем, стало быть, следует понедельник? А что произойдет в понедельник?

У меня защемило сердце и по телу пробежали мурашки. Мне показалось, что я стала совсем маленькой, постепенно из поля зрения исчез водоворот, Зураб и те три вяза, которые издали казались одним, и большой камень. Я словно повисла в воздухе — я есть и нет меня... «Эка, для кого-то надо жить», — по-прежнему мне голос тети, и я снова увидела Зураба. Он сидел около меня и что-то бормотал. Кажется, он опять пробурчал — «ее руки никого не согрели», и этот добрый и красивый старик показался мне уродливым и злым.

Я решила уходить и встала.

— Ну, а при чем же понедельник, Эка? — спросил он и тоже встал.

Казалось, Зураб стал меньше ростом, он еле доставал мне до плеча, и его скрещенные на груди руки дрожали. Мне стало его жалко.

— Завтра у десятиклассников литературный диспут.

— Ну и что? — холодно бросил он и повернулся ко мне спиной.

Пауза.

— Что они обсуждают? — словно между прочим поинтересовался Зураб.

— «Отцеубийцу».

Он вздрогнул и, обернувшись, пристально посмотрел мне в глаза.

— Ничего другого они найти не могли? «Отцеубийцу» сколько раз обсуждали!

— Они хотят, чтобы вы были председателем, — примирительно сказала я.

— Я? Я — председателем? — он был явно удивлен, лицо его залилось краской, и глаза как-то странно заблестели.

— Пошли! — сердито сказал Зураб. Он поставил в корзину кувшин с недопитым вином, сложил в нее тарелки и стакан, а остатки сыра и мчади бросил в водоворот. Вытряхнув мешок, Зураб накрыл им корзину.

— Пошли! — бросил он мне и, схватив корзину, зашагал.

— А удочки? — воскликнула я.

Зураб остановился, глядя на водоворот, где смешно «клевала носом» удочка, которую он туда забросил. Над водой показывался то один, то другой конец удилица, точно удочка удила сама. Зураб рассмеялся. Подойдя к реке, он осторожно вынул из воды две другие удочки и положил их на берегу. Заглянув в ведро, он опять улыбнулся и бросил мальков в водоворот. Потом, вдруг посерьезнев, сказал мне:

— Что ты стоишь как вкопанная? Пошли!

И мы пошли.



Зураб впереди, я — за ним. Тропинка свернула к лесу. Деревья стояли плотной стеной, и сразу стало темно.

— У тебя фонарь есть?

— Есть, — сказала я и, достав из сумки фонарь, осветила на тропинку.

— Выключи и иди следом за мной, — сказал Зураб и пошел медленно.

Я так и сделала.

Когда мы вышли из леса, солнце уже зашло, но со стороны Сатевелы словно струился белый свет, освещавший тропинку.

— Ты не устала? — заботливо спросил Зураб.

— Нет!

Мы подошли к мельнице. Там никого не было видно, только слышался шум выбрасываемой из желоба воды.

— А я вот устал, — сказал Зураб. Опустившись на траву, он протянул мне мешок.

— Не хочешь? — сказала я и тоже села прямо на траву.

Зураб закурил.

— Ты не спешишь, Эка?

— Нет.

Мы помолчали.

— Что-то ты сердитая, — начал было он, и, сильно затянувшись сигаретой, закашлялся.

Не может быть, чтобы он устал, ведь мы шли под гору. Просто еще не совсем стемнело, и он боится встретить по дороге кого-нибудь из знакомых. Я уверена, что только поэтому он задержался у мельницы.

— Что передать ученикам?

Он встал, бросил сигарету и поднял корзину.

— Пусть сами дискутируют и сами председательствуют! Пошли!

Он пошел вперед, а я опять за ним. Сначала Зураб шел медленно, а потом вдруг заспешил. У мостика он остановился.

— Посвети!

Я достала из сумки фонарь и зажгла его. Зураб отошел в сторону.

— Теперь ты иди вперед, — тоном приказа сказал он.

Я пошла. За мостиком начинался подъем, и я шла очень медленно.

Когда мы вышли на проселочную дорогу, послышался лай собаки.

— Это она на свет фонаря лает, выключи! — тихо, почти шепотом сказал Зураб.

Когда я выключила фонарь, он тяжело положил мне на плечо руку.

— Почему все-таки выбрали «Отцеубийцу», Эка?

— Они сами выбирали.

Он помолчал.

— «Отцеубийца» обсуждался много раз... Ну, раз уж решили, пусть сами и председательствуют. До свидания. — Он протянул мне руку.

Оказывается, мы уже вошли в деревню и стоим у ворот Гуласпира Чапичадзе. В доме у него горел свет.

— Вы к Гуласпиру идете?

— Нет, домой.

— Какой дорогой? — удивилась я.

— Я здесь сверну, а от источника мой дом совсем близко. — Сказав это, он ушел.

Я крикнула ему: «До свидания!», он остановился, но ничего не ответил. Может быть, он помахал мне рукой, но в темноте я не увидела. Я решила, что Зураб сочинил про источник, потому что никакого источника поблизости не было. Наверное, он нашел тайную тропинку, по которой возвращался домой, скрываясь от односельчан. Сейчас он выговорит жене за то, что она научила меня, как его найти на Сатевеле. Скажет, что, мол, надоела за целый день со своей болтовней, — наверняка так скажет, да и то, что с пустыми руками с рыбалки вернулся, тоже на меня свалит. Как будто такого с ним раньше никогда не случалось.

...Свернув с проселочной дороги, Зураб, крадучись, прошел мимо двора Гуласпира Чапичадзе, потом зажег спичку и, найдя начало тропинки, пошел вдоль кукурузного поля.

— Обсуждают «Отцеубийцу»!. Все-таки почему именно «Отцеубийцу»? Неужели правда десятиклассники меня не выдали?

Миновав кукурузное поле, Зураб опустился на одно колено и пошарил рукой. Холодная вода доставила ему удовольствие.

«Эка подумала, что я солгал про источник. Вот он, мой источник».

Он легко перешагнул через забор. В доме над камином тускло светила лампа. Зураб оглядел двор — кукуруза собрана, солома срезана. Видно, сын, не-



вестка, внуки и Саломэ устали и рано легли спать... Зураба никто не ждет, и он никого не потревожит.

Он легким шагом прошел через двор, повесил корзину на столбе и осторожно открыл кухонную дверь.

В очаге горел огонь, а на стуле, обхватив колени, дремала Саломэ.

Она вздрогнула.

«Утром он велел открыть большой чур<sup>1</sup> с предназначенным для дня рождения Гоги вином и посмотреть, не прокисло ли оно, чтобы не опозориться перед гостями, как в прошлом году. День рождения-то уже завтра. А сейчас он рассердился, что открыли кувшин. Якобы он говорил, что это надо будет сделать в самый день рождения... Неужели Зураб забыл, что сказал утром?»

Зураб попробовал вино, отлитое в маленький кувшин, и оно ему показалось кислым.

— В этом году надо будет Гогино вино налить в самый большой чур и зарыть его как можно глубже в землю, чтобы вино хорошо сохранилось.

...В дом они вошли на цыпочках, но Гоги все же услышал и приподнял голову с подушки. Саломэ, приложив палец к губам, показала, чтобы он молчал. Открытая веранда была завалена кукурузой, а в доме стоял запах парного молока.

— Дедушка рыбу принес? — шепотом спросил у Саломэ Гоги.

— Да, принес.

— Живую?

— Живую! Тш-ш, спать надо! — сказала Саломэ и пододвинула внука к стене.

Зураб внес лампу в свою комнату.

На столе лежало письмо.

«Батоно Зураб!

Мы знаем, что завтра Вам исполняется шестьдесят лет, и наша школа хочет отметить это событие. Просим Вас не ходить завтра на Сатевелу на рыбалку. Педколлектив школы».

«Значит, Эка нарочно сказала мне про диспут, хотела меня обмануть?»

Он закурил сигарету, потушил лампу и, выйдя на веранду, осторожно сел прямо на кукурузные початки.

### III

Моя тетя!

Она заменила мне отца и мать.

Мне было всего полтора года, когда я лишилась родителей. Они умерли во время эпидемии... Да, она унесла тогда очень много жизней.

Оказывается, в наших краях в то время жил крупный торговец, который вел дела в Херге и Одессе. Позднее он основал торговое товарищество «Перевал», став его председателем, а моя восемнадцатилетняя тетя была у него секретарем-делопроизводителем. Он взял тетю к себе на работу не из-за ее красоты, как многие думали, а потому, что она была грамотная. Тетя Пелагея окончила четырехклассное кутаисское училище, хорошо знала русский и немного французский. Торговое товарищество «Перевал» вывозило в Одессу и Марсель ореховое дерево и орех, крепленое имеретинское вино, виноградную водку и фрукты, а в Хергу ввозило марсельскую черепицу, посуду, материи и керченскую тарань.

И вот когда мне было полтора года, почти пятьдесят восемь лет тому назад, этот самый председатель товарищества вместе с очередной партией груза завез в деревню черную оспу. Он жил рядом с нами, и мои родители по-соседски навещали его. Он и его близкие умерли первыми, за ними последовали мои родители. (Меня же еще раньше отправили к одной родственнице, в семью Джиноридзе). Говорят, тогда почти пятнадцать семей вымерли полностью.

Тетя Пелагея оставила Хергу и вернулась к своим родителям.

Бедная моя тетя!

Красивая она была, здоровая, домовитая, детей любила, а осталась старой девой...

...Помню, было мне тогда шесть лет. Стояла весна, начало мая. Как-то под вечер почтальон принес тете письмо. Прочитав его, она разволновалась и в растерянности заметалась по дому. В тот день она уложила меня спать раньше обычного, а сама, с трудом притащив лестницу, поднялась на чердак и достала люльку, старую люльку, в которой растили меня, и вымыла ее горячей водой с мылом. Наутро, когда она меня разбудила, она была очень бледной, и видно было, что не спала всю ночь. В большой комнате стояла засте-

<sup>1</sup> Чур — зарываемый в землю глиняный кувшин, в котором хранится вино.



ленная люлька, и я узнала свое одеяло и подвешенного к ней белого медвежонка с погремушкой в лапе.

Тетя оставила меня у соседей и на лошади Гуласпира Чапичадзе поехала в Хергу. Вечером она вернулась с грудным ребенком на руках и, улыбаясь, сказала, что привезла мне младшую сестренку. Мать девочки умерла во время родов, отец пропадал неизвестно где, и мы должны были вырастить эту сиротку... Ребенок жалобно пискнул, и тетя заплакала. Она велела мне позвать старшую невестку Кондрате Кикнавелидзе, у которой тоже был грудной ребенок, и добрая женщина целый год была кормилицей нашей Маико.

Помощники? Помощников у тети Пелагеи не было. Нашим кормильцем был наш двор — один гектар земли, наполовину заселенный кукурузой. Сеял Гуласпир Чапичадзе, а мотыжила землю тетя сама — два, а то и четыре раза в год. Я обычно помогала полоть. Иногда в кукурузу тайком пробиралась Маико, но тетя прикрикивала на нее и гнала прочь, а мне говорила: «Твоя помощь мне не нужна, Эка. Лучше посмотри за ребенком». Маико же чаще всего капризничала, не хотела со мной играть и просилась к маме. Тогда тетя бросала работу, брала Маико на руки и гуляла с ней по двору, что-то ласково ей нашептывая.

Я не могу сказать, что тетя кого-то из нас любила больше, просто Майя была намного младше меня, и тетя относилась к ней с большей нежностью и старалась все время быть к ней поближе, а спать укладывала в свою постель. Стоило Маико схватить насморк, как тетя становилась сама не своя и начинала парить ей ноги и пичкать всякими отварами из трав.

Основной доход наша семья имела от виноградника и фруктов. У нас было только сорок яблонь и инжирных деревьев, три очень больших дерева грецкого ореха, а вокруг всего двора частоколом стояли груши разных сортов. Все деревья были увиты лозой изабеллы, которая, по утверждению Гуласпира Чапичадзе, была лучше хванчары и оджалешы. Фрукты и виноград были нашим единственным богатством, и тетя Пелагея как могла растила нас с Маико. Мы ее называли мамой, и она действительно была нам матерью.

И вдруг совсем неожиданно шестилетнюю Майю у нас отняли.

Накануне того дня Гуласпир сбивал орехи с наших деревьев, а мы подбегали к ним на землю.

На следующий день, когда мы с Майей собирали валявшиеся вокруг деревьев листья, а тетя наводила порядок в доме, у наших ворот остановился всадник и кликнул хозяйку. Тетя вскрикнула, услышав его голос, и мы с Майей, испугавшись, помчались в дом. Тетя схватила Майю и укрыла ее подолом своего платья. — Эка, помоги, — простонала она. Взгляд ее остановился, и она как подкошенная упала на пол.

— Пелагея, это я, выходи, — позвал неприятный голос незнакомца. Он слез с лошади и, открыв калитку, завел ее во двор.

Тетя быстро пришла в себя, легко поднялась с пола, словно ничего и не случилось, и, посмотрев на себя в зеркало, поправила рассыпавшиеся волосы. Она велела пригласить гостя в дом, а сама, взяв Маико, вышла с ней через заднюю дверь в кухню.

Выйдя на веранду, я увидела, что незнакомец привязал свою гнедую лошадь к ореховому дереву и направляется к дому.

— Заходите, — сказала я, встречая его у лестницы.

Он поднялся и, внимательно посмотрев на меня, глухим голосом спросил, где та девочка, которую он видел вместе со мной. Я ответила, что она на кухне, и предложила ему стул.

Он заглянул в одну комнату, другую и хотел, видно, что-то спросить, но в это время на веранду вышли тетя и Маико.

Тетя и гость посмотрели друг на друга, но не поздоровались.

— Эка, — спокойно сказала мне тетя, — пойдите с Маико во двор и дайте лошади скошенной травы, что лежит под грушей.

Уже на лестнице я услышала тегин голос: — Каким ветром тебя сюда занесло, Бардзим?

Мы дали лошади травы и, так как из дому нас не звали, начали искать затерявшиеся в траве орехи. Их набралась почти целая корзина.

Прошло много времени, прежде чем тетя и тот мужчина показали на веранде. Тетя прошла на кухню, а он еще долго ходил взад и вперед по веранде, поглядывая во двор, а потом спустился к нам.

— Кто сбивал орехи? — спросил он, глядя на меня.

— Гуласпир, — сказала я и протянула ему один.

— Кто такой этот Гуласпир?

— Наш сосед.

— Молодой?

Я замешкалась, а потом, оглядев Бардзима, сказала:

— Ему, наверно, столько же лет, сколько вам.



— А ты откуда знаешь, сколько мне лет? — рассердился он. Разговаривая со мной, он не сводил глаз с Майи.

Я покраснела и опустила голову.

Тетя позвала нас, и я, облегченно вздохнув, побежала к дому. Бардзим положив руку Майе на плечо, медленно пошел следом за мной.

На веранде был накрыт стол. Мы сели, Бардзим налил в два стакана вина, и, когда тетя взяла в руку свой, я взглянула на нее и увидела в глубине ее глаз такую неизбытную тоску...

— Маико, у тебя сегодня счастливый день! Наш гость — твой отец! — спокойно, как-то чересчур спокойно, сказала тетя и взглянула на Бардзима.

Майя вздрогнула, и лицо ее стало пунцовым. Она задрожала, как в ознобе, и тетя, успокаивая девочку, стала гладить ее по голове.

— Иди, поцелуй отца, — все таким же ровным голосом сказала тетя и посадила Маико на колени к Бардзиму.

Он встал и, словно баюкая девочку, крепко прижал ее к себе и поцеловал в глаза и лоб. Майя тоже робко коснулась губами его щеки.

— Какая большая стала моя Маико! — Улыбаясь, он снова посадил дочку себе на колени.

— Сейчас будем обедать! — сказала тетя, и в комнате стало очень тихо.

— Папочка, ты останешься у нас? — спросила Майя и погладила его по щеке.

Молчание.

— Нет! Вы с отцом поедете в город! — строго сказала тетя, и я заметила, какого труда ей это стоило. Она сначала покраснела, а потом стала белая, как бумага.

Майя соскочила с колен отца, подбежала к тете и, плача, уткнулась ей лицом в грудь.

— Мама, я хочу остаться с тобой.

Тетя прикусила губу.

— Я твоя тетя, Маико! — крепко прижав девочку к груди, плача сказала она.

— Нет, ты моя мама! Ты не тетя! Я хочу остаться с тобой! — Маико в отчаянии прижималась к тете, не переставая всхлипывать.

Мы все прослезились, даже Майин отец. Потом ему, видно, стало стыдно, и, встав из-за стола, он вышел в другую комнату. Я видела, как он смахнул платком слезы и закрыл руками уши.

— Не плачь, папа ненадолго возьмет тебя к себе в город, сошьет тебе красивые платья, купит новые туфли, игрушки... А потом мы с Экой приедем за тобой. Ты ведь уже большая и умная девочка и должна послушаться отца... — Лаской и уговорами тетя почти успокоила Майю, но та еще продолжала изредка всхлипывать и не отходила от тетиного подола.

— Посмотри, какая красивая лошадь у твоего папы! Посадит он тебя на нее, и вы поскачете... — с улыбкой сказала тетя, делая вид, что ей очень весело.

— Ну, а теперь поспешите. — Поторопила она и вынесла из комнаты хурджин. — Здесь Майины вещи и еда на дорогу, — холодно сказала она отцу Маико. Потом умыла Майю, надела на нее новое платье и вместе с ней спустилась во двор, где мы с Бардзимом уже дожидались их.

Пока мы шли к воротам, Маико обеими руками прижимала к своей щеке руку тети.

Я открыла калитку, и мы вышли со двора.

— Прощайся, — сказала мне тетя и подтолкнула Майю в мою сторону.

Глаза у Маико были совсем красные от слез. Я поцеловала ее в лоб, и он показался мне горячим, поцеловала в щеку — она тоже горела. Мне стало ее бесконечно жалко, и я опять заплакала. Тетя подняла Маико на руки и долго-долго прижимала к себе, потом, взяв ее за подбородок, внимательно посмотрела ей в лицо и стала осыпать поцелуями ее глаза, лицо, шею и вдруг, словно опомнившись, резко оторвала от себя девочку и посадила ее в седло.

Бардзим отпустил уздечку, собираясь идти пешком, но тетя велела ему сесть на лошадь, и он стал пристраивать на седло хурджин.

— Бардзим! Смотри, чтобы ребенок ни в чем не нуждался, а то... — запальчиво сказала тетя... — А теперь ступай! — холодно добавила она. — Но, — крикнула она лошади и повернулась спиной к отъезжающим.

Пауза.

— Что же ты стоишь, Бардзим?

Бардзим тронул коня.

На повороте Майя перегнулась через седло и посмотрела в нашу сторону. Я увидела, как она замахала руками, и услышала ее плач, потом плечи Бардзима закрыли Майю, и лошадь с всадниками скрылась из глаз.





— Уехали? — безразличным тоном спросила меня тетя.  
 — Уехали, тетечка! — ответила я и, не сдержавшись, заплакала.  
 — Чтобы я не видела слез! — повернулась ко мне тетя и, украдкой вытирая нув на дорогу и никого там не увидев, закрыла глаза.  
 — Принеси мне медный кувшин для воды, — сказала она и прислонилась к калитке.

Когда я вынесла кувшин, она стояла все там же.

— Я пойду на Сатевелу, — сказала тетя и ушла.

Я зашла во двор и спряталась за забором. Тетя шла сначала медленно, потом все быстрее и быстрее и, наконец, побежала, но только не к Сатевеле, а по дороге, вслед за уехавшими Майей и Бардзимом.

...С Сатевелы она вернулась уже вечером. Я сидела на веранде. Тетя прошла прямо на кухню и позвала меня оттуда.

— Ну, что, грустишь одна?

Посмотрев на нее, я заметила, что веки у нее опухшие. Хорошо хоть выплакалась, отвела душу.

— Грустно, тетечка! — покорно ответила я и опустила голову.

— Никто не приходил?

— Был Гуласпир.

— Что он хотел?

— Принес инжирную водку, попробовать.

— Дай-ка ее сюда! — Тетя достала из стенового шкафчика стопку.

Водка стояла там же. Тетя налила себе и выпила.

Мы долго молчали.

— У отца больше прав, чем у воспитательницы. И чтоб я на твоих глазах слез больше не видела! — грустно, но тоном, не терпящим возражений, сказала тетя и взглянула мне в лицо.

— Майя еще совсем ребенок. Кто будет за ней смотреть и баловать, к тому она и будет привязана... А нас скоро забудет...

Больше тетя не промолвила о Майе ни единого слова, словно ее и не было. Правда, она сильно пала духом и была очень грустна. Соседей домой не приглашала, да и сама к ним в гости не ходила. Зато зачастила на Сатевелу и всегда возвращалась оттуда с заплаканными глазами. Со мной в такое время она старалась не встречаться.

Ни мы с тетей не поехали в Хергу, чтобы забрать Майю, ни Майя с Бардзимом не приехали в Хемагали, и постепенно вся эта история предалась забвению.

С Майей и Бардзимом я встретилась через семнадцать лет.

Случилось это в Херге, куда я приехала на совещание директоров школ. Это было одно из совещаний, которые обычно проводятся в августе перед самым началом учебного года.

В Херге, как всегда в это время, стояла жара, и, дождавшись перерыва, я зашла в кафе на набережной Хевисцкали, чтобы съесть порцию мороженого. За соседним столиком сидели трое — женщина и двое мужчин. Они громко разговаривали, и я обратила на них внимание. Лицо женщины мне кого-то напоминало, а увидев рядом с ней Бардзима, я догадалась, что это была Майя. Моей первой мыслью было пойти к ней, но я не решилась.

Майя с молодым человеком ушла раньше. Проходя мимо моего столика, она посмотрела в мою сторону. Я опустила голову, и она прошла мимо.

Оставшись один, Бардзим заказал еще мороженого и закурил. Глаза наши встретились, и он узнал меня. Поздоровавшись, он подсел ко мне.

— Это была Майя. Вы ее не узнали? — улыбаясь, спросил Бардзим.

Я молчала.

Бардзиму принесли мороженое, и он попросил лимонада.

— Не узнали Майю?

— Узнала, — сказала я и отвернулась.

— Я сейчас же позову ее, они вон там, зашли в мой универмаг.

Из этого многозначительного «мой универмаг» я должна была понять, что он был его директором. Я хотела сказать, что я это знаю и что мне даже известно, какие интриги он вел против бывшего директора и во сколько обошлось ему заподумать это место, но передумала, а потом пожалела.

— Так я сию минуту приведу ее, — сказал Бардзим.

— Нет! — возразила я и оглядела его с головы до ног. Он заметно потолстел. Лицо покрылось морщинами, появился второй подбородок.

— Вы по-прежнему работаете в колхозе? — словно между прочим поинтересовался он.

— Нет, в школе.

— Счетоводом?

— Директором.





— Директором? — удивленно спросил он и выпрямился на стуле.

— А ваша тетушка? Тетя Пелагея?

Пауза.

— Как поживает ваша тетя?

— Она умерла в прошлом году...

Он вздрогнул, словно услышав неожиданное известие, смял сигарету и встал. И для чего он ломал передо мной комедию?

— Странно... такая была здоровая женщина.

— После того, как вы забрали Майю, она очень изменилась. Это ее сломало.

— Боже мой, да когда это было, я и думать об этом забыл! — холодно сказал Бардзим и выпил лимонада.

— А моя тетя не могла забыть Майю! Не могла! Майя же ни разу ее не навестила, даже письма не написала. И на похороны не приехала...

— Как Майя могла приехать? Как мы могли приехать? Мы ведь ничего не знали!

— Я вам послала письмо.

— Какое письмо?

— То самое, которое вы получили.

— Никакого письма я не получал! — решительно сказал он, пожав плечами.

— Нет, получили! Я знаю, что вы получили мое письмо.

Бардзим изменился в лице и глотнул лимонада. Потом чиркнул спичкой, но так и не смог зажечь сигарету — так у него дрожала рука. Его двойной подбородок задрожал, и он отвел глаза в сторону.

— Человеку, который принес вам письмо, вы велели передать, что якобы вас нет в Херге, а от Майи скрыли, что умерла ее воспитательница... Вы бессердечный и злой!

Я хотела крикнуть Бардзиму что-нибудь очень оскорбительное, но не смогла, только с презрением посмотрела на него и встала.

— Подождите, присядьте на минутку! Только на минутку! — хрипло сказал он и взглянул на меня мутными глазами. Потом он с трудом достал из кармана огромный, как полотенце, платок и вытер потное лицо.

— Вы убийца своей собственной тети! — бросил он и усмехнулся. — Да, именно вы убили ее! Вы — убийца Пелагеи, а вините Майю, меня! Вот так-то!

Все во мне напряглось, и я почувствовала отвращение к этому человеку. Вдруг у меня к горлу подступил комок, и я бессильно опустилась на стул.

— Я убийца своей тети?

— Твоя тетя была моей невестой... Да, я собирался на ней жениться! — важно произнес он и улыбнулся.

«Неужели моя тетя любила такое ничтожество?»

— Пелагея меня любила, очень любила! — сказал он и обнажил в самодовольной улыбке золотые зубы.

Чтобы не потерять сознание, я глотнула лимонада.

— И что же случилось?

— Она сказала: Эка тоже будет с нами жить.

— Я?

— Другой Эки у твоей тети не было. Тебе тогда было два года. Да, она так и заявила, что ты будешь жить с нами.

Он опустил голову и, поискав зубочистку, стал играть ею левой рукой.

— Я отказался растить чужого ребенка, — тихо, будто для себя сказал Бардзим и искоса взглянул на меня.

Мне стало бесконечно жаль мою тетю.

— Я и тогда был богатый, — все таким же тихим голосом продолжал он и, облизнув вычищенный зубочисткой ноготь большого пальца, выпил лимонада. — Так мы и не договорились. Тетя тебя не оставила... Ну, а я женился на другой. Что мне оставалось делать?

Пауза.

— Моя бедняжка жена оказалась несчастливой, она умерла во время родов, и мою Майю растила твоя тетя.

Он опять облизнул большой палец и выпил лимонада.

— Когда дочка подросла, я забрал ее к себе. Разве я не должен был это сделать?

«Осень. Веранда нашего дома. Мы с тетей сидим за столом, и она смотрит на хребет Санисле. «Идет», — шепчет она, и взгляд ее застывает. Меня пугает прячущаяся в глубине ее глаз тоска.

— Тетя, — позвала я. Она вздрогнула и вся как-то напряглась.

— Что ты уставилась на меня, Эка? Делай свое дело! — рассердилась она, ушла в большую комнату и легла там на тахту, устремив взгляд в потолок. Ког-



да я о чем-то спросила ее, она вспыхнула. — Ну что ты пристала, Эка? — Вскрикнула тетя поздно и всю ночь металась во сне. Неужели она ждала Бардзима?»  
— За то, что твоя тетя кормила Майю, я ей давал деньги, но она их мне вернула... Возьмите вы для ее могилы.

— Как вы смеете! — крикнула я и бросилась прочь.

Я отпросилась с совещания, в тот же день на попутном грузовике вернулась в деревню и, несмотря на страшную усталость, весь вечер занималась тем, что перевернула весь тетин сундук. В нем оказались моя «Родная реть» и тетради, Майина рубашка и чулки, фотографии, письма. И среди них — известное мне письмо Бардзима, в котором он просит тетю: «Ребенок остался без матери. Удочери». Я раньше не придавала значения этому письму, но, перечитав его снова, многое увидела в ином свете. Может быть, они и вправду любили друг друга?

На дне сундука скопилось много пыли, и я вытащила его на веранду, чтобы вытряхнуть. Перевернув сундук вверх дном, я несколько раз ударила по нему рукой, а когда подняла его, на полу лежала фотокарточка. Я зажгла лампу, чтобы получше разглядеть фото. На нем были изображены моя тетя и Бардзим. Ей было тогда, наверное, лет семнадцать. Казалось, ее ноги едва касаются земли и у нее вот-вот появятся крылья, на которых она улетит. Ее левая рука лежит на плече Бардзима, а лицо так и светится счастьем. Бардзим с самодовольным видом одной рукой обнимает тетю за талию, а другую засунул в карман брюк.

Тетя никогда от меня ничего не скрывала, но обо всей этой истории я ничего не знала.

— «...нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы известно...»

А я-то считала мою тетю святой...

#### IV

Еще до войны многие из нашей деревни переселились в другие места.

Председателя нашего колхоза и главного агронома перевели на работу в Хергу, и они там так и осели.

Заведующего сельпо и продавца магазина в Хергу, правда, никто не звал, но они вдруг поспешно продали свои дома в Хемагали и так же срочно отстроились в Херге, а работа для них нашлась легко. Бывший заведующий сельпо устроился в аппарате торговли, а бывший продавец возглавил швейную артель глухонемых.

Несколько семей перебралось в Тбилиси. Сначала в столицу переезжала мать, чтобы присматривать за дочкой или сыном, учившимся в институте или университете, а потом она перетягивала в город и мужа, убедив его в невозможности жить на две семьи. И скоро они окончательно обосновывались в Тбилиси.

Хемагали была большая деревня, и как-то не чувствовалось, чтобы людей в ней становилось меньше.

А вот война сразу опустошила ее.

Я подсчитала: из нашей деревни ушло на фронт двести шестьдесят два человека, а вернулось только семнадцать.

В первый год войны ни одна семья в деревне не получила с фронта даже весточки, но все надеялись на то, что не могли все наши погибнуть разом. Весной сорок третьего, когда в деревню после ампутации ноги привезли Нодара Джиноридзе, мы лишились и этой надежды. Вся деревня накинулась на него с расспросами, но он твердил одно и то же: «В Херчи мы были все вместе, а что случилось потом — не помню. Когда я пришел в сознание, я уже лежал в сочинском госпитале и одной ноги у меня не было».

Деревня была в смятении, страх обуял людей, великая печаль поселилась в Хемагали, изгнав со дворов песни и смех.

Первые причитания раздались в той части деревни, где жили Джиноридзе. Их семьи осиротели раньше других.

Иасе Джиноридзе выкрасил черной краской сначала ворота, потом веранду со столбами, потом винные кувшины и даже медные кувшины для воды. Между черными столбами он натянул черную материю с надписью: «Оплакиваем Левана, Автандила, Герасиме...» Да, Иасе Джиноридзе все, что можно было, выкрасил в черный цвет, и один только вид его усадьбы наводил на меня тоску и страх.

С рассветом вместе вставал над деревней плач Саломэ Джиноридзе:

«О, сыночек мой Леван!

О, сыночек мой Автандил!

А с тобой-то что случилось, Гера, сынок?»



На кого вы покинули вашу несчастную мать? Не стыдно вам, сыночки? Вас нет в живых, а матери что делать? Только одной надеждой и живу, что вы вернетесь, а нет — так подожгу дом, и сожжем мы с Иасе себя, и будет это для нас одним удовольствием...

Не берите греха на душу, детки мои, возвращайтесь! Глаза мои иссушила печаль, сердце устало... Мать ждет вас, несчастная ваша мать...»

Когда, плачем и тяжкими вздохами облегчив душу, Саломэ затихала, вступил голос ее ближайшей соседки:

«Сыночек мой единственный, хоть бы я была с тобой рядом и та пуля убила бы твою мать, а ты остался жить! Слабенький ты был всегда, Георгий, сыночек, и шуля врага легко нашла тебя! Несчастливая, несчастная твоя мать...»

Черное платье,  
черные чулки,  
черные сапоги,  
черный платок на голове —  
идущие на Сатевелу женщины из рода Джиноридзе напоминали стаю ворон.

Скоро смерть добралась и до наших соседей.

Первыми были выкрашены в черный цвет ворота Гуласпира Чапичадзе. Потом пришла весть, что погиб Чабуа Чапичадзе, затем Герваси Чапичадзе, и вся часть деревни, где жили Чапичадзе, погрузилась в траур.

Одними из первых переселились от нас семьи Джиноридзе. Когда укрупняли итхвисский колхоз и наш колхоз прислали к нему как бригаду, Джиноридзе поняли, что это не сулит Хемагали ничего хорошего, и потребовали, чтобы им выделили место под жилье в Итхвиси. И вот в один прекрасный солнечный весенний день чуть ли не весь Итхвиси оказался у ворот Джиноридзе. До шоссе их имущество перевозили на арбах, лошадях или просто тащили на гербу, а на шоссе они погрузились на машины и прибыли в Итхвиси. На следующий год примеру Джиноридзе последовало несколько семей Кикнавелидзе, которые поселились по соседству с ними.

...Постепенно Хемагали пустело, и только в центре деревни, где стоит школа, осталось жить несколько семей Чапичадзе и Квиниадзе.

Школа тоже спустела. Ее преобразовали в четырехлетку. В ней осталось всего двадцать учеников и одна учительница — моя Эка. Эти четыре класса я разместила в двух больших комнатах, так что у Эки сидят вместе первый и второй классы, а у меня — третий и четвертый.

И дети как-то изменились: не прыгают, не шумят, как раньше, когда, едва дождавшись перемен, они сломя голову неслись во двор, кричали как оглашенные, гоняли мяч и чуть ли шею друг другу не сворачивали... Теперь после урока они тихо спускаются во двор, стоят молча, собравшись в углу, и, не дождавшись звонка, гуськом вернутся в класс.

...Сегодня конец учебного года, и с завтрашнего дня в школе станет на пять учеников меньше. Покинут нас пять бывших четырехклассников, и школу наверняка закроют. Закончит свое существование школа, и закончится моя жизнь. Эку переведут на работу в Хергу, а я останусь в Хемагали; конечно, она пристанет, чтобы я тоже поехала с ней. Ну, что за жизнь в одиночестве! Но я, наверное, не соглашусь и останусь в деревне, а по воскресеньям буду с Гуласпиром ездить на хергский базар и навещать Эку.

Я велела всем ученикам собраться в одном классе, чтобы объявить им отметки и дать задание на лето.

Мы с Экой вошли вместе, и, еще не проверив списка, я почувствовала, что кто-то отсутствует. Не оказалось на месте третьеклассника Георгия Чапичадзе. Он был хорошим учеником и не имел привычки пропускать уроки, поэтому то, что он не пришел в последний день учебного года, встревожило меня. Я решила, что с ним что-то случилось.

Вдруг послышался робкий стук в дверь, и Эка впустила Георгия. Он вошел с опущенной головой, весь красный, едва переводя дыхание.

— Садись! — деля вид, что я на него сердита, сказала я и внимательно посмотрела на ребенка. — Ну, что, проводил дедушку на Сатевелу? Наверное, помогал ему нести сети и поэтому опоздал?

— Дедушка не пошел на Сатевелу, — смущенно сказал Гоги и еще ниже опустил голову.

— Почему? — удивилась я, ведь дедушка Гоги если не каждый день, то через день ходит на Сатевелу рыбачить, а потом присылает соседям сатевельскую рыбу.

Пауза.

— Так почему он не пошел? Заболел? Я тебя спрашиваю, Гоги!

— Он не пошел, потому что видел сон.





— Сон? Видел сон? Какой сон?

Молчание.

— Отвечай! — услышала я чей-то шепот.

— Как будто, когда он был на Сатевеле, а бабушка ушла к соседям, из Херги прискакал верхом мой отец и увез меня... Теперь он боится, чтобы его сон не сбывся, и стережет меня.

Дети засмеялись, улыбнулась и я. У Гоги от обиды на глазах выступили слезы, он спрятал голову в парте, и я услышала едва сдерживаемые рыдания.

— Ну, а что в этом страшного? Что случится, если отец заберет сына к себе в Хергу? Ты что, не хочешь туда ехать?

Гоги встал и, вытерев ладонями глаза, посмотрел на товарищей.

— Отвечай! — опять услышала я шепот.

Пауза.

— Дедушку жалко! — тихо сказал Гоги и взглянул на меня.

— Да, дедушку твоего жалко, — тоже тихо согласилась я.

Гоги опять оглянулся на класс и посмотрел мне в глаза.

— А что, дедушка говорит, чтобы ты не ехал? — ласково спросила я и

отвела взгляд.

— Нет, он этого не говорит.

— Так что же он сказал?

— Поступай как знаешь.

— А ты сам чего хочешь?

Пауза.

— Говори, Гоги! — донесся до меня шепот.

— Мне дедушку жалко! — так же тихо сказал он и, взглянув на меня, продолжал еще тише: — Он меня теперь караулит, до самой школы провожал. А быстро ходить ему трудно, поэтому я сегодня опоздал.

— Правда, жаль твоего дедушку, — шепотом же сказала я и посмотрела на свои часы. Оказывается, с тех пор, как я вошла в класс, прошло всего каких-то пятнадцать минут, а я чувствовала себя очень усталой. Я встала.

— А теперь немного поиграйте во дворе, — сказала я, и мы с Экой вышли на веранду.

— Вон он сидит, — сказала Эка, показав рукой в сторону ворот.

У калитки сидел Алмасхан Чапичадзе.

Наверное, стыдясь того, что Гоги может рассказать нам про его сон, Алмасхан сидел, повернувшись к школе спиной.

Да, сидит он около школьной калитки на травке и в страхе смотрит на дорогу: не скачет ли по ней его сын, чтобы, схватив внука, умчаться в Хергу. Бедный ты, Алмасхан, бедный...

...Позавчера Дудухан привезла известие, что нашу школу закрывают, а мне еще ничего не сообщали, и уже две ночи я не сплю. Чтобы маленькая Эка ничего не заметила, я перешла спать на веранду, сказав ей, что в комнате мне жарко. На дворе июль, и, действительно, жара стоит невыносимая.

Под предлогом, что мне нужно привезти учебники, я решила съездить в Хергу, и утром пошла к Гуласпиру Чапичадзе.

Гуласпир крутился около калитки, шаря в траве палкой, и меня не заметил. Я не хотела ему мешать и спряталась за тутовое дерево.

Послышался скрип арбы.

— Кесариа! — громко позвал Гуласпир.

Открылась дверь кухни, и Кесариа насмешливо спросила:

— Ну, нашел свою драгоценность?

— Нашел и сейчас же преподнесу тебе! Ты не слышишь скрипа арбы?

Видно, еще кто-то уезжает.

— Да пропади они пропадом! Ну и пусть уезжают. Чего ты-то переживаешь? — прикрикнула на мужа Кесариа, а сама плотнее закрыла дверь кухни, чтобы не слышать скрипа арбы.

— Эх, уезжает и этот горемыка! Кто же остается, а? — шепотом сказал Гуласпир и ударил палкой по тутовому дереву.

— Мы, — громко сказала я.

Гуласпир смеялся, но тут же, улыбаясь, воскликнул:

— Смотрите-ка, мне явилась пресвятая богородица.

— Сатана! — сказала я и тоже улыбнулась.

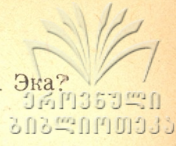
— Сатана? Почему сатана? — удивился Гуласпир и окинул меня критическим взглядом.

— Что-то ты необычно оделась, — заметил он.

— Я уезжаю, — холодно ответила я.

Он вздрогнул и, поковыряв в траве концом палки, поднял голову и посмотрел на меня.





- Тебя в Хергу назначают?
- Какое там назначают! Уже назначили.
- Ну, что ж, это дело! — сказал Гуласпир и стал ко мне боком. — А Эка?

Маленькая Эка?

- Ее тоже назначили.
- Ну, что ж, хорошо. Уезжайте, не будете же вы из-за нас убиваться... — теперь уже с грустью сказал Гуласпир и, сдув пыль со стоявшей в тени тутового дерева низкой длинной скамейки, тяжело опустился на нее. Потом он с грубоватой нежностью усадил меня и сам сел рядом.

Много ночей провел Гуласпир под этой туютой на этой самой скамейке. Удрав от Кесарии, он на цыпочках спускался во двор и спешил к своей скамейке. Сидя в темноте, он прислушивался, не донесется ли до него голос возвращающегося домой Алмасхана, и взгляд его не отрывался от Хемагальских гор, но оттуда на него смотрел только страх. До Гуласпира долетал едва слышимый шелест его крыльев, и все его существо наполнялось ужасом. Гуласпир крепко зажмурился, но страх, проникая в самую его душу, заставлял его открыть глаза, и он, не в силах двинуться с места, сжавшись в комок, часами сидел в темноте под тутовым деревом, глядя перед собой невидящим взором, и тело его тряслось, как в ознобе...

— Завтра пятница, и, может быть, на твоём «рысаке» съездили бы в Хергу, — начала я и положила руку на плечо задумавшемуся Гуласпиру.

- Вещи отвезти? — глухо спросил он.
- Вещи? — удивилась я. — Я должна привезти учебники.
- Какие учебники? — теперь настала очередь Гуласпира удивляться. Он с недоверием взглянул на меня, и я поняла, что ему уже было известно о закрытии школы.

- Да, учебники.
- А-а, так, значит, ты не уезжаешь? Пошутила? Хотела поугатать меня? Скажи, просто хотела поугатать, Эка?
- Ну, конечно. Поедем завтра в Хергу.
- Мы с Александре собирались туда в воскресенье, но раз тебе нужно, поедем завтра.

— Вы требуете от меня невозможного! Да, да, невозможного! — сердясь, громко сказал заведующий отделом просвещения. Он посмотрел мне в глаза и, насмешливо улыбувшись, встал, давая понять, что наш разговор окончен. Я не двинулась с места.

Догадавшись, что от меня так легко не отделаешься, он решил подкрепить свой отказ еще одним аргументом:

— Можно ли, чтобы в деревне была только школа? Конечно, нет! Сельсовет в Хемагали есть? Нет! Медпункт? Нет! Почта? Колхоз? Нет, нет и нет! И дело с концом! Школа? Да разве это школа, если в ней всего семнадцать учеников? Ведь так: шесть в первом классе, пять во втором и по три в третьем и четвертом! Семнадцать учеников и два преподавателя! Большое дело! Есть из-за чего огород городить! И вы требуете, чтобы отдел просвещения тратил государственные средства на такие игрушки? Нет, ни в коем случае! Да-да, калбатано Екатерина, вы требуете от меня невозможного. Я маленький человек, и сделать то, что вы просите, не в моих силах...

Я знаю Калистрате, очень хорошо знаю.

И Калистрате прекрасно знает меня.

Он уроженец Херги. Отец его, Евдокиме Табатадзе, царство ему небесное (если не ошибаюсь, он умер лет семь тому назад), был заведующим хергской авторемонтной мастерской.

Калистрате окончил восьмилетку в Херге, а в том году, когда меня назначили директором хемагальской школы, родители привезли его к нам в деревню к бабушке. Врачи прописали ему деревенский воздух, а лучшего, чем в Хемагали, не найти. Учился он средне. Когда Калистрате перешел в десятый класс, вдруг выяснилось, что его пребывание в деревне было вызвано совсем другой причиной. Оказывается, он обязательно должен был кончить школу на медаль. Нельзя сказать, чтобы он не был старательным учеником, неправда, занимался он очень прилежно и даже брал частные уроки, но на пятерки учиться так и не мог. Осенью Евдокиме приехал в деревню и закатил для учителей пир. Я, конечно, тоже была приглашена, но прийти отказалась, сказавшись больной. На следующий день под вечер Евдокиме сам пришел ко мне. Я немного удивилась его появлению, но и виду не показала, приняла его очень любезно. Смущаясь, он положил на тахту довольно большой сверток и, заискивающе улыбувшись мне, оглядел комнату. Заметив признаки недовольства на моем лице и, наверное, чтобы рассеять неловкость, он спросил, можно ли закурить. Я холодно ответила,



что можно, только на веранде, и мы вышли из комнаты. Я подала Евдокиме стул, а сама села на тахту.

Он докурил папиросу и ничего не говорит, я тоже ни о чем его не спрашиваю.

— Я вижу, вы не очень-то рады моему приходу, — глухим голосом начал Евдокиме.

Пауза.

— Вы приехали повидать сына?

— Почему только сына? Всех своих повидал. Я ведь здешний, калбатонно Екатерина!

— Я не думала.

— Нет, я здешний! Моя мать была из рода Кикнавелидзе, здесь я и вырос.

— Первый раз слышу! — удивилась я.

— Как неудобоно получилось! Я считал вас близким человеком и поэтому пришел так смело... Иначе я бы сначала прислал к вам кого-нибудь, чтобы узнать, примете ли вы меня, и уж потом пришел бы сам, — сказал Евдокиме и посмотрел мне в глаза.

Я перевела разговор на другое.

— Ваш сын не такой уж слабый, чтобы он не мог учиться в Херге.

— Что вы имеете в виду, знания или здоровье?

— И то, и другое.

— Я привез его сюда не только из-за чистого воздуха. Херга хоть и маленький, но город. Ребята, ровесники Калистрате, играют там в карты, курят, пахтаются по улицам без дела, поэтому я и увез его отсюда! — решительно объявил Евдокиме. Он встал и, бросив потухшую папиросу во двор, подошел к краю веранды и посмотрел в огород. Окинув внимательным взглядом двор, где стояли тутовые и ореховые деревья, он облокотился на перила веранды.

— За садом сами смотрите?

— Мне помогают.

— Ученики?

— Соседи.

— Разве нельзя, чтобы ученики проводили урок труда в саду у директора школы?

— Уроки труда мы проводим на колхозном участке, — рассердилась я и чуть было не сказала, что если он пришел по делу, то пусть объяснит, что ему нужно, в противном случае пусть уходит, потому что болтать с ним у меня времени нет.

Он почувствовал, что я недовольна.

— Каждый год так плодоносит?

Я догадалась, что он говорит о винограде.

— Пока что да.

— Ваше аладастури очень хвалят, — улыбнулся он.

— Я вам принесу! — холодно бросила я и пошла в марани.

Я принесла чурчхелу, чищенные орехи, кувшин аладастури и бутылку инжирной водки. Мой гость явно обрадовался, и, пока я разливала по стаканам вино и водку, он взял чурчхелу.

— Вы обедали? — между прочим поинтересовалась я.

— Да! Ведь уже много времени, скоро стемнеет! — улыбаясь, сказал Евдокиме и, пододвинув стул к столу, сел.

— Я сначала выпью вина, — сказал он, опять вставая. — За ваше здоровье.

Я тоже взяла стакан.

— Вы предпочитаете водку? — с удивлением спросил он.

— Это инжирная водка, она не крепкая.

Мы выпили.

— Вино просто замечательное. Напоминает хванчкару. Виноград вы сами давите?

— Нет, Гуласпир. Он тоже говорит, что наш аладастури похож на хванчкару.

— Гуласпир Чапичадзе? — почти крикнул Евдокиме и вскочил со стула.

— Да, Гуласпир Чапичадзе.

— Если бы я знал, не выпил бы.

— Почему?

— Да будь он проклят! — сказал он, и лицо его исказилось. — Водку тоже Гуласпир гнал?

— Нет, я сама.

— Тогда я буду водку пить! — И, налив себе в чайный стакан, он выпил.

Моя водка не такая уж слабая, это я так сказала. Лицо у Евдокиме сразу покраснело, и я увидела, что на глазах у него выступили слезы.





— Почему вы ругаете Гуласпира?

— Потому что он никуда не годный человек! — сердито сказал Евдокиме и пропустил еще столочку.

— Гуласпир мой друг, и мне неприятно слушать, как вы его ругаете, искренне сказала я и посмотрела на Евдокиме.

Ему не понравились мои слова. Закурив, он несколько раз глубоко затянулся.

— Он много чего рассказывал.

— Обо мне? Про меня? — в его голосе слышалось нетерпение.

— О вас? — протянула я. — О вас?

— Да, обо мне? — опять с нетерпением спросил Евдокиме и весь как-то напрягся.

— Что-то не помню! — сказала я и так улынулась, что он усомнился в моих словах.

— Он не из тех, кто будет держать язык за зубами! Но правду он, конечно, не сказал бы, — волнуясь, сказал Евдокиме и выпил водки. — Правду я скажу, да-да, я скажу правду. Я был здесь в позапрошлом году как раз в сентябре.

Пауза.

— Да, совершенно точно, это было в сентябре, — подтвердил он еще раз, — когда выходила замуж дочка Кондратэ Кикнавелидзе. Вы, наверное, помните.

Я не помнила.

— Ну, как же! Свадьба продолжалась два дня.

— Не помню, — повторила я.

— Пусть будет по-вашему. — Он схватил со стола стакан и, увидев, что в нем вино, тут же поставил его обратно. Тщательно вытерев ладонь о колено, он на всякий случай еще подул на нее.

— Кондратэ Кикнавелидзе не здесь живет, поэтому вы его не можете вспомнить, да еще если, извиняюсь, на той свадьбе не были. Мы с Гуласпиром были приглашены, и он попросил меня, чтобы мы поехали вместе.

В воскресенье я стал его звать обратно, домой, но не тут-то было. Разве мог Гуласпир уйти, когда веселье было в самом разгаре?! Увидев, что я не поддаюсь на его уговоры, остался, он сказал, что у него ко мне серьезное дело.

Ушли мы со свадьбы в полночь в воскресенье, и, когда вышли на шоссе, Гуласпир заявил, что знает кратчайший путь домой. Мы должны были по тропинке спуститься к Сатевеле, а оттуда уже до дома рукой подать, каких-нибудь полчаса ходьбы.

Тьма стояла непреглядная. Мы очень скоро потеряли тропинку и оказались в зарослях бурьяна.

Гуласпир шел впереди, я — за ним.

Я крикнул ему, что мы неправильно идем, и остановился.

Гуласпир, не оглядываясь, но, видно, почувствовав, что я отстал, позвал меня.

Я поспешил вперед.

Услышав мои шаги, он крикнул: «Стой!»

Я застыла на месте.

— Ну, что ты за человек! Чего боишься? Иди следом за мной!

Идем мы, а куда идем, один бог знает.

Кругом бурьян, колючки, и темень такая, и темень такая, хоть глаз выколи.

Я стараясь не отставать от Гуласпира и вдруг нечаянно наступил ему на пятку. Он взъярился.

— Что ты мне на пятки наступаешь, ненормальный? Ты что, моя тень, что ли?

Я замедлил шаг, и он продолжал, сердито крича:

— Ты это нарочно делаешь, бесовестный! Хочешь, чтобы я в овраг свалился, а ты остался целым и невредимым. Этого ты не дождешься!

Он повернул назад и, подойдя ко мне, вытолкнул меня вперед:

— А теперь ты иди впереди, — закричал он на меня и подтолкнул локтем в спину.

Я обомлел, а уж когда Гуласпир велел мне бежать бегом, я решил, что он рехнулся. Но другого выхода у меня не было, и я побежал, побежал среди колючего кустарника и чертополоха. Гуласпир — следом за мной. Мне даже на какой-то момент показалось, что мы летим...

Вдруг меня так кольнуло в сердце, что я остановился как вкопанный.

— Ослепок без пинка не может. — хихикнул он и наподдал мне по одному месту ногой, а потом со словами «Тыфу на тебя» плюнул мне в шею...

Тучи, затянувшие все небо, закрывали от нас месяц, но вот они разошлись, гад нами образовался просвет, и стало светло. Я посмотрел на Гуласпира и испугался: лицо его было искажено злобной гримасой, и мне показалось, что он опять хочет плюнуть в меня. Не раздумывая, я размахнулся и двинул его при-



мо в челюсть, но было не похоже, чтобы он протрезвел. Он улыбнулся, как ни в чем не бывало, потом истерически расхохотался и, подняв крепко сжатые в кулаки руки, замахнулся на меня. Вот-вот он ударит меня. Я пригнулся, он перелетел через меня и поминай как звали — Гуласпир полетел в овраг. И все льял глухой шум падающего тела и крики Гуласпира.

Потом все стихло.

Обалдевший и потрясенный, я ничего не соображал. Здорово испугался. Тучи снова закрыли луну, и опять стало темно.

Я сел прямо в кустах и громко заплакал. Потом, видно, вино на меня подействовало, и я уснул.

... Разбудило меня солнце. Я протер глаза: кругом травка, журчит ручеек. Рядом со мной лежит Гуласпир и храпит. Лицо у него какое-то веселое, даже улыбающееся. Я увидел, что на одной ноге у него нет ни сапога, ни носка и пальцы скрючены, видно, от холода. Я решил немного согреть его и осторожно положил сверху свою ногу, но тут же получил такой удар в лицо, что в глазах у меня потемнело. Я попытался открыть их, но не смог, левый глаз был залеплен липкой грязью.

— Чего ты от меня хочешь? — закричал я.

— Тебе больше полагалось, — замахнулся Гуласпир на меня кулаком. — Ты заслужил. Мать твою жалко, и потому только прощаю тебя.

— В чем было дело? За что? — без особого интереса спросила я.

Пауза.

— Как будто вы не знаете, за что, — он в упор посмотрел на меня.

— Нет, не знаю, — пожала я плечами и улыбнулась.

— Вы не знаете, в чем обвинял меня Гуласпир Чапичадзе?

— Откуда я могу знать? — удивилась я. — Я же вам сказала, что он мне ничего не говорил!

— Значит, Гуласпир вам ничего не говорил? — с сомнением повторил он и, вскочив, стал быстро ходить взад и вперед. Потом он остановился и опять посмотрел на меня.

— Так, значит, вы не знаете, в чем меня обвинял Гуласпир? Не знаете? Ну, хорошо, пусть будет так. — И он насмешливо улыбнулся, мол, Евдокиме Табатадзе не такой уж наивный человек, чтобы поверить в то, что мне действительно ничего не известно.

Он сел на стул, разлил по стаканам водку и испытующе посмотрел на меня.

— Я не для того к вам пришел, чтобы рассказывать всю эту историю, калбатону Эка, — чуть слышно произнес он.

— Знаю, — сказала я и пригубила стакан.

— Вы догадались? — улыбнулся он, и его и без того красное лицо стало еще краснее.

— Конечно! — улыбнулась я в ответ.

— Судьба моего сына в ваших руках, калбатону Эка! — сказал он и опустил голову.

— Летом он окончит школу, и осенью устроите его в институт.

— Да, так это и будет! — убежденно сказал Евдокиме. — Это уже решено. — Потерев руки, он наклонился ко мне и громко добавил: — Но дело в том, что Калистрате должен окончить школу на пятерки.

Только тут я догадалась, зачем ко мне пожаловал Евдокиме, и рассердилась.

— Это сказка! — холодно сказала я и встала.

Пауза.

— Учителя помогут ему, калбатону Эка!

Я вспыхнула.

— Какие учителя? — почти срываясь на крик, спросила я.

Евдокиме опешил. Краска сбежала с его лица, мне даже показалось, что он испугался. Он отступил на несколько шагов.

— Значит, ничего не выйдет? — глухо спросил он.

— Ничего!

— Тогда я должен перевести мальчика в другую школу.

— Забирайте! Сейчас же заберите его! — опять громко сказала я, презрительно глядя на Евдокиме.

Пауза.

— Вам его не жалко? — Он насмешливо оглядел меня с головы до ног, нахлянул, потом с трудом раскурил пагиросу и, холодно бросив «до свидания», ушел.

Он уже был у калитки, когда я крикнула, чтобы он подождал меня, и бросилась в комнату. Схватив сверток, я выбежала во двор.



— Вот, вы забыли. — Я протянула Евдокиме сверток и распахнула перед ним калитку.

Он ничего не ответил, взял сверток под мышку и быстро зашагал прочь.

На другой день Евдокиме забрал своего сына из Хемагали.

В том году у нас три человека окончили школу на золотую медаль, а трех медалистов только один поступил в сельскохозяйственный институт. А Калистрате оказался на историческом факультете Тбилисского университета. Получив диплом, он устроился инспектором в отдел просвещения.

...Когда Калистрате сказал мне, что он не в силах сделать невозможное, потому что он человек маленький, я почему-то вспомнила то посещение его отца.

Калистрате продолжает что-то говорить, но я его не слышу. Мне стало плохо, и, чтобы не упасть со стула, я уставилась в одну точку на стене.

— Перебирайтесь в Хергу, и я сегодня же назначу вас инспектором. Вот это я могу сделать, — донесся до меня громкий голос Калистрате.

Я с трудом пришла в себя и, встав, внимательно посмотрела на своего бывшего ученика. Он мне показался каким-то беспомощным и жалким. Вышла я от него, не попрощавшись.

День был жаркий, и прохожие спешили укрыться от палящих лучей солнца на теневой стороне улицы. Я пошла по солнечной стороне.

От мощенной булыжником мостовой поднимался пар.

На солнечной стороне улицы было тихо и безлюдно, и в ушах у меня продолжал звучать резкий голос моего бывшего ученика: «Семнадцать учеников и два преподавателя... Есть из-за чего огород городить?».

...Гуласпир и Александре оставили своих лошадей в тени, а сами стояли у дверей книжного магазина и ждали меня.

Увидев меня, Гуласпир поспешил мне навстречу.

— Что с тобой, Эка? Идешь по самому солнцепеку, а зонтик не раскрыла.

Очнувшись, я открыла зонтик и взглянула на Гуласпира.

— Ты очень задержалась. Ночи теперь темные, и мы должны выехать отсюда пораньше.

— Что, кавалеры, испугались? — пошутила я.

В книжном магазине не было видно ни души. Единственная продавщица, спасаясь от жары, открыв заднюю дверь магазина, сидела на сквоньяке и обмахивалась веером. Она узнала меня и, поздоровавшись, показала рукой на кабинет заведующего. Я поняла, что он у себя.

Заведующий был явно не в духе. Стул-то он мне подал, но на меня не взглянул. Этот сладкоречивый человек, всегда подробно расспрашивавший меня о школьных делах, встретил меня ледяным молчанием.

— Рассиживаться мне у вас некогда, меня ждут соседи. Я хочу воспользоваться случаем и сегодня же заберу учебники и тетради.

Заведующий достал из ящика стола приходо-расходную книгу, перелистал ее и, взглянув на меня, надтреснутым голосом спросил:

— Вы были в отделе просвещения, калбатано Эка?

— Была.

— И что, вам ничего там не сказали?

— Сказали.

— Можно узнать, что?

— Ничего хорошего. Отдел просвещения думает закрыть школу в Хемагали.

— Какое там думает! — воскликнул заведующий. — Отдел просвещения уже закрыл вашу школу. Вот, убедитесь сами! — И он показал мне в своем талмуде зачеркнутую страницу.

У меня оборвалось сердце. Я вдруг почувствовала себя такой беспомощной и бессильно опустилась на стул. Смотрю я и ничего не вижу, только искры перед глазами мелькают. Потом все погрузилось во мрак.

— Ну, что вы так! — вернул меня к действительности громкий голос заведующего магазином. Потом, перегнувшись через стол, он прошептал: — Часть учебников я вам дам сейчас же, а завтра поеду в Тбилиси и постараюсь что-нибудь для вас сделать... Хотя вам учебники не будут нужны!

Мне наконец-то стало немного лучше и, преодолевая себя, я поднялась со стула. Поблагодарив за любезность заведующего, я с улыбкой, как будто ничего не случилось, вышла из его кабинета.

— Учебники пока еще не получили, — продолжая улыбаться, сказала я Александре и Гуласпиру, а потом добавила: — Вы возвращайтесь в деревню, а я поеду в Тбилиси. У меня там срочное дело.

Прощавшись с соседями, я заторопилась на вокзал.



С Хевисцкали подул ветерок, и стало немного прохладнее.

Я буквально не находила себе места на безлюдном перроне. В ушах настойчиво звучал холодный, неприятный голос моего бывшего ученика: «Вы требуете от меня невозможного. Я маленький человек, и сделать то, что вы просите, не в моих силах!».

Да, сколько иронии он вложил в это «я маленький человек», и мне вспоминался отец Калистрате с его подарком, шутки Гуласпира и побитый Евдокиме, школа в Хемагали, старик на скамеечке около школьной калитки, маленькая Эка и замолкнувший школьный звонок.

## ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

### ГЛАВА ПЕРВАЯ

Константине Какубери в десять часов пришел в райком и, увидев в приемной Реваза Чапичадзе, почему-то почувствовал обиду, но, не показав и виду, с улыбкой поздоровался со старым другом и пригласил его к себе в кабинет.

— Почему вы не пришли прямо ко мне домой? — делая вид, что сердится, упрекнул Реваза Константин.

— Поезд пришел очень рано.

— Гостиница у нас еще не обставлена.

— Знаю, здание новое.

— Не присылают и не присылают из Тбилиси мебель. Обещали к Новому году, вот уже лето кончается, а ее не видно. Я несколько раз командировал в Тбилиси ответственного сотрудника райкома, но безрезультатно.

— На мебель теперь большой спрос, — сказал Чапичадзе.

— Знаю, но ведь речь идет о гостинице, — категорично заявил Какубери. — В районном центре всегда очень много приезжих, поэтому мы должны прежде всего обращать внимание на вокзал, гостиницу, магазины, ресторан, рынок... Кстати, вы видели наш новый рынок?

— Видел.

— Наш рынок похож на кисловодский. Вы в Кисловодске бывали?

— Нет.

— Я был там как раз в позапрошлом году. Поехал отдыхать и, можете себе представить, вместо двадцати четырех дней пробыл только десять. Зашел я как-то на рынок, и так он мне понравился, что я не мог успокоиться, пока не увиделся с архитектором. Он сначала упрямылся, но потом за двойное вознаграждение согласился сделать для меня копию проекта, внеся в него некоторые изменения. Я поспешил вернуться в Хергу и на следующий же день созвал районный актив. Мы нашли необходимые средства и приступили к строительству нового рынка. Как вы думаете, сколько времени длилось строительство? Всего три месяца! Да, за три месяца мы выстроили рынок лучше, чем в Кисловодске. Он известен и в соседних районах, и сюда приезжают торговать колхозники из многих близлежащих деревень... А вот гостиницу никак не можем сдать в эксплуатацию!

— Вернусь в Тбилиси и постараюсь что-нибудь сделать.

— Если вы в этом деле району поможете, я буду вам очень признателен. Константине вызвал секретаршу и велел соединить его по телефону с председателем райсовета.

— Вы, наверное, с отцом хотите повидаться.

— Если время останется, — как-то неопределенно ответил Реваз и предложил Константине сигарету.

— Я был уверен, что Александре в Тбилиси, но недавно кто-то сказал мне, что зиму он провел здесь. А какая у нас была зима!

— Уже третий год пошел, как он перестал приезжать в Тбилиси.

— Тебе это непростительно! Взял бы и увез его к себе!

— Посмотрим, — неохотно отозвался Реваз и раздавил в пепельнице недокуренную сигарету.

Это «посмотрим» неприятно резануло слух Константине, в тоне Реваза ему послышался укор. Он только хотел было продолжить разговор, как в дверях показалась секретарша и сказала, что председатель райсовета у телефона.

— Харитон, здравствуй! Наш Резо приехал из Тбилиси... Какой? Чапичадзе! А какой у нас еще есть Резо? — укоризненно спросил Константин. — Нет, сюда не надо, приходи прямо в ресторан.

Константине предупредил секретаршу, чтобы, если ему будут звонить из Тбилиси, она сказала, что он уехал по деревням. Потом он открыл запасную дверь кабинета, заботливо взял Реваза под руку, и они стали медленно спускаться



ся по лестнице. Пройдя через двор, они вышли на улицу Церетели. Встретные почтительно здоровались с Константином, с любопытством разглядывая Реваза и теряясь в догадках — кто же этот человек, с которым секретарь райкома кем идет по улице.

Около рынка Константину замедлил шаг, и Реваз догадался, что он хочет, чтобы они зашли.

— Я с утра его уже осмотрел. Вы базар отодвинули к реке. Это хорошо.

— Херга расположена между горами, — сказал Константин и, показав на запад, продолжал: — В том месте, где Сатевела делает поворот, обширное плоскогорье. Там могут поместиться пять таких городов, как Херга. Видно, наши предки ошиблись...

— Нет, территория-то большая, но там ветрено, жить нельзя, — убежденно сказал Реваз.

...Харитон ожидал их в ресторане. Они сели в «райкомовском кабинете» (так окрестил отведенный специально для ответственных сотрудников райкома кабинет директор ресторана Шадиман Шарангиа), и в дверях в струнку вытянулся здоровенный детина.

— Низкий поклон вашим дорогим гостям от обслуживающего персонала ресторана «Перевал»! — с эстрадной фальшивостью произнес он и, войдя в кабинет, улыбнулся Константину и Харитону, а Ревазу отдал честь, глядя на него, пробасил: — Разрешите представиться. Вас будет обслуживать заведующий буфетом ресторана «Перевал», если необходимо, по совместительству старший официант. Имя — Абель. Фамилия — Кикнавелидзе. Отчество — Ростомович. Год рождения — 1928-й. Место рождения — село Хемагали Хергского района Грузинской ССР. Партийность — в прошлом комсомолец, в данный момент — беспартийный, но политически грамотный и надежный. Стаж работы в ресторане — 14 лет. Под судом и следствием пока не находился. Имеет одну жену, троих детей и двух тещ... Просим гостей уважить нас и не побрезговать нашим угощением.

Абель Кикнавелидзе покорно склонил перед гостями голову и исчез.

— Чудак, — с оттенком досады сказал Константин. — Как-то я устроил ужин в честь своих тбилисских друзей, и тогда он впервые показал этот номер. Моим приятелям он страшно понравился, и они от души повеселились. С тех пор, как только я появляюсь в ресторане с кем-нибудь Абель считает нужным представиться именно таким образом.

Абель внес большой поднос с закусками и стал расставлять их на столе. Поставив рядом со стопками высокие бокалы, он с громким хлопком откупорил бутылку шампанского и налил сначала Ревазу, потом Константину. «Приношу извинения правительству», — обратился он к Харитону и, наполнив его бокал, поспешно удалился.

...После завтрака Какубери повез Реваза осматривать Итхвисский виноградский совхоз. От Херги до Итхвиси около двадцати километров. Машина стремительно мчалась по асфальтированной дороге вдоль левого берега Сатевелы.

Думы Какубери: «Он еще утром сказал мне, что приехал не для того, чтобы поведаться с отцом, а потому, что у него ко мне неотложное дело. Уже полдень, а он и словом не намекнул, что ему надо. Если это секрет, то ведь у меня в кабинете мы одни были, и на улице нам никто не мешал. Мог бы и сейчас, в машине, сказать, так нет, молчит».

— Как идет ваша научная работа? — больше для того, чтобы нарушить затянувшееся молчание, спросил Константин. Реваз понимал, что его не столько интересовала эта «научная работа», как он хотел перевести разговор в определенное русло.

— Решил бросить, — с неохотой сказал Реваз.

— Что бросить? — удивленно спросил Константин.

— Научную работу.

— Уходите из института?

— Да, — так же неохотно подтвердил Реваз и протянул Константину сигареты.

Думы Какубери: «Странно. В позапрошлом году защитил докторскую, получил звание профессора. Из заведующего кафедрой стал директором Научно-исследовательского института шелководства и теперь все бросает? Что, не клеится работа, товарищ Реваз? Если можно, объясните моему старому другу, почему это Реваз Чапичадзе решил оставить научное поприще».

— Причина?

— Я соскучился по практической работе, — спокойно сказал Реваз и, чиркнув спичкой, дал закурить Константину, а потом затянулся сам.

А машина все мчалась по асфальтированному шоссе, и впереди оставалось еще километров десять пути. Константину и Реваз, удобно устроившись на по-



душках, молча курили, вот-вот готовые задремать, как вдруг машина выехала на ухабистую дорогу, которая начинается сразу за мостом через Сатевелу, и они очнулись.

Думы Какубери: «Между нами никаких обид не было. Я всегда гордился Ревазом Чапичадзе и радовался, что мой земляк так смело прокладывает себе путь в науке. После защиты диссертации я хвастался — вот, мол, каких людей растит наш район».

Но Константине чувствует, что Реваз недоволен им и старается не показать этого. Да, Реваз Чапичадзе человек замкнутый... Раньше он всегда звонил из Тбилиси перед тем, как приехать, — будешь ли, мол, на месте. И Константине встречал его на вокзале и вел прямо к себе домой, где жена готовила им завтрак, — за едой и дружескими разговорами быстро летело время.

Машина на подъеме сбавила скорость.

«К своему отцу везет», — подумал Чапичадзе.

Да, к себе домой едет Какубери, доставит удовольствие другу и родителей обрадует. Для сына и гостя Лонги Какубери откроет непочатый кубин вина. Стол, конечно, накроют на веранде, потому что это сейчас самое прохладное место в доме Лонги, да и вид оттуда открывается хороший — весь Итхвиси как на ладони. Там, где кончаются деревни, видно, как местность постепенно переходит в равнину. Далеко на западе в солнечном свете плывет Колхида, а на севере встает громада Кавказиони.

— Мы уже на территории совхоза, — чтобы разбудить снова задремавшего было Реваза, сказал Константине.

Думы Чапичадзе: «Если бы совхоз организовали в Хемагали, дороги там были бы такие же крутые и извилистые, но земли под виноградники — куда больше. Здесь выращивают только цоликаури, потому что другие сорта винограда не приживаются. Наверху, где живут Какубери, проводят эксперименты с цидцкой... А в Хемагали прекрасно растет и каберне, и черный мгалоблишвили, а о цоликаури и говорить нечего. Но совхоз все-таки основали в Итхвиси. Заключение специалистов из Тбилиси было иным, но оно как-то повисло в воздухе. Это не произошло само собой. Все решил райком, представив дело так, что инициатором являлся райсовет. Было сказано, что в Хемагали нет дороги и что там мало жителей. В Тбилиси отправился председатель райисполкома. Неделю он буквально разрывался между трестом совхозов и Министерством сельского хозяйства, но желаемого результата не добился. Тогда в Тбилиси поехал Константине Какубери, представил «дополнительные материалы», и дело выгорело — проект частично изменили, и вместо Хемагали в нем стал фигурировать Итхвиси».

И вот с того дня между друзьями словно черная кошка пробежала.

Они не виделись четыре года. А сегодня при встрече Реваз даже не поинтересовался, как поживает его друг, как его домашние, и прямо, с места в карьер — у меня к тебе дело. Сам же за столько времени и словом о нем не обмолвился, с безразличным видом сидит в машине и то ли просто прищурил глаза, то ли дремлет.

Думы Какубери: «Замкнутый человек Реваз Чапичадзе. Он умеет затаить в сердце обиду, но уж если для дела потребуется, все вспомнит, так разоидется, что... Но, дорогой Реваз, имейте в виду, что Константине Какубери — человек предусмотрительный: райисполком обосновал выгодность организации совхоза именно в Итхвиси...»

С тех пор много воды утекло. Константине как будто забыл об этом деле, и вот неожиданный приезд Реваза всколыхнул прошлые обиды. Константине чувствует, что у его старого друга душа по-прежнему болит за совхоз... Да, этими вот прищуренными глазами Реваз смотрит прямо в душу Константине, смотрит и вспоминает все до мельчайших подробностей, читает, как в книге. А как же ты думал, Константине Какубери? Видит, все хорошо видит Чапичадзе, и Константине весь напрягается, на сердце у него становится неспокойно, но он борится — все-таки история эта давняя, конечно, Реваз обо всем забыл.

Сначала Константине повезет старого друга к себе домой, а совхоз осмотреть он еще успеет.

— Рафиэл, — тихо говорит он шоферу, — к дому моего отца.

Подъем кончился, и машина мягко подкатила к воротам одного из Какубери. Здесь у всех во дворах густая трава, добротные дома крыты красной черепицей. Вокруг — первозданная тишина, даже ребятишек не слышно. Они попрятались в тени, но, услышав шум мотора, приникли к щелям в заборе. Местной детворе знакома эта райкомовская «Волга». Мальчишки знают, что в ней сидит дядя Константине, и не решаются свистеть ей вслед, только те из них, которые посмелее, помашут руками и тоже молча проводят машину глазами.



...На веранде дома Какубери за столом сидят старые друзья: Реваз Чачицадзе, Константин Какубери и директор итхвисского совхоза Леван Джиноридзе. Леван учился вместе с Ревазом в институте и после окончания сразу оказался на практической работе. Некоторое время он был директором Хергского сельскохозяйственного техникума, потом вернулся в свою деревню и лет десять не меньше, работал главным агрономом итхвисского колхоза.

— Обедаем здесь, а ужинать — ко мне! — с улыбкой сказал Леван.

— Я попозже вечером хочу подняться к отцу! — сказал Реваз и взглянул на часы.

— А как ты сможешь добраться в Хемагали? — удивился Константин.

— Леван даст мне лошадь. У тебя есть лошадь, Леван?

— Конечно, есть. Только я тебя никуда не отпущу.

Реваз еще раз посмотрел на часы и решительно сказал:

— Я отправлюсь в четыре часа.

«Упрямец. Раз сказал, что поедет, значит, поедет», — подумал Константин и разлил вино.

— Вон там, видишь, новые дома? В них живут наши переселенцы, твои бывшие соседи по Хемагали Джиноридзе, — с гордостью сказал Леван.

— Правда, хорошие дома построили? — заметил старший Какубери.

— Джиноридзе и в Хемагали неплохие дома имели, а дворы у них были побольше.

— Трудолюбивый народ. На таких, как они, совхоз и держится, — просто-душно сказал Лонги.

— А какие виноградники у них были в Хемагали! Разве итхвисская лоза сравнится с хемагальской! Да никогда!

— Возможно, — с какой-то покорностью отозвался Леван.

— Это на самом деле так, — повысил голос Реваз. — В Итхвиси кроме цоликаури не приживается никакая лоза, а в Хемагали — пожалуйста: и цоликаури, и алиготе, и мгалоблишвили, и цიცка.

— Почему, и у нас цიცка теперь растет! — убежденно сказал Константин.

— Об этом еще рановато говорить, — охладил его пыл Реваз. — Возможно, она и будет в этом году плодоносить, а что потом? Если действительно приживется на этом склоне, вы собираетесь пересадить ее в низину? Надо быть ох какими осторожными. Цоликаури вы тоже не сможете выращивать на равнине. Ты же знаешь, Леван, — перешел на дружеский тон Реваз, — на итхвисской равнине вода очень близко к поверхности, а корни цоликаури достигают шести метров.

Только теперь догадался Константин, почему так упорно всю дорогу молчал Реваз.

Думы Какубери: «Да, это он только делал вид, что дремал в машине, а сам все замечал и мотал на ус. Вот когда он наконец-то высказал свою давнюю обиду, обвинив нас в том, что мы якобы совершили преступление. Да, вы сотворили зло и пытаетесь скрыть следы вашего злодейства. Разве Лонги Какубери не знал, что здесь, на равнине, вода близко? Или Леван Дочвири не знал этого? И все-таки посоветовали Константину организовать совхоз именно в Итхвиси, а тот согласился. Он использовал влияние райисполкома и заставил всех усомниться в правильности решения комиссии. Подумать только, как он сегодня разошелся!»

Ослепительно блестит на солнце только что опрысканная виноградная лоза. Внизу, у самой дороги, виден новый корпус винного завода, который совхоз строит вот уже три года. Крыша еще не перекрыта, и огромные чаны, виноградодавилки и перегонные аппараты сгрудились во дворе под навесом.

Реваз знает, что итхвисскому совхозу ни к чему завод такой мощности, и он бесцеремонно обращается к Константину:

— Урожай итхвисского совхоза этому заводу на один заход не хватит.

— Колхоз и колхозники будут сдавать совхозу свой урожай, — ответил тот, сердито глядя на Реваса.

— Так у них под виноградники занято двадцать пять гектаров земли, из которых пятнадцать — в частной собственности у крестьян. Хотя бы третью часть урожая каждый оставит себе? Не правда? А может быть, и половину? Даже вероятнее всего, половину. И что же останется для вашего завода?

...Но эти рассуждения и выкладки сейчас излишни, потому что все это дело давно решенное. Никто уже не срежет лозу, посаженную совхозом, и винный завод не окажется по мановению волшебной палочки в Хемагали.

Блестит под солнцем склон, покрытый виноградниками, млеет под горячими солнечными лучами земля, и, словно кокетничая, показывают свои красные крыши дома Джиноридзе.

Константине взглянул на свои часы, налил всем вина и обратился к Ревазу:



— Раз ты едешь в Хемагали, исполни одну мою просьбу. Там осталось всего десять семей...

— Семнадцать, — поправил Реваз.

— Разве у одной фамилии только один дом? — злобно сказал Константин. — Ты только своего отца уговори, а остальные упорствовать не станут. Захотят — здесь поселят, сразу за домами Джиноридзе земля плодородная, не понравится — их воля, пусть селятся в другой деревне, — каким-то неприятным голосом, в котором прозвучали металлические нотки, сказал Константин, и Реваз вздрогнул как от удара.

— Ты же знаешь, — продолжал Константин, — что твое хваленое Хемагали далеко от нас, а из-за бездорожья мы совсем оторваны друг от друга, так что и руку помощи не протянешь...

Реваз встал и, заложив руки в карманы брюк, прошелся туда и обратно по веранде. Вокруг простирались облаканная солнцем земля, то тут, то там игриво выглядывали из зелени крытые красной черепицей дома Джиноридзе. От самых ворот до веранды все дворы у них были увиты виноградом, ворота выкрашены белой краской, и белые калитки словно приглашали зайти...

Да, эти белые калитки и дома в глубине увитых виноградом дворов радушно приглашают Реваса Чапичадзе: в каждом доме его с радостью встретят, откроют новый чурч, усадят за стол, дружески похлопают по плечу, обнимут, расцелуют и от чистого сердца скажут — дай бог тебе много радости за то, что ты так нас обрадовал.

Потом, конечно, вспомнят отца Реваса, спросят о Гуласпире Чапичадзе и Абесаломе Кикнавелидзе, не забудут и большую Екатерину с маленькой Экой, поинтересуются, есть ли еще у них в школе ученики и кто еще остался в Хемагали...

Реваса вернул к действительности голос Константина:

— Они желают, чтобы их похоронили в Хемагали, а есть там кому их хоронить? Твой отец, понятно, на тебя надеется, большая Екатерина — на маленькую Эку. А остальные? Остальные что думают? Покойники сами себя будут нести на кладбище?

И Константину Какубери улыбнулся. Холодно улыбнулся.

Реваз почти физически ощутил холод этой улыбки и вдруг почувствовал всю ненужность своего приезда сюда и бесполезность всех этих разговоров.

Лонги и Левану тоже стало не по себе.

— Неужели покойник сам отвезет себя на кладбище? — продолжая улыбаться и глядя в упор на Реваса, повторил Константин.

— Я в могильщики не погусь! — сердито ответил Реваз.

— Каждый должен предать земле своего покойника! — все таким же холодным и неприятным голосом сказал Константину и, очень довольный собой, гордо откинул голову. Потом он встал с видом победителя и протянул руку в сторону, где жили Джиноридзе.

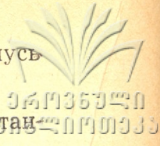
— Разве здесь не лучше, чем в Хемагали? А? Не лучше? Тут, по-моему, двух мнений быть не может!

— Всякий кулик свое болото хвалит, — опередил Реваса Леван.

Константину недовольно посмотрел на Левана, ему не понравилось, что тот включился в разговор.

— Я смотрю на вещи практически — в настоящий момент Итхвиси больше пригодно для жилья, чем Хемагали, поэтому я и предлагаю хемагальцам: перебирайтесь в Итхвиси, выбирайте себе участки, а мы вам поможем строиться и вообще будем во всем содействовать по мере возможности, конечно. Дело только за вами! Хотите работать в совхозе? Воля ваша! Будете вступать в колхоз? Вступайте! Причем тут свое болото? Давайте подходить к решению вопроса практически... Реваз, я прямо заявляю, — оглянувшись вокруг и понизив голос, продолжал Константин, — твои хемагальцы устраивают мне обструкцию. Екатерина, например, заявляет, что она директор школы и не имеет права ее бросить... А что это за школа! Екатерина каждый день насильно приводит на занятия двенадцать своих учеников. В позапрошлом году, когда в школе обвалилась крыша, она примчалась к нам просить о помощи. Конечно, для района починить крышу и отремонтировать здание ничего не стоит, но имело ли смысл это делать? Екатерина бросилась в Тбилиси, и вскоре я получил недовольное письмо от министра просвещения. Пришлось доставлять в Хемагали черепицу на лошадях. Просто смех, да и только. Мы деревня, кричат, мы деревня, а какая же это деревня? Своей кукурузы и фасоли вдоволь не имеют. Да, да, кукурузы и фасоли! У нас, мол, прекрасный климат и вода. Ну и пусть на голодный желудок пьют эту воду и дышат чистым воздухом... Устраивают мне провокации! Провокации чистейшей воды! Видимо, они так упорствуют потому, что кто-то им помогает или они на кого-то надеются... Завтра, когда вернешься, сообщи мне ответ хемагальцев.





— Я в Хемагали останусь, — сказал Реваз.  
 — Конечно, останься на недельку, дней на десять.  
 — О сроках сейчас речи нет, — пробасил Реваз. — Я сказал, что останусь в Хемагали.

— И что вы собираетесь там делать?  
 — Организуем совхоз! — убежденно сказал Реваз и посмотрел Константине в глаза.

— Вот как, опять за старое? Снова о винограде вспомнили?  
 — Виноградную лозу пусть итхвисцы разводят, а мы займемся шелковицей.

Мысли Чапичадзе: «Он и сам все досконально знает, поэтому и не начал издаലെка, но когда я сказал про совхоз, не выдержал: «Вот как, опять за старое? Снова о винограде вспомнили? Решились на такое большое дело, а меня ни о чем не спрашиваете?» Да, он сердит».

— Шелковицей? — удивился Константине. — Ах, да, шелковичный червь... Хотите устроить в Хемагали лабораторию?

— Шелководческий совхоз.  
 — Такой совхоз где-нибудь существует?  
 — Нет, наш будет первым.  
 — Если не секрет, почему именно в Хемагали?

Реваз глотнул вина и, сев за стол, вынул из нагрудного кармана рубашки блокнот.

— Я хотел было написать вам письмо, но потом решил, что будет лучше, если я сам приеду... После всестороннего изучения вопроса преимущество было отдано Хемагали, товарищ Константине, потому что листья хемагальской шелковицы очень мясистые и нежные... Я вам оставлю свой блокнот, — заметно волнуясь, сказал Реваз, — да, блокнот, в котором все высчитано и уточнено... — Он повернулся к Левану. — Вы тоже посмотрите, я думаю, вам будет интересно. А почему мы отдали предпочтение Хемагали? Я вам отвечу: хемагальский климат и почва наиболее благоприятствуют разведению тутового дерева. Это подтверждается многолетними наблюдениями, проведенными нашим институтом. В наших лабораториях исследовались шелковичные коконы, полученные в разных районах Грузии (в Колхиде, горной Мегрелии, Имеретии), и изучались свойства коконных нитей. Вот после этого предпочтение и было отдано Хемагали... В этом блокноте все написано. Я вам его оставляю...

— Трудное задумали дело! На весь мир опозоримся! — словно ножом отрезал Константине.

— Я все тщательно обдумал и взвесил, товарищ Константине. Деревня, дорога, Сатевельское ущелье...

— Не могу с тобой согласиться, — перебил Реваса Константине. — Да, да, не могу! Ты говоришь дорога, а где эта дорога, объясни.

— Когда деревня была деревней...

— Не будем сейчас заниматься экскурсами в историю! Говорят, что была дорога, по которой ездили на арбах, говорят, даже грузовики могли по ней ездить из Хемагали в Хергу. А что сейчас? Посмотри только. Опустевшая деревня, размытые склоны, безлюдное Сатевельское ущелье, двенадцать детей, двое учителей, человек пять стариков — это и есть сегодняшнее Хемагали. И вы хотите организовать там совхоз? Чьими руками? А, чьими? Твой отец и Гуласпир помогут? Большая Екатерина и маленькая Эка? Или Абесалом Кикнавелидзе и его грудной влук? А может быть, ты думаешь, что люди из других деревень будут переселяться в Хемагали? Но почему? Зачем? У всех у них есть работа по месту жительства. В совхозе должны работать люди, ведь на одной только технике не выедешь! Может быть, ты задумал согнать с насиженного места всех Джиноридзе?

— Я совсем не собираюсь этого делать, — сказал Реваз. — Бывших хемагальцев достаточно и в других местах, в самой Херге, например. Ну, что они там делают? Прислуживают в закусовых, работают почтальонами, продавцами в магазинах, грузчиками на железнодорожных вокзалах, сторожами и курьерами в разных учреждениях... Совхоз их снова поселит в Хемагали, и они вернутся на землю своих предков.

— Мечты, мечты... — сказал Константине, глядя в сторону, где жили Джиноридзе.

— Я дело говорю! Кое с кем из них я уже беседовал. У совхоза большие перспективы, товарищ Константине. Первым делом построим хорошую дорогу, а потом... потом насадим под тузовыми деревьями виноградную лозу и, чтобы не простанвал вон тот винный завод, будем поставлять ему виноград.

— Раз у вас все рассчитано и решено, для чего вам согласие районных властей?

— Дело в том, что у нас все пока только рассчитано, — с расстановкой прозвнес Реваз, — а решать будем, когда получим согласие местных властей и заручимся поддержкой министерства и треста совхозов.



— Вот, вот, именно это я и хотел услышать! — вспыхнул Константин. Согласие? Я обеими руками — за! И желання — сколько хотите! Согласие мы и министерству, и тресту дадим, пожалуйста! Приветствуем это начинание и желаем ему успеха! Этого для них достаточно? Я ведь хорошо знаю их методы работы: выберут место, сделают проект, как будто все до мелочи рассчитают, где пройдет дорога, и где построить жилые дома... Да, да, вот здесь будет дом культуры, там школа, рядом спортивная площадка, пекарня, чтобы никого не беспокоить, подалеже от жилья, а хлебный магазин — в центре совхоза. Улицы и дороги будут обсажены деревьями, вокруг домов — фруктовые сады, свой водопровод, в центре села — бассейн и фонтан, вокруг которого счастливые матери станут гулять со своими детьми... Этот проект воплотится в макетах, которые министр и управляющий трестом поставят в своих кабинетах, как украшение, на том дело и кончится! Конечно, для них дело сделано. Главную тяжесть они взвалют на плечи района, тащи ее, как можешь: денег вовремя не дадут, машинами не обеспечат, вот и ломай себе голову! Я знаю, очень хорошо знаю стиль работы министерства и треста — наобещают с три короба и оставят ни с чем... За трудное дело ты взялся, Реваз.

— Руководить всем строительством буду я, — спокойно сказал Реваз, и Константин недоверчиво покосился на старого друга.

Уже стемнело, когда Реваз поднялся в Хемагали. От уставшей на подъеме лошади валил пар. Реваз спешился, ослабил подругу и вытер мокрый лоб лошади носовым платком. Почувствовав облегчение, она фыркнула, помотав головой, ослабила узду и принялась щипать траву.

Тут только Реваз увидел, что он стоит около ворот Кондратэ Кикнавелидзе. Присмотревшись, он смог различить белую трубу, потом крытую дражкой крышу, балконные столбы, дверь и окна и лестницу из обтесанного белого камня.

У ворот растет раскидистая липа, под которой у Кондратэ стояла длинная скамья и каменный стол. Частенько в полуденный зной или в часы вечерней прохлады сживал он на этой скамейке в окружении своих детей. А их у него было немало — десять, как по заказу: пять сыновей и пять дочерей. Имена он давал им в алфавитном порядке. Девочек звали: Анна, Барбале, Гаянэ, Дареджан, Элисабед. Мальчиков — Абесалом, Баграт, Гиоргий, Давид и Элизбар.

Сидел Кондратэ со своими детьми и о чем-то с ними тихо разговаривал, со стороны двора до них доносились привычные звуки мирной сельской жизни, и, улыбаясь всеми окнами, любовался ими дом Кикнавелидзе.

Незаметно пролетело время, дочери стали взрослыми и повыходили замуж, но недалеко уехали от отцовского дома: Анна, Барбале и Гаяне вошли в семью Джиноридзе, а Дареджан и Элисабед стали невестками итхвисцев. Прошло еще немного времени, и во дворе у Кикнавелидзе появились внуки. Теперь уже их собирал на своей любимой скамейке Кондратэ и, усевшись в середине, начинал рассказывать сказки. Затаив дыхание и раскрыв, как галчата, рты, слушали внуки дедушку.

Когда он заканчивал, все еще под впечатлением услышанного поднимались со скамейки дети, двор ласково шумел, и радостно смеялся дом Кондратэ Кикнавелидзе.

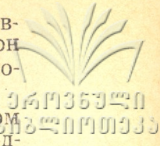
Потом выросли сыновья. Абесалом женился на дочери итхвисского Каку-бери. Свадьба была знатная, гуляли целую неделю.

В скором времени началась война, и все до одного сыновья Кондратэ ушли на фронт. Все произошло как во сне. Да, все пятеро ушли вместе и вместе воевали. После керченского ада в живых из братьев остался только Элизбар... Он вернулся домой без одной руки, и от него родители узнали все подробности гибели сыновей. Разбитая параличом жена Кондратэ скончалась в день приезда Элизбара. Покойницу не очень оплакивали, потому что что была ее смерть по сравнению с гибелью четырех таких удальцов, да и как могла мать жить после такого.

И рассыпалась прахом семья Кондратэ Кикнавелидзе. Однорукому Элизбару трудно было справиться с топором и лопатой, а без дела слоняться он не умел, и он уехал в Хергу. Военный комиссар помог ему устроиться продавцом в охотничьей лавке. Элизбар получил небольшую квартиру, женился и забрал к себе отца.

Родственники и соседи уговаривали Кондратэ продать дом, но он заупрямился. Не разрешил и Элизбар перевезти дом в Хергу. Пусть он будет памятью моим погибшим сыновьям. А вдруг случится чудо, и кто-нибудь из них вернется в деревню и не увидит родного дома!





И стоит дом Кондрате Кикнавелидзе в Хемагали, стоит и ждет не вернувшихся с войны юношей, ждет не дожидается Кондратэ с Элизбаром. Калитку он оставил открытой, но что-то не видно ни тех, ни других, и, грустя, он затворил дверь и прикрыл ставни.

В этой окутавшей деревню темноте тихо, едва слышно шепчет что-то дом Кондратэ Кикнавелидзе, и липа шелестит ему в ответ, словно стараясь приободить его и утешить.

...Реваз Чапичадзе поднялся. Ему вдруг захотелось со скрипом отворить ворота, подняться в дом, распахнуть ставни, пройтись по веранде и, откашлявшись, тихо завести песню, чтобы заставить подать голос этот грустный и притихший дом Кондратэ.

Конь заржал и, сильно мотнув головой, вырвал из рук у Реваза уздечку. Реваз вскочил в седло и пустил лошадь рысцой. Поднявшись на плоскогорье, он оказался около участка Чапичадзе. В доме Александре горел свет.

Перевод Татьяны СОКОЛОВОЙ-РУХАДЗЕ

(Окончание следует)





# Той севастопольской весной



## Р а с с к а з

Подходила к концу та первая, страшная военная зима.

Когда лейтенант медицинской службы Майя Надирашвили добралась до Максимовой дачи близ Севастополя, в Крыму весна уже вступала в свои права.

После осенне-зимних штурмов Севастополь был окружен врагом с трех сторон, но все еще считалось, что он находится в тылу, а расположенная в четырех километрах от него Максимова дача — в глубоком тылу.

Госпиталь на Максимовой даче Майя нашла в подвале под развалинами пансионата. Как ни странно, приближающаяся весна заслонила от нее действительность. Будто не пережила она огонь немецкого десанта у Перекопа, отступления с тяжелыми боями, будто не видела она стольких смертей и ужасов разрухи. Будто и не было вокруг глубоких, уродующих следов перенесенных штурмов. Максимова дача — огромный парк, одной стороной террасами виноградных лоз, маслин и миндаля уходящий в горы, другой — в дубовую, кленовую и акациевую рощу, примыкающую к живописному оврагу, был весь разворочен окопами, дзотами и дотами, минными полями и огневыми точками. Но Майя видела, как налились соком покоренные и обгоревшие деревья, высыпали почки на изуродованных кустах роз и левкоев, видела, что в голубизне неба пролегли треугольники возвращающихся журавлей и спокойно раскачивается бирюзовое море...

Чистое дыхание весны, заря, зажигающаяся нежным светом, и восторженный свист соловья, притаившегося в прозрачных сумерках, казались Майе отрицанием зла и гимном миру.

Раненых в госпитале было мало. Здесь оставались только те, кто после кратковременного лечения мог вернуться в свои части, и те тяжелораненые, которых нельзя было трогать.

У Майи еще не совсем зажила осколочная рана в предплечье, и ее не загружали работой. Большую часть времени она проводила в одиночестве на приглянувшейся ей горке, откуда хорошо видны были море и Севастополь. До него рукой было подать. Раскинувшийся на скалах и холмах, полусожженный и разрушенный, изуродованный пятнами и полосами камуфляжа, он все же был совсем белый — белым камнем строгий Севастополь. И в бухтах, забитых замаскированными кораблями, море все равно было бирюзовое!

30 ЛЕТ НАЗАД, в апреле-мае 1944 года, войска 4-го Украинского фронта во взаимодействии с Черноморским флотом разгромили немецко-фашистские войска в Крыму и очистили от гитлеровцев героический полуостров. В дни с 7 по 9 мая был взят последний рубеж противника и освобожден Севастополь, город, 250 дней и но-

чей стойко выдерживавший осаду немецко-фашистской армии.

События незабываемых дней обороны города-героя Севастополя легли в основу рассказа «Той севастопольской весной», принадлежащего перу известной грузинской писательницы Тины Донжашвили, в прошлом — военврача, участницы боев за Керчь и Севастополь.





Как  
808 00101033

На своей «наблюдательной вышке» Майя заставляла иногда пожилого сухопарого артиллериста. Севастополец Верещагин до самозабвения любил родной город и как свои пять пальцев знал его прошлое и настоящее.

— Во-он моя улица, Октябрьская. Не видишь? А вон дом номер семь. же ты не видишь?

Разумеется, отсюда мудрено было увидеть Октябрьскую улицу и дом номер семь, но Верещагин видел, потому что он даже с закрытыми глазами мог найти в своем городе каждую улицу и каждый дом.

— Маленький дом с садиком... Был негодный, никому не нужный клочок земли. Попросил хозяев города, вот и выделили мне его. Наши старики говорили, что дед мой любил алые розы и разводил их. Вот и я тоже... Достал-таки ту самую рассаду. Вот погоним фрицев, и покажу тебе мой сад...

Верещагин еще с гражданской войны носил пулю в бедре, а сейчас в то же самое бедро угодил осколок снаряда. Он не любил костыль и при ходьбе опирался на ловко выструганную палку. Ему не терпелось вернуться в свою часть, на Сапун-гору.

— Дед мой вон там покоится, на Малаховом кургане, в братской могиле, — сказал он однажды Майе и, вздыхая, снял с головы выцветшую добела пилотку.

— Дед? Наверное, погиб в восемьсот пятьдесят пятом?

— А ты, видать, с историей знакома, дочка...

— И Нахимов тогда погиб. И Лев Толстой в ту войну тут воевал, поручиком...

— Молодец, доченька! Молода, а уже столько знаешь, — обрадовался Верещагин.

— А вы, наверное, не знаете, что здесь и тогда много грузин воевало. И много их погибло во славу русского оружия. Не знаете потому, что в те времена грузинские фамилии переделывались на русский лад.

— Да и нынче на всем севастопольском фронте первейший снайпер — Ной Адамия. А парни наши так и рвутся в батальон Аркадия Гегешидзе...

Верещагин надел пилотку и, опираясь на палку, встал:

— Вот покончим с этими варварами и махнем с тобой на Малахов курган. Помянем героев, — не переводятся они в миру.

Однажды утром, видимо сговорившись, раненые в госпитале «взбунтовались», и предводителем оказался степенный, всегда уравновешенный Верещагин.

— Как хотите меня шельмуйте, обзовите недисциплинированным, а я не могу дольше здесь валяться. Вот и докладываю тебе, доченька, и прощай.

За ним к Майе подскокил Лебедев. Этого отчаянного парня привезли в госпиталь с ущемленной грыжей. Оказывается, он через речку на спине вынес ящик со снарядами. Еще во время операции он буянил: «Ну, убрали эту проклятую грыжу, и спасибо вам, а больше мне здесь делать нечего». Только вчера швы сняли, а сегодня он в полной амуниции вытягивался перед Майей.

— Слышь, медицина, нельзя же так, на копейку добра сделали, а на тыщу нервы человеку дергаете. Хотите, чтоб из-за паршивой грыжи я в постели подох? Не выдет! До скорого свиданьца после разгрома врага!

В общем, в тот день ушли все, кто мог ходить. Просто ударили, боясь отстать от своих частей. Даже Юрка Демидов пытался приподняться с постели. Он был ранен в шею. Рана, с виду безобидная, была глубокой и опасной. Майя на сильно уложила его.

— Не могу оставаться, сестрица, пойми, не могу, — капризно твердил он.

— Лежи! У тебя тридцать девять!

— Все равно не могу, — повторял уже обессиленный, в лихорадке горевший паренек.

А солнце с каждым днем набирало высоту и силу.

Люди выбирались из подземелья, поближе к солнцу. Вокруг мелькали матросские тельняшки и черные бушлаты морских пехотинцев. Майе нравились эти люди, нравились их остроумие и находчивость. Она привыкла и не обращала внимания на их порой двусмысленные шутки, крепкое словцо, на грубоватые комплименты. Она знала цену этим парням, знала, на что были способны защитники Севастополя, влюбленные в свои бескозырки и тельняшки.

Майя радовалась тому, что эти шальные ребята могли валяться на пригретой солнцем земле и беспечно храпеть. Ей часто казалось, что от этого ласкового солнца, прогретого, прозрачного воздуха и соловьиного свиста не только она, но и все вокруг отдыхают хоть на какие-то минуты от войны. Вот хотя бы те моряки, которые, смеясь и балагурия, поднимаются из Хомутовского оврага. Видать, шли они после бани.



— Привет, товарищ лейтенант! — закричали они издали. — Новую баню не дробовали?

— Нет еще.

— Чудо-баню устроили нам наши интенданты! Спешите получить удовольствие, советуем! — смеялись они.

— Могу потереть спинку, — пошутил крепко сбитый моряк, галантно сняв перед ней бескозырку.

— Я тебе так натру, долго помнить будешь, — пнул его в бок другой, а третий дал ему подзатыльник.

Майя рассмеялась.

Подобревшее солнце обсушило землю, дороги, тропинки.

Как-то за Хомутовским оврагом Майя увидела моряков, нагруженных тяжелыми мешками. Преодолев овраг, они снимали мешки и расселись на земле, обмахивая бескозырками потные лица.

— Видите, товарищ лейтенант? Дай бог красивых жен нашим колхозникам, — сказал щуплый смуглый старшина с ниточкой усиков над верхней губой. — Не выкопали осенью картошку, о нас позаботились...

— Вот и ешьте на здоровье, — улыбнулась Майя.

— Эй, Тимка, отойди в сторону, — бесцеремонно отодвинул щупленького старшину коренастый и широкоплечий матрос с вытатуированным якорем на руке. Светло-рыжая его голова опиралась на крепкую шею, на широком скуластом лице озорно поблескивали широко расставленные голубые глаза. — Товарищ лейтенант, к этой картошке да ваша улыбка — и соли не надо!

— Антон, а ну двинь и ты в стороночку! — сказал, видимо, старший из них, краснофлотец лет двадцати шести-двадцати семи. — Зря выпендриваетесь, подхалимство не поможет, попадете к ним в руки, не надейтесь на ласку, накачают хвойным отваром.

— Очень даже хорошо, витамины требуются организму, — сказал самый молодой матрос с пухлыми губами. — Не так ли, товарищ лейтенант?

— Треба! — вместо Майи ответил самый старший и, как бы поставив точку, приложил палец к кончику своего острого носа.

— Кончайте треп! — крикнул лежавший навзничь сухопарый, гибкий матрос и быстро вскочил на ноги. Это был красивый парень, с глазами как спелая ежевика. Он без труда взвалил на спину полный мешок.

— Есть кончать треп!

— Выполняем приказ самого товарища Гришко! — Все взялись за свои мешки.

— Кроме шуток, товарищ лейтенант, пожалуйте к нам на картошку.

— Через час все будет готово.

— И вареная и печеная!

— И соли будет вдвойне!

— Спросите команду Гришко, всякий вам укажет.

Взвалив на спины свои «трофеи», они продолжили путь.

— О, смотри-ка на него, — сказал Антон тихо, вдруг как-то сразу побледнев. Он спустил свой мешок на землю и уставился в какую-то точку. — Слышишь? — спросил он Майю шепотом, указывая на обсыпанную почками ветку изуродованного дерева. — Соловей, видишь? Крохотная птаха, где в ней вмещается этакая силища... И в нашей роще они пели, пели так, что мы с Настей влюбились друг в друга...

«Вот ведь какое нежное сердце у этого здоровенного детины», — подумалось Майе. Она молча смотрела на Антона. Медленно возвращалась кровь к его лицу. Придя в себя, он, нахмурившись, взялся за мешок.

— Даже только за то, что птица растревожил, давить фрицев надо, гадов... Он выругался, взвалил мешок на спину и ушел.

И в эту удивительно добрую весну начался третий штурм Севастополя.

Скрестился ураганный огонь артиллерии противников. На город и позиции хлынул поток расплавленного металла. Посыпались фугасные и зажигательные бомбы, бесчисленные тонны снарядов и мин, град трассирующих и разрывных пуль. Хриплый лай тяжелых минометов, вой мин, гром артиллерии, взвизги падающих снарядов, вой сбрасываемых с «юнкерсов» железнодорожных рельсов... Земля сотрясалась. Воздух превратился в смесь копоти и раскаленных осколков металла.

Не стало ни тыла, ни линии огня. Война пришла и на Максимову дачу. Гигантскими факелами пылали холмы, высоты и горные гряды. Развалины похоронили землю.



Люди уже не пытались укрыться: не было зданий, разворожены были все дзоты, траншеи, могилы.

И было жарко. Невыносимо жарко. День был бесконечный и знойный, ночь коротка и раскалена докрасна.

Майе казалось, что взорвался мост между жизнью и смертью, и вся та — вот эта раскаленная, вздыбленная, грохочущая, скржавленная масса

Бессчетный раз наступавшие и отброшенные назад фашисты через горы трупов своих солдат и кладбища оружия снова и снова шли в наступление.

Это не прекращалось ни днем, ни ночью.

Госпиталь был забит ранеными. Был получен приказ: оказав неотложную помощь раненым, отправлять их на причалы, — только оттуда еще можно было вывести их на Большую землю.

Майя сначала только помогала группе, вывозившей раненых из Максимовой дачи, но вскоре эвакуацию целиком возложили на нее. Теперь ей часто приходилось бывать в городе. Она видела, как изо дня в день менялся его облик, как уродовал его бесперывный ливень снарядов, как умножались развалины и черные, закопченные остовы домов с сорванными крышами.

Но видела она и то, что на холмах по-прежнему стоял белый Севастополь. Едва кончался налет авиации, улицы тут же заполнялись людьми, жизнь кипела, все продолжали свое дело — расчистку улиц, борьбу с пожарами, восстановление укреплений, возведение баррикад, прокладывание траншей. Видела она, как по восстановленным путям с подчеркнуто громким звоном пролетали переполненные людьми трамваи, и пешеходы с улыбкой провожали их и желали им счастливого доехать. Она видела, что люди не могли пройти равнодушно мимо откопанных из-под развалин фонтанчиков и, даже не испытывая жажды, останавливались пригубить воды.

Когда под ногами вздрагивала земля или где-то взвивался столб огня, ей казалось, что это стонет город и из новой его раны хлещет кровь. Тогда Майя, не считаясь с опасностью и усталостью, как сумасшедшая неслась к Максимовой даче, и ей казалось, что, перевязывая раненых, она перевязывает раны города...

Сжималось огненное кольцо, на глазах таяли ряды защитников Севастополя.

А фрэг, ряды которого беспрерывно пополнялись живой силой и техникой, все наступал и все же не выдерживал рукопашных боев с защитниками Севастополя. Гитлеровцы панически боялись морских пехотинцев. «Черная смерть» — называли они советских моряков, и, случалось, десятки до зубов вооруженных фашистов бежали от одного почти безоружного бойца в бескозырке.

И все же, защищенные железным панцирем техники, гитлеровцы рвались вперед.

В первозданном хаосе терялся счет дням. А на Крымском полуострове все еще стоял обескровленный, лишенный воды, хлеба, воздуха город — белокаменный Севастополь...

Кончился май.

Горело солнце, и напирал враг. Он все рвался вперед, хотя на каждой захваченной пяди земли он заставлял горы трупов своих солдат и покаленные останки своей боевой техники и повсюду встречал лишь пепелища...

Было приказано торопиться с вывозом раненых. Врачи, фельдшеры, шоферы, механики — все торопились их отправить, пока существовал еще тот единственный путь к Большой земле — морская линия Севастополь — Новороссийск.

Майя уже не покидала санитарной машины. Той дорогой, которой только что отвезли раненых в порт, возвращаться уже было невозможно. В следующий рейс приходилось искать новый путь и ехать как можно быстрее, чтоб избежать расстрела машины вражескими самолетами...

В июне солнце стало горячее, враг — напористее. На Максимовой даче оставалась еще партия раненых. Они ждали эвакуации. Но уже не было транспорта. Не вернулся начальник госпиталя, уехавший добывать транспорт.

Вчера, когда они возвращались из порта, гитлеровский летчик так изрешетил их последнюю машину, что Майя и шоферу Науму Рынде пришлось добираться до госпиталя пешком.

Раненые не должны были знать о том, что происходило там, над землей, но ободряющие слова звучали бы сейчас так фальшиво, что Майя предпочла молча обойти «палату».

«Как их вывезти? И куда вывезти? Фашисты уничтожили последний причал. Даже море горит... А как довести до моря?» — и опять, как все последние дни, как все ночи напролет, она механически высчитывала, сколько понадобилось бы рейсов, чтобы вывезти всех раненых на двух машинах, на трех, на четырех.

— Майя Платоновна... — прервал ее подсчеты чей-то голос.



«Юра Демидов... — вздрогнула Майя. — Нет, нет, не могу...»

— Майя Платоновна! — кричит Юра Демидов.

— Эй, Демидка, мужик ты или баба? — сердятся на него раненые с соседних коек. — Один ты, что ли? Каждую минуту зовешь лейтенанта. Что у него?

«Что у него такого? Ничего. Конечно же, ничего... Просто умирает он...»

— Да, да, Юрий, я сейчас. Только выгляну, не пришли ли машины. Сейчас принесут тебе лед на голову...

Майя медленно вышла, но едва за ней закрылась дверь, как она в смятении побежала. Бежала от Юры. От остальных. Обреченных. Ничем она не может им помочь. Бежала, и опять мозг ее механически отсчитывал, сколько надо было бы рейсов на двух машинах, на трех, на четырех...

И вдруг наверху увидела машины! Нет, это не мерещится! Нет-нет, это не галлюцинация. Пришел артиллерийский дивизион, оставивший Сапун-гору. Четыре машины с бездействующими пушками. Без снарядов. И без людей.

Возле передней машины, хмуро глядя исподлобья, стоял один-единственный артиллерист. Копоть залегла в глубоких складках его лица, и лицо было похоже на смешной рисунок, нацарапанный ребенком. Левая рука у него была привязана к груди почерневшей повязкой.

Майя сделала вид, что не узнала Верещагина.

— Почему вы занимаете машины мертвыми пушками? — спросила она срывающимся голосом.

— Мертвыми... Вы правы, без снарядов пушки не могут жить... — проговорил он с горечью. Он тоже сделал вид, что не узнал Майю, и отвернулся к шоферам, которые рассказывали Науму Рынде о прорыве фашистов к Сапун-горе. — Чего лясать точите? Приказано стащить пушки с лафетов и уничтожить! Оглохли?! Что смотрите, сукины дети?... Догоняют ведь... Хотите, чтоб они фрицам достались?

У Верещагина задрожали плечи. Он выругался и, волоча раненую ногу, пошел в сторону города.

— Четыре машины! Четыре, Рында, четыре машины! Видишь? Помоги им!.. А мы вынесем раненых. Быстрее! — иступленно кричала Майя, а в голове стучало: «Четыре машины — три рейса... Четыре машины — три рейса... Всех вывезем!..»

Вскоре четыре машины, переполненные ранеными, двинулись к морю. Шли они гуськом, то отдаляясь, то приближаясь вплотную друг к другу. Шли то быстро, то еле-еле. Им приходилось далеко объезжать заваленные дороги, приходилось ждать, пока схлынет волна очередного налета...

До набережной дошли три машины. В госпиталь вернулись две.

Следующим рейсом до причала дошли обе машины.

Море коварно красиво. На поверхности его горят маленькие костры. Маленькие, красивые костры преграждают путь к Большой земле. А штольни и пещеры на набережной забиты носилками с тяжелоранеными. Они ждут отправки.

Ждут отправки раненые, оставшиеся в подвалах Максимовой дачи. Они ждут Майю.

И обе машины возвращались в госпиталь. Второй машиной правил Наум Рында. В кабине рядом с ним Майя. Рында вдруг круто повернул, но близкая взрывная волна как игрушечную закружила трехтонную машину и прибила ее к разрушенной стене. Было смешно, что машине пришел конец, а они остались невредимы! Майя и Наум что-то кричали друг другу, и лишь позже догадались, что контужены и что, разговаривая шепотом, они слышат друг друга лучше.

К ним подбежал шофер передней машины.

— Товарищ лейтенант! Ухожу! Уйду в оборону. Не довезем мы раненых до порта. Не могу смотреть, как гады бьют беспомощных...

И пока до Майи дошел смысл его слов, он круто повернулся и опрометью кинулся к обочине дороги, по которой шел отряд оборонительной части военной морской пехоты.

Майя и Наум молча переглянулись и пересели на ту единственную, уцелевшую машину, и пошла вперед последняя машина отвоёванного артдивизиона.

Выход из города был очень труден. Дорога была забита встречным потоком ступающего к морю войска, техникой, транспортом, населением, ходячими ранеными.

Все-таки они выбрались на шоссе. Но тут их остановил старший лейтенант, регулировавший движение.

— Куда?

Майя вылезла из кабины и рукой указала в сторону Максимовой дачи. Приподнявшись на цыпочки, она дотянулась до его уха и тихо сказала:

— Раненые ждут.



— С ума сошли! Немцы прямой наводкой бьют по шоссе!

— Постараемся проскочить, товарищ старший лейтенант!

Старший лейтенант снизу вверх оглядел Майю. Он увидел запыленные кирзовые сапоги, измятую цвета хаки юбку, потускневшую бляху на поясе, выцветшую гимнастерку и, наконец, остановил взгляд на ее лице. Казалось, он сейчас увидел ее.

Бледное, нежное лицо девушки, казавшейся слабой и хрупкой, было в таком несоразмерном контрасте с грохочущей вокруг войной, что у старшего лейтенанта сжалось сердце, и он почти умоляюще сказал:

— Фашисты в 300—400 метрах, лейтенант. Не могу пропустить, вы должны вернуться.

— У нас своя служба, товарищ старший лейтенант. Мы не можем выполнить ваше приказание! — со смелостью отчаяния сказала Майя, по-военному вскинула руку к берету и села в кабину.

«Счастливого пути!», — тихо напутствовал машину старший лейтенант и потер ладонями отекшее лицо.

Острые осколки мины пробили сперва один скат машины, потом второй. Наум Рында упорно продолжал путь, но вскоре машина сползла в воронку. Усталый мотор не смог одолеть сопротивления оголенных колес, застрявших на краю воронки.

Взбешенный Рында ножом изрезал остальные скаты, и вышедшую из строя машину тягачи сразу оттащили в сторону.

— Ты свободен, Наум. Пробирайся обратно к морю, — скрепя сердце предложила Майя шоферу.

— У меня своя служба, товарищ лейтенант, — зло повторил Рында слова, сказанные ею патрулю.

— Да? — обрадовалась Майя и в душе поблагодарила его.

— Смотрите! — вдруг оживился Рында, увидев машину, которая обогнала их. — Какой-то сорви-голова едет в нашем направлении. Вы стойте здесь, а я попытаюсь его сагитировать, может, и довезет до госпиталей.

Рында побежал за незнакомой трехтонкой, догнал ее, вскочил на подножку. Дорога справа беспрерывно простреливалась. Майя нетерпеливо поглядывала в сторону машины, замедлившей ход, и в душе молила бога, чтобы агитация Рынды увенчалась успехом. «В два-три рейса вывезем остальных, а дальше... там будет видно».

Вдруг из общего грохота явственно выделился лай тяжелого миномета. Впереди на дороге взвился смолисто-черный столб дыма. В горячем воздухе он не смог подняться вверх и черной тучей навис над дорогой. Еще минута, и на том месте — ни дыма, ни машины. На дороге разверзлась новая воронка.

«Кончилась твоя служба, Наум...» — закрыла глаза Майя. Она оставила шоссе и пешком продолжила путь к Максимовой даче.

Кордон из арьергарда остановил ее.

— Там еще твердо стоят защитники! — со злостью сказала им Майя. — Вы уж очень поторопились бежать!

— Мы не бежали, товарищ лейтенант, — грустно сказал майор, начальник кордона. — Мы выполняем приказ, отступаем арьергардными боями... Фашисты следуют за нами по пятам...

— И мне приказано... Я тоже должна выполнить приказ... Меня ждут раненые!

Извиняться за свою резкость и грубость было некогда. Майя крепко пожала майору руку и продолжила путь.

С ее стороны это не было ни упрямством, ни храбростью, ни безрассудством. Майя отлично знала, что происходило в Северной бухте у причала. Надеяться на выход оттуда в море, к Большой земле, было самообманом. В то же время она знала, что Хомутовский овраг сливался с Сарадинакской ложчиной и вместе они создавали Делегартский овраг, доходивший до самой Южной бухты. Правда, дорога удлинялась вдвое, зато глубокий, извивающийся овраг с отвесными склонами, испещренными гротами и вмятинами, был сейчас самым безопасным для прохода, и через Южную бухту выход в море наиболее реален. Вот из этих соображений и в надежде именно на это шла Майя вперед. И продолжилась давно начавшаяся игра в прятки со смертью. То пригнувшись, то ползком, то короткими перебежками она упрямо продвигалась вперед. То, что происходило вокруг, длилось так долго, что стало привычным, казалось, иначе и быть не могло. Казалось, всегда будет так — раскаленное солнце, знойный дымный воздух, ливень металлических осколков, вздрагивающая земля и мертвецы без могил...

«Хорошо, что Юрка умер. У него хоть могила есть. Что такое гуманизм? Хорошо, что он умер. У него есть могила. А у Рынды нет... И у меня не будет...»



— Эй ты, куда лезешь? — прервал ход ее мысли чей-то грубый окрик.

От ствола обгоревшего дерева отделился моряк и напрямик направился к Майе. Матросские брюки его были заправлены в сапоги, над каской, из-за спины торчало дуло винтовки. Концы переброшенной через руку плащ-палатки волочились по земле.

Он загородил Майе дорогу.

— Пропусти, раненые ждут, — попросила его Майя.

Моряк стоял, широко расставив ноги, и загоразживал ей дорогу. Он снял каску, и Майя увидела под ней пропитанную кровью бескозырку, прилипшую к повязке вокруг головы. Глаза у него были мутные.

Майя видела — перед ней стоит тяжело раненный. На правой стороне темени из-под бескозырки выпирает бугорок величиной с крупный орех.

«Что это, мозг?» — мелькнула догадка, но она уже столько перевидала, что вовсе не удивилась бы, увидев, что из раны действительно выпирает мозг, а человек все еще стоит на ногах.

— Пропусти, прошу, раненые ждут, — повторила она.

— Бреешь. Никто не ждет. Полегли ребята. Вся сотня. На Сапун-горе лежат...

Он зашатался и поbledнел, и только сейчас Майя узнала моряка, так недавно с увлечением слушавшего свист соловья.

Она поддержала его, но не смогла удержать, и они оба упали на землю. От боли в руке, очутившейся под спиной и винтовкой моряка, у нее потемнело в глазах. Но от резкого запаха гари она сразу пришла в себя. Слово откуда-то приблизилось огненное дыхание. Превозмогая боль, она с трудом высвободила руку и вскочила на ноги. Страх тисками сдвинул ее сердце.

С Сапун-горы надвигалась огненная стена. Это не был мираж. Надвигалась сляпающая огненная стена. Огонь надвигался с гор, со всех сторон. Кругом ни души, и только к Хомутовскому оврагу пробиралась горстка моряков.

Майе вдруг показалось, что она в последний раз видит людей, что в горячей вселенной она остается наедине с этим моряком, без сознания распростертым на земле. Оглушенная этой страшной мыслью, она вскинула плащ-палатку и нечеловеческим голосом закричала.

Моряки, пробираясь к оврагу, обернулись, о чем-то переговорили между собой и направились в сторону Майи. Их было пятеро, оборванных, обгоревших моряков с закопченными лицами. Они быстро приближались к Майе, но она, одержимая страхом, то вовсе не видела их, то перед ее глазами мельтешило множество людей.

— Чего стоишь, лейтенант, не видишь, что происходит?! — сердито закричал один из моряков, в несусветную жару кутающийся в свой рваный бушлат.

— Там, в подвале...

— Нету, кончился подвал, — прервал ее моряк в бушлате. — Огнеметы применили, земля горит. Слепла, что ли, не видишь, огонь наступает?

У раненого моряка (Майя вспомнила, что зовут его Антоном) дрогнули ресницы, он открыл глаза и попытался было встать, но мертвенно поbledнел и повалился на землю.

Моряки положили его на плащ-палатку и подняли.

— Пошли! — приказал моряк в бушлате.

Они пошли к оврагу.

Они беспрепятственно достигли оврага, опустили палатку на скальное дно и перевели дыхание.

Вражеская артиллерия приумолкла — она была уже не нужна. Только самолеты гудят, беспорядочно разбрасывая бомбы, и летчики, забавляясь, строчат из пулеметов и на бреющем полете фотографируют результаты своих деяний.

— Кончился и третий штурм Севастополя, — сказал один из моряков.

— Двадцать девятое июня сегодня, — вздохнул второй.

— За четыре-пять дней хотели взять, а сегодня уже двухсотпятидесятый день... — стукнул кулаком о скалу третий.

— И сейчас они все еще боятся нас, — проговорил матрос в бушлате. Дымился пышущий жаром мир, а ему все было холодно, и он все кутался в бушлат.

— Куда ты меня тащишь, лейтенант? Отпусти принять смерть по-христиански, — совершенно ясно проговорил вдруг Антон, и его прояснившиеся голубые глаза повлажнели.

— В Южной бухте много наших кораблей, — сказала ему Майя.

— Не хватит сил...

— Хватит, если не будешь растрачивать их на пустые разговоры.

— Отпусти, я должен по-человечески принять смерть...

— Что ты заладил, заткнись, — прервал его матрос в бушлате.

Самолеты пролетели так низко, точно собирались опуститься в овраг. От разрывов бомб взметнулись фонтаны обломков скал, земли, пыли и дыма.



— Отпусти, опаздываю в часть! — закричал вдруг Антон. Глаза у него снова помутнели.

— Часть ждет тебя в Южной бухте, — сказала ему Майя.

— На Сапун-горе ждут! — закричал Антон.

— Заткнись! — строго приказал матрос в бушлате.

— Говорю, ждут на Сапун-горе! — с угрозой приподнялся раненый, и его стало рвать.

Моряки уложили его, смочили в воде, сочившейся по скале, тряпку и положили ему на лоб.

— На Сапун-горе... — простонал Антон.

— Дурак, на Сапун-горе мы свое дело сделали, — примирительно сказал ему матрос в бушлате.

— На Сапун-горе ждут ребята... — упрямо повторял Антон. Глаза у него стали совсем мутными. Бугорок под повязкой увеличился. Его снова рвало.

— Что с ним делается? — спросил один из матросов.

Майя и на этот раз промолчала. Она отдыхала — сидела, прислонившись спиной к скале и положив голову на согнутые колени. Она блаженствовала. Ее вывел из оцепенения крик:

— С Сапун-горы зовут!..

Антон стоял во весь рост. Глаза мутные. В руках винтовка. Неожиданно он резко повернулся и побежал.

Матрос в бушлате вытащил из кармана «ТТ».

Майя схватила его за руку.

Антон скрылся за изгибом оврага.

— Ух, твою... — выругались вслед ему моряки, — фрицы замучают, лучше бы...

— Медицина... — желчно процедил сквозь зубы матрос в бушлате.

«Что такое гуманизм? — снова мелькнула у Майи в голове мысль, ужаснущая ее. — Неужели я схожу с ума?»

— Избавил бы от мучений человека... — упрекнул матроса в бушлате его товарищ.

— А идите вы... — выругался матрос в бушлате, запикивая «ТТ» в карман. «Нет, я не сошла с ума, — продолжала думать Майя, — они гуманнее, у меня не хватает сил на это...»

Достигли Делегардского оврага. Был полдень.

Они видели: наверху, по краю оврага, со скрежетом ползут танки.

Под прикрытием танков идут гитлеровцы.

Двигаются минометы, пушки, самоходные орудия, зенитки.

Идут мотомеханизированные фашисты.

Идут к городу.

Автоматчики время от времени стреляют в сторону оврага.

Горстке людей, продвигавшихся к Южной бухте, пришлось укрыться в гроте. Выглядывая оттуда, они молча следили за фашистами, медленно, с опаской шедшими к городу.

...И вдруг наверху, над оврагом, возникла фигура раненого моряка. Он сорвал с головы повязку и отбросил ее в сторону.

Все дальнейшее произошло в один миг.

Раздался приказ.

Перед танками развернулся строй автоматчиков.

Антон вскинул над головой винтовку.

— За Родину! — крикнул он и двинулся к направленным на него дулам.

Салютом прозвучал оглушительный залп.

Все дальнейшее произошло в следующий миг.

— Целый строй заставил стрелять по себе... — с гордостью проговорил матрос в бушлате.

— Вот он и принял смерть по-христиански, как настоящий человек, — с какой-то завистью выдохнул из себя второй.

— Говорю же, они все еще боятся нас, — сказал матрос в бушлате. Губы у него были синие-синие.

Они приближались к Южной бухте.

Самолеты пикировали над выходом из оврага. Один бомбардировщик, чуть ли не задевая крыльями край оврага, сбросил бомбы, резко взмыл вверх и ушел.

Наступила минута удивительного затишья.

Они опять выглянули из грота. Ни в воздухе, ни на земле никого и ничего нет. Только солнце палит да огненные стены пышут жаром.

Затишье было непривычное, неестественное, враждебное:

— Пошли! — приказал матрос в бушлате.





94736940  
36743174933

Они гуськом сделали очередную перебежку.

До выхода из оврага рукой подать.

— Стой! Бомба! — крикнул матрос в буслате.

Упавшая бомба разорвала непривычную, неестественную, враждебную шиню.

Сухая раскаленная воздушная волна, как щепку, прибила Майю к скалистому склону оврага, и мир погрузился во мрак...

\* \* \*

Впервые отмечалась годовщина обороны Севастополя.

Впервые со всех концов страны собирались участники обороны города-героя. Праздновал раскинутый на холмах и горных грядях белокаменный Севастополь, город, любимый солнцем и ветром. Спокойно колышется окаймленное серебристым кружевом изумрудное море. Как зачарованные стоят на рейде корабли.

Приглашенная на торжества Майя, улучив свободный час, одна вышла в город. Расспрашивая прохожих, дошла до Октябрьской улицы, отыскала дом номер семь.

Дом двухэтажный. Майя нерешительно открыла маленькую деревянную калитку. Двадцать лет! Мало ли кто сейчас здесь живет!

...Войдя в калитку, она очутилась в море алеющих роз. Ничего подобного она не видела в жизни. Но люди, прошедшие дороги войны, привычны к чудесам. И Майя не удивилась, когда из этого моря, слегка волоча ногу, вышел сухопарый, морщинистый седой человек в кителе, по-праздничному украшенном орденами и медалями, и в пионерском галстуке, повязанном вокруг шеи.

Увидев друг друга, оба застыли на месте. В том минутном молчании оба вспомнили, как двадцать лет назад встретились впервые майор артиллерии и лейтенант медицинской службы. Вспомнили; как, встретившись вторично, оба сделали вид, что не узнали друг друга.

Прошла минута молчаливого воспоминания.

— А старого артиллериста чутье не подвело!

— Вы ждали?

— С утра думал — если жива, сегодня встретимся.

— Как же я могла умереть, не увидев ваших роз!

— Мало ли? Путь-то был долог!

— Да-а, до Берлина шла!

— А я Севастополь освобождал.

— Да еще такую красоту развели!

— А как же? Солдатское слово свято, — сказал Верещагин и протянул Майе охапку чудесных алых роз.

Перевод Виктории ЗИНИНОЙ





# ПУТИ И ВСТРЕЧИ

## ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ, ТИЦИАН ТАБИДЗЕ И ПАОЛО ЯШВИЛИ

По заданию одной из тбилисских газет мне надо было встретиться с Ильей Эренбургом. Я сказал об этом своему другу, московскому журналисту.

Он засмеялся:

— Это так же невероятно, как авиационная катастрофа во времена Александра Македонского: старик не жалуется журналистов.

Это было в последние годы жизни писателя, когда публиковалась книга воспоминаний «Люди, годы, жизнь», в которой много места уделено его встречам с грузинскими поэтами.

Я позвонил ему вечером.

Чуть хриловатый голос на другом конце провода:

— Корреспондент?

Потом молчание. Я потерял было надежду, но тут в телефонной трубке снова послышался далекий усталый голос:

— Из Грузии?..

— Да, да, из Грузии... — В душе моей затеплилась надежда.

Снова молчание.

— Утром вылетаю в Париж и сейчас укладываюсь, — услышал я и понял, что сейчас последует отказ. И тут вспомнил слова из одной очень древней книги и произнес их — весьма к месту.

— Ого, интересно... Современный молодой журналист, и вдруг цитата из Талмуда... — удивился Эренбург.

А потом стал говорить, что очень занят, времени до вылета совсем мало и вряд ли он сможет встретиться со мной, и, может быть, лучше отложить эту встречу до его возвращения из Парижа...

— ...Человек с родины Тициана и Паоло, даже не знакомый, для меня всегда желанный гость, — сказал Илья Григорьевич, и мне показалось, что голос у него дрожал, когда он называл эти имена.

— По возвращении из Парижа? — отчаянно переспросил я.

Эренбург засмеялся и вдруг сказал:

— Давайте сейчас. Приезжайте. Ведь знаете, дело лучше не откладывать...

Дверь мне открыла женщина. Эренбург сидел в кресле за письменным столом и, когда увидел меня, привстал, поздоровался и указал на стул.

— Так это вы читаете древние книги? — сказал он и улыбнулся. — Чем же заинтересовал вас Талмуд?

— Эта книга, как и другие, подобные ей, для меня — только художественное произведение, — сказал я. — Ведь существует библистика как наука.

Фрагменты из книги «Дороги, полные раздумий».



— Вы правы... Эта книга — один из интереснейших памятников древней культуры... Лично для меня не существует никакой «обетованной земли», точно так же как нет и никакого «избранного бгом народа»... Моя родина там, где я родился и где меня признали писателем и свободным гражданином. Это мое credo.

— Илья Григорьевич... — начал я. И вместо того, чтобы спросить его о том, что меня интересовало, я почему-то сказал: — А ведь вы с нашим классиком тезки.

— А, с Чавчавадзе? Знаю... Об этом мне сказали однажды Паоло и Гогла Леонидзе. Мне кажется, что многие произведения Чавчавадзе переведены на русский язык не совсем удачно. Я чувствую, что писатель это крупнейший, а вот по переводам этого подчас не скажешь.

«Интуитивно почувствовать это может только настоящий писатель», — подумал я.

— Но все же заслуга переводчика в том, что он дал возможность другим народам познакомиться с Чавчавадзе и почувствовать его величие, — вставил я.

Мне показалось, что Эренбург посмотрел на меня недовольно.

— Еще не известно, чья это заслуга, переводчика или читателя, — сказал он.

— Возможно, это объясняется и особенностями оригинала. Например, Гейне сравнительно легко переводится на все языки, Важа Пшавела же...

— Вы хотите сказать, что некоторых поэтов невозможно переводить? — спросил Эренбург.

Пауза.

— Я хотел поговорить с вами о другом, Илья Григорьевич... Может быть, вы расскажете что-нибудь новое о ваших встречах с Тицианом и Паоло?

— Пожалуй, я обо всем уже рассказал в книге «Люди, годы, жизнь». А если уж вспомнится что-то новое, мне бы хотелось, чтоб это было предметом не интервью, а другого жанра... Их имена незабываемы для меня — Паоло, Тициан, Гогла. Блестящее созвездие поэтов...

Потом Эренбург вспомнил, как они встречали Новый год у Леонидзе, сказал, что Георгия Леонидзе хвалил Поль Элюар.

Перебрав на столе номера парижской газеты «Монд» и лондонской «Таймс», он извлек номер «Нойес Дойчланд».

— Здесь на немецком языке напечатан Тициан.

Я развернул газету. В ней было опубликовано стихотворение Тициана Табидзе «Тельман».

А Эренбург продолжал:

— У Тициана есть стихи и лучше. Например, помните, «Не я пишу стихи... Они, как повесть, пишут меня, и жизни ход сопровождает их...» Тициан истинный поэт.

— А вы сейчас пишете стихи? — спросил я. — Ведь ваши стихи так же прекрасны, как ваша проза и публицистика.

— В стихах я говорю только то, чего не скажешь в прозе. И, естественно, у меня порой возникает тяга к поэтическому слову. Некоторые думают, что писать стихи — дело несерьезное. Есть такие, которые и сейчас советуют мне писать только прозу, мол, у меня это лучше получается... — Эренбург усмехнулся. — Стихи всегда должны выражать лишь то, что невозможно выразить без них. — Я чувствовал, что он волнуется. — Что хорошо, а что плохо, не так уж просто узнать... Одному гению, например, Шекспир не нравился... Вы правильно меня поймите: когда я говорю о стихах, имею в виду настоящую, подлинную поэзию...

— Я знаю, Илья Григорьевич, что вы дружны с такими титанами мировой культуры, как Пикассо, Поль Элюар...

Эренбург заметно оживился.

— Завтра я буду в Париже, увижу Пикассо...

Казалось, он отвечал не мне, а каким-то своим мыслям. Потом, вместо того, чтоб говорить о Пикассо, о котором только что вспомнил, он вдруг снова заговорил о грузинских поэтах.

— С Паоло я познакомился в Париже, еще до революции. Он очень интересовался Пикассо... А знаете, — улыбнулся Эренбург, — однажды Тициан обещал подарить мне голубой рог в знак признательности. Речь шла, как вы понимаете, о роге изобилия поэзии. — Эренбург задумался. — Голубой рог... К сожалению, это обещание он унес с собой.

Я пытался представить себе голубой рог Тициана среди множества экзотических предметов в квартире Ильи Эренбурга, голубой рог, который реально, конечно, никогда не существовал...



Богема и поэзия, вот что объединяло нас: меня, Тициана, Паоло, Пикассо, Элюара... Искусство, алтарь Аполлона... О боже, как нас было много и какие мы были счастливые! — И сокрушенно вздохнул: — Да, время неумолимо...

На мгновение в комнате воцарилась тишина. Потом вновь заговорил хозяин.  
— Тициан и Паоло были поэтами большой культуры, я был покорен их талантом. Они могут оказать честь подлинной поэзии любого народа, самой французской поэзии, влияние шедевров которой особенно заметно чувствовалось в их душе и стихах, после родной, грузинской, конечно. Встречи с ними незабываемы... Тбилисская богема, Пиросмани, верийские сады, бани и, представьте себе, тбилисские банщики, о которых писал еще Пушкин.

В это время в дверях показалась чья-то фигура.

— Самолет отправляется рано утром, — услышал я.

— О эти женщины... — вздохнул Эренбург.

Я понял, что мне пора прощаться, встал, поклонился.

— Спасибо, — сказал мне Эренбург.

Я удивленно взглянул на него:

— Это я вам должен сказать спасибо, Илья Григорьевич.

— Я благодарю вас за то, что беседа с вами оживила в моей памяти столь дорогие мне образы.

...С тех пор утекло много воды.

И мне кажется, что, когда я пишу эти строки, я держу в руке голубой рог Тициана, и это не просто мои записи, а благодарный тост. Да простит мне читатель, если это так же трудно представить себе, как «авиационную катастрофу во времена Александра Македонского»... Только большая любовь к памяти настоящих поэтов дала мне право сказать это.

## ПАУСТОВСКИЙ, КОЛХИДА, «ФАУСТ»

Недавно я читал Константина Паустовского в переводе на грузинский язык. И вспомнил один эпизод. Я тогда учился на факультете журналистики в Московском университете, и для курсовой работы по лексикологии профессор, зная, что я из Грузии, посоветовал мне взять тему «Элементы грузинской лексики в повести К. Паустовского «Колхида» и их художественно-эмоциональная функция в произведении».

Когда студенты разобрали темы, он сказал:

— Если возникнут трудности или у вас появится желание встретиться с писателями, лексический разбор произведений которых вы взяли сделать, можете обратиться в Союз писателей, установить координаты этих писателей и побеседовать с ними. Они всегда идут навстречу студентам.

Еще раз внимательно перечитав «Колхиду» и записав интересующие меня вопросы, я позвонил на квартиру Паустовского. Но мне не удалось поговорить с ним, и я потерял всякую надежду встретиться. Но вот однажды в Доме литераторов я совершенно случайно увидел автора «Колхиды» и «Черного моря», долгие годы жившего в Грузии — в Тбилиси, Сухуми, Батуми. Набравшись смелости, подошел к нему. Мы уговорились о встрече, и через несколько дней я был на квартире у Константина Георгиевича.

— Я люблю Колхиду, люблю грузин, — сказал писатель. — Лучшие годы своей жизни прожил в Грузии, писал об этой стране и ее замечательных людях... Хотя мне кажется, что главного я еще не сказал.

— Ваши книги о Колхиде столь же прекрасны, как мифы Древней Греции о крае золотого руна, — осмелев, сказал я.

— О, это, видать, заговорила в вас грузинская щедрость, — улыбнулся писатель.

— Константин Георгиевич, может, вы вспомните, как вошла впервые в ваше творчество тема Колхиды?

— Представьте себе, Колхидой я заинтересовался уже в раннем творчестве, в период поисков экзотики и романтики... Но это была лишь платоническая любовь. Чувства мои облек плотью...

— Гомер? — подсказал я, вспомнив, что последняя глава «Колхиды» называется «Босые Одиссеи».

— Нет, Гете, — ответил Паустовский и испытующе посмотрел на меня.

Я сперва не мог вспомнить из всего наследия поэта ни одного произведения, которое имело бы хоть отдаленную связь с «Колхидой». И вдруг вспомнил:





— «Прометей»!  
 — Нет, «Фауст».  
 — «Фауст»?!  
 — Да, «Фауст»... Вспомните самый кульминационный момент этого  
 чайшего произведения.

— «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» — продекламировал я, как счастливый студент, которому на экзамене попался знакомый вопрос.

— Да, да, — сказал писатель и, взяв с полки томик Гете, неторопливо перелистал его. — «Мгновенье! Прекрасно ты, продлись, постой!». Помните, когда Фауст произносит эти слова?

Теперь-то я понял, что имел в виду замечательный мастер русского слова, когда говорил, что любовью к Колхиде он обязан Гете. В этом действительно есть прочная внутренняя связь.

Паустовский стал читать:

До гор болото, воздух заражая,  
 Стоит, весь труд испортить угрожая;  
 Прочь отвести гнилой воды застой —  
 Вот высший и последний подвиг мой!  
 Я целый край создам обширный, новый,  
 И пусть миллионы здесь людей живут,  
 Всю жизнь, ввиду опасности суровой,

Надеясь лишь на свой свободный труд.  
 Среди холмов, на плодоносном поле  
 Садам и людям будет здесь приволье;  
 Рай зацветет среди моих полей,  
 А там вдали пусть яростно хлопочет  
 Морская хлябь, пускай плотину точит:  
 Исправят мигом каждый в ней изъян.

Писатель закрыл книгу.

— Что вы скажете, а? Гете как будто описывает Колхиду, не так ли? Разве не похоже то, что я прочел только что, на действительность Колхиды? — И стал снова читать:

Я предан этой мысли! Жизни годы  
 Прошли недаром; ясен предо мной  
 Конечный вывод мудрости земной:

Лишь тот достоин жизни и свободы,  
 Кто каждый день идет за них на бой!

Паустовский снова перевел на меня взгляд, видимо, желая посмотреть, какое впечатление производят на меня эти строки, потом продолжал:

Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной  
 Дитя, и муж, и старец пусть ведет,  
 Чтоб я увидел в блеске силы дивной  
 Свободный край, свободный мой народ!  
 Тогда сказал бы я: мгновенье!

Прекрасно ты, продлись, постой!  
 И не смело б веков течение  
 Следа, оставленного мной!  
 В предчувствии минуты дивной той  
 Я высший миг теперь вкушаю.

И в самом деле, для меня это было чудесным мигом, когда я, благодаря Паустовскому, узрел глазами самого писателя обнаруженную им внутреннюю связь между новой Колхидой и «Фаустом» Гете. Я не удержался и — возможно, это была даже бестактность с моей стороны — сказал произвольно:

— Паустовский по-фаустовски говорит о Колхиде...

Он задумчиво повторил:

— «По-фаустовски»... — И долго сидел молча, уставившись в одну точку. Я несколько смутился и по его лицу пытался понять, не покоробил ли его мой каламбур. А Паустовский продолжал молчать, потом вдруг сказал:

— Знаете, «фауст» — по-немецки кулак... — И стал расспрашивать меня о Грузии, вспомнил Тбилиси, Батуми, Поти, Чаладиди, Самтредиа, Натанеби... Вспомнил Пиросмани.

— А ведь в «Колхиде» он послужил мне прототипом Бечо, — сказал Паустовский.

...Этой весной я был во Франции. В одной приморской деревне мне показали старый ресторанчик, где собиралась французская богема и где, оказываясь, часто обедал молодой Пикассо. И когда у художника не бывало денег, чтоб расплатиться с хозяином, он оставлял ему зарисовки, сделанные во время обеда. Сегодня эти рисунки выставлены в ресторане и приносят его владельцу немалую прибыль. Пиросмани тоже нередко расплачивался с духанщиками своими картинами... И об этом рассказал Паустовский в «Колхиде».

Здесь, на Лазурном берегу Европы, в моей памяти всплыла встреча с Паустовским, и снова промелькнули передо мной образы Гете, Фауста, Пиросмани... Видимо, эти воспоминания заставили меня взяться за перо и вспомнить добрый, человечный, я бы сказал, в известном смысле по-фаустовски мудрый образ Константина Георгиевича Паустовского.





В Москве со мной учился студент-чукча. Звали его Чайвургин. Я знал, что он переводит на родной язык «Робинзона Крузо». Как-то он пришел ко мне с двумя пригласительными билетами на литературный вечер Ильи Сельвинского, и вскоре мы были на улице Герцена в Центральном Доме литераторов. Там уже собрались величественные жрецы советской поэзии.

Сельвинского встретили бурной овацией и долго не отпускали со сцены. Тот литературный вечер вылился в бенефис поэта, автора «Улялаевщины», «Пушторга», исторической трагедии «Рыцарь Иоанн» и глубоко философских лирических стихов. Он был тогда уже болен, но стихи читал с юношеской энергией и задором. А потом выступали другие поэты. Сельвинскому посвятил стихотворение молодой поэт Роберт Рождественский, делавший тогда первые шаги в поэзии. Когда вечер закончился, я встретился с Ильей Сельвинским, и мы долго беседовали. Я вспомнил главного героя его трагедии «Умка — Белый Медведь» — Арсена Кавалеридзе. Образ Арсена, секретаря райкома, работавшего на Крайнем Севере, на Чукотке, — один из интереснейших образов партийного работника в советской литературе.

— Существует ли прототип образа Арсена Кавалеридзе? — поинтересовался я.

— Конкретного прототипа нет. Арсен — собирательный образ. У меня было и есть много друзей-грузин. Среди них старые революционеры, герои гражданской войны и периода реконструкции. У каждого из них я взял по штриху для лепки этого образа. Я видел грузина-революционера, боровшегося за установление Советской власти на Севере, встречался с грузинами-рыбаками на Камчатке и Чукотке и, представьте себе, знаю даже художника, живущего у Северного полярного круга... Меня всегда восхищало мужество людей, сменивших райский юг на суровые условия Севера, их смелость, самоотверженность. Это, конечно, люди необычной судьбы. Создав образ Арсена, я отдал этим людям художественную дань. Насколько мне удалось это, судить читателю.

Верный правде, действительности, Сельвинский создает убедительное полотно жизни чукчей, полотно суровое, но жизнеутверждающее.

Я вспомнил эпизоды, рассказывающие о сложных взаимоотношениях охотника Умки и Арсена Кавалеридзе, в которых столкнулись национальные традиции, вспомнил светлый образ Маляши Ваниной.

— Маляша удивительная женщина, — сказал Сельвинский. — Какая сила любви, какая преданность друзьям! Как же она должна была любить Арсена, чтоб ради его счастья, ради спасения его семьи, не задумываясь, идти на жертву! О, это очень сложная философия, но достаточно посмотреть на эти эпизоды легкомысленно, понять их вульгарно, и от этой прекрасной философии ничего не останется, и потому умного читателя я всегда считаю своим соавтором, а соавтор может быть далеко не каждый.

У Ильи Сельвинского есть чудесное стихотворение «Капитан Цурцумия», и я поинтересовался историей его рождения.

— Я написал его в грозном 1941-м, в Севастополе, ночью. — сказал поэт. — Когда однажды я читал эти стихи солдатам, меня спросили: «Тогда ведь Севастополь был погружен во мрак, как же при той светомаскировке вы писали стихи?». Я отвечал: «Верно, друзья, но эти стихи я писал при свете пожарами, которые вспыхивали от бомб, сброшенных героем-летчиком Цурцумия. Он словно говорил мне: ну что, поэт, вот я и осветил тебе ночь, так пиши, не теряя времени!». После этих слов войны долго хлопали мне. — Сельвинский задумался. — Да, кто знает, в какой земле нашли приют те солдаты...

Потом характерным для него басом прочел строки из «Капитана Цурцумия». И умолк вдруг, задумался — то ли позабыл стихи, то ли вспомнил что-то другое. Потом, словно очнувшись, прочел еще несколько строк и опять замолчал. И я услышал его тяжелое дыхание: сердце изменяло поэту. Я вдруг вспомнил, как слушал в детстве народного сказителя из Самуракано. Он тоже сложил песню про Цурцумия.

— В 1942—43 годах я воевал на Кавказском фронте, — вновь услышал я бас Сельвинского, — и тогда перевел стихотворение Алио Машавили «Гори»... Да, есть что вспомнить. Мне одна жизнь нужна только для того, чтоб передать грузинские впечатления. А человеку дано так много увидеть и так мало жить, — сказал он печально.

После этой встречи я больше не видел Сельвинского, но и по сей день часто вспоминаю его, вижу перед собой его большие, грустные и умные глаза, которые пытались объять всю вселенную.

Сегодня Ильи Сельвинского нет в живых, но поэзия его похожа на дом, в котором всегда открыты двери и в котором обитает вечное добро.





ФАЗАН В ГЕРАЛЬДИКЕ ПОЭТА

Георгий Леонидзе... Орфоэпически фамилия «Леонидзе» как бы связала воедино два слова из двух языков — латинского и грузинского: «lion» — лев и «дзе» — сын. А имя «Георгий» означает по-гречески хлебопашец. Поистине целина грузинской поэзии нашла в лице Георгия Леонидзе искусного пахаря.

Как удивительно мудро впитала природа-мать в звучание имени Георгия Леонидзе значительность и широту его творчества...

В Патардзеули — родном селе Георгия Леонидзе — я как-то прочитал поэту эксперимент:

Сумерки не опускаются более  
на виноградники Кахети,  
Удивительный свет струится на них.  
Это светочем ясным сверкают  
Патардзеули и Ниноцминда.  
Шепчется под ветром древний виноградник,  
И виднеется деревня, увитая лозой,

Изобилие и святыня грузинского стиха,  
Красна-невеста—Патардзеули.  
Сюда привели меня паруса судьбы,  
Шел я, влекомый духом волшебным,  
Патардзеули — взлет лебединый,  
Виноградник стиха — Патардзеули.

(Подстрочный перевод)

Георгий Леонидзе слушал молча, потом сказал:

— Лебедь — это Галактион. Символ моего стиха — фазан.

Так сам поэт определил символ своего стиха, и мне кажется, что он как нельзя лучше олицетворяет сущность его поэзии.

«В СТРАНУ ХАЗАР ПЛЫВЕТ ЖУРАВЛЬ»

(В монастыре Петрицони)

Летом 1966 года я был в Болгарии. В монастыре Петрицони (Бачково) я случайно познакомился с поэтом Николаем Кынчевым, переведившим стихи Георгия Леонидзе. Книжка стихов была издана в 1965 году в издательстве «Народна култура».

Николай Кынчев часто бывал в Петрицонском монастыре. Быть может, здешний воздух помогал ему, когда он переводил волшебника грузинского стиха на язык Ивана Вазова и Христо Ботева. Ведь здесь шелестят грузинские лозы ркацители и саперави и дух грузинской философии парит над обителью. Мне чудится, что в окрестностях Бачково и сегодня бесшумно бродит тень философа и ритора Григория Бакурианидзе, основателя Петрицонский монастырь.

Болгария удивительно похожа на Грузию. Из Варны, где я отдыхал в Международном доме журналистов, в Петрицони я ехал дорогами, так напоминавшими мне дороги Кахети. Виноградники, каменные дома, винные погреба, резные балконы, смуглые юноши и девушки... Петрицони... И в прохладной обители — книга Георгия Леонидзе...

Спой мне о Картли с грустью бывалой,  
Или о милой, о силе чар ее.

Вырывающийся из Дарьяла,  
Уплывает журавль в Хазарию...

Болгарский поэт читал мне лирический шедевр грузинского поэта, и безмолвие Петрицонского монастыря впитывало в себя грустные строки стиха «В страну хазар плывет журавль»...

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ ПОЭТА

Несколько лет назад в Польше я посетил редакцию газеты «Жице Варшавы». Мне показали старый номер газеты со стихотворением Георгия Леонидзе «На развалинах Варшавы».

Польский журналист сказал:

— Грузинский поэт Леонидзе пишет о бедах Варшавы как истинный поляк! Да, у грузинского поэта было большое и доброе сердце, способное вместить боль не только своего народа, но и боль сердца народа, давшего миру Мицкевича и Шопена. Я бы добавил: и многих других народов, ибо это был Георгий — Большое Сердце!





Путешествуя по американскому континенту, я побывал в резервации индейцев. Неподалеку от Ниагарского водопада находится деревушка Катанавага, где живут американские индейцы. Они охотно исполнили для нас свои танцы, песни. Вождь племени показал мне знамя со множеством прикрепленных к нему нагрудных значков. Видимо, он хотел обменяться сувенирами.

Узнав, что я из Советского Союза и что по профессии я литератор, он прочитал мне длинный монолог из поэмы Генри Лонгфелло «Песнь о Гайавате» и попросил подарить ему фото и книгу какого-нибудь советского поэта.

К счастью, у меня оказалась с собой томик стихов Георгия Леонидзе, и я с радостью подарил его вождю. Он долго изучал грузинский шрифт и портрет Леонидзе.

— У вашего поэта орлиный взгляд и доброе лицо. У него, наверное, очень человечные стихи, — сказал он потом.

И положил книгу рядом со знаменем, на самое почетное место.

Так книжка стихов Георгия Леонидзе осталась на родине Генри Лонгфелло.

## БЕЛЫЙ ДУХАН И «ПИРОСМАНИ»

В последние годы своей жизни Георгий Леонидзе работал над поэмой «Пиросмани». Однажды в Белом духане он прочел нам отрывок из новой поэмы. Мы завороженные слушали его. А он взвешивал каждое слово, придирался к каждой строке, интересовался нашим мнением. Удивительно... Известный не только в Советском Союзе, но и за его пределами, поэт прислушивался к мнению молодых собратьев по перу. Величайшая ответственность перед читателем — это, видимо, свойство лишь поистине талантливых людей.

В Пиросмани он был влюблен, как фанатик, и шутя говорил, что дорога к божеству Пиросмани идет через Белый духан.

## «НЕ ЗАБУДЬ МЕНЯ»

В то роковое лето я возвращался из-за границы и едва ступил на советскую землю, как был потрясен страшной вестью. На странице газеты в траурной рамке я увидел имя поэта, стихи которого с такой страстностью воспевали жизнь и радость.

Из Петрицонского монастыря я вез для поэта белые розы с удивительным названием «Не забудь меня»...

Я поднялся на Мтацминда и положил цветы на свежую могилу поэта...

Розы, сорванные в Болгарии, уже увяли, но никогда не увянут цветы, которые взрастил в бессмертном саду грузинской поэзии волшебник слова Георгий Леонидзе.

## ГРУЗИЯ ГЛАЗАМИ СОРОКА ПОЭТОВ

(Хроника Декады украинской литературы)

### ПО СЛЕДАМ ГУРАМИШВИЛИ

День первый

Военно-Грузинская дорога — одна из самых красивых в Грузии.

Над горными хребтами Зедазени плывут облака. «Туман — думы гор», — вспомнил кто-то Важа Пшавела.

Там, где сливаются обе Арагви, восхищенный виденным поэт Дмитрий Косарик восклицает:

— Десять Гомеров, десять Руставели, десять Шевченко не смогли бы передать эту красоту!

Народный сказитель читает стихи Маяковского:

Я знаю:	должно быть,
глупость — эдемы и рай!	Грузию,
Но если	радостный край,
пелось про это,	подразумевали поэты.

Вчера на наших глазах родилась легенда о том, как сорок украинских и грузинских поэтов встретились в горах Грузии с Шота Руставели, Тарасом



Шевченко, Давидом Гурамишвили и Лесей Украинкой... Здесь, у стен Анапурской крепости, в мыслях задумавшегося Михаила Стельмаха или любующегося Арагвским ущельем Олеса Гончара рождались страницы будущей книги братства.

Украинские поэты и писатели путешествовали по маршруту Крцаниси — Тбилиси — Мцхета — Сагурамо — Пасанаури — Тбилиси.

— Это не просто географический маршрут, это путешествие в поэзию, а здешние дороги — целая лирическая поэма, — говорит Олекса Новицкий.

Во Мцхета Ираклий Абашидзе и Георгий Леонидзе показали собратям по перу Светицховели. Здесь вспыхнул импровизированный праздник поэзии. Стихи Пушкина, Лермонтова, Бараташвили читали Бесо Жгенти, Серги Чилая, Константин Лордкипанидзе, гости с Украины. Ираклий Абашидзе рассказал о том, как грузинские ученые в Палестине нашли фреску с портретом Шота Руставели.

...Машины останавливаются у Цицамури. Украинские и грузинские поэты отдают дань уважения памяти духовного отца Грузии — Ильи Чавчавадзе. У серого гранита на месте гибели поэта преклоняет колени Дмитрий Косарик, верный друг грузинской культуры. Это он обнаружил на Украине могилу Давида Гурамишвили. Ираклий Абашидзе рассказывает о жизни Ильи Чавчавадзе. Что-то пишут в своих записных книжках И. Вирган, А. Юренко, Ю. Збанацкий.

Сагурамо... Дом-музей Ильи Чавчавадзе цветами встречает гостей из страны великого Кобзаря. Олекса Новицкий рассказывает Карло Каладзе о том, как он работал в этом музее... В числе новых экспонатов музея — изданные недавно в Москве и Киеве на русском и украинском языках книги Ильи Чавчавадзе.

Георгий Леонидзе приглашает гостей осмотреть место, где жил Давид Гурамишвили. В том, что нам сегодня оно известно, большая заслуга Георгия Леонидзе. Неподалеку от Дома-музея Ильи Чавчавадзе намечено открыть мемориальный музей Давида Гурамишвили, и энтузиаст этого дела — поэт-академик Г. Леонидзе. Украинские поэты и писатели с большим интересом знакомятся с реликвиями, повествующими о жизни Давида Гурамишвили... Олесь Гончар и Ираклий Абашидзе беседуют о традициях украинско-грузинских литературных взаимосвязей.

Поэт Морис Пощишвили дарит талантливым молодым поэтам Ивану Драчу и Виталию Коротичу книгу «Мудрость любви», в которой напечатаны их стихи. Гости получают в дар изданные к декаде восемнадцать книг украинских авторов.

В дни декады в Тбилиси прибыла также группа украинских кинематографистов. В ее составе режиссеры М. Левчук, С. Параджанов, артисты Н. Наум, Л. Кадочникова и другие. Тбилисцы смогут познакомиться с фильмом С. Параджанова «Тени забытых предков», в котором снимался и народный артист Грузии С. Багашвили.

Вчера гости Тбилиси были приглашены на телестудию. Ираклий Абашидзе представил телезрителям гостей. В тот вечер украинские и грузинские поэты прочли свои новые произведения. Так фактически началось знакомство грузинской общественности с произведениями, предусмотренными программой декады. Сегодня участники декады отправляются в Кахети.

## ПОЭТИЧЕСКАЯ ОСЕНЬ В АЛАЗАНСКОЙ ДОЛИНЕ

### День второй

В Алазанской долине щедрая осень. Здесь сегодня собирают два урожая: в благодатных виноградниках — ртвели, и тут же сверкают гроздья художественного слова. Улыбкой фресок, симфонией орнаментов, пламенным сердцем встречает Кахети рыцарей украинской литературы.

— Кто не видел золотой красоты виноградников Кахети, пусть не хвастает, что знаком с Грузией, — говорит поэт Дмитро Павличко. — Да разве может в жилах не бурлить поэтическая кровь, если живешь здесь и можешь любоваться этой пьянящей красотой?!

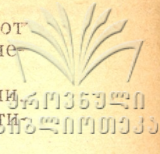
Сегодня все дороги украинской и грузинской литератур ведут в Алазанскую долину.

Добрые следы сорока поэтов и писателей остаются на дорогах Кахети. А путешествие по маршруту Тбилиси — Сагареджо — Сигнахи — Гурджаани — Телави — Цинандали, в свою очередь, несомненно, оставит плодотворный отпечаток в творчестве наших гостей.

Участники этого праздничного литературного похода впервые побывали в родном селе народного поэта Грузии Георгия Леонидзе — Патар-



дзеули. Грузинский поэт рассказал украинским коллегам о своем селе. А вот развалины древнейшего храма, удивительного памятника грузинского зодчества — Ниноцминды.



Микола Бажан не может оторвать взгляда от окрестностей Патардзеули. Кто знает, может, в эту минуту рождаются у него в душе строки нового стихотворения о Грузии, о благодатной деснице грузинского народа.

Морем цветов и щедрым солнцем встретил гостей Сагареджо. На литературном утреннике первый секретарь партийного комитета Сагареджойского производственного управления преподнес руководителю делегации украинских писателей лауреату Ленинской премии Олеся Гончару бурку и кахетинскую шапочку.

От имени украинской делегации Герой Советского Союза писатель Юрий Збанацкий передал в дар сагареджойцам бюст Тараса Шевченко, «Кобзаря» и альбом с рисунками Шевченко. Он сказал также, что является «послом» киевской 87-й средней школы, которая приглашает учащихся Сагареджо в Киев.

...Сигнахи. Отсюда открывается панорама Кахети!  
Вадим Собко задумчиво смотрит на Алазанскую долину. В Великую Отечественную войну он с оружием в руках защищал подступы к Кавказу...

И снова мы в пути. А вот и Телави — сердце Кахети.  
Большой литературный вечер состоялся в Телавском государственном театре. На трибуну один за другим поднимались С. Чилая, М. Бажан, К. Каладзе, В. Коротич, К. Лордкипанидзе, Д. Павличко, И. Нонешвили и другие.

## СОЛНЦЕ, СЕРДЦЕ И ПОЭЗИЯ...

### День третий и четвертый

Два дня собирали в Кахети щедрый урожай поэзии. В Цинандали украинские друзья побывали в Доме-музее Александра Чавчавадзе.

Иван Драч прочел стихотворение Грибоедова об Алазани, а Нодар Гурешидзе — отрывок из стихотворения Шевченко «Кавказ».

— Украинцам поэзию Кавказа открыл Тарас Шевченко, — сказал Вадим Собко.

Дмитрий Косарик вспоминает стихи Ираклия Абашидзе «Палестина, Палестина!...» Он говорит:

— У меня слезы подступили к глазам, когда в Пасанаури и Цинандали я слушал «Мравалжамьер»... Возможно, так пел Давид в далекой Зубровке...

Музею в Цинандали Василь Козаченко передал бюст Тараса Шевченко, а Миколу Бажану подарили здесь бурку и кахетинскую шапку.

Телави... Гости посетили мемориальные места, связанные с именем Леси Украинки, побывали в телавском Историческом музее. В Гречи Георгий Леонидзе показал Олеся Гончару уникальные фрески и орнаменты.

Кварели — колыбель великого Ильи Чавчавадзе.

В Доме-музее поэта гостей на литературном утреннике приветствовал секретарь парткома Кварельского производственного управления.

— Когда мы думали о том, что показать почетным гостям, мы решили в первую очередь побывать у колыбели Ильи Чавчавадзе. И вот мы сегодня здесь, в Кварели, — сказал Ираклий Абашидзе.

О. Гончар подарил музею сборник «Кобзарь» и книгу рассказов Ильи Чавчавадзе, изданную на украинском языке. В книге оставляют свои автографы все участники декады.

Гости вспоминали, как в 1892 году классик украинской литературы М. Коцюбинский, вместе с другими шестнадцатью украинскими деятелями культуры, прислал Илье Чавчавадзе поздравительный адрес в связи с юбилеем, отметить который царь запретил.

Н. Загребельный сравнил Илью Чавчавадзе с вершиной, взметнувшейся к небу над множеством других вершин и видной отовсюду.

К. Лордкипанидзе прочел перевод стихотворения Шевченко, И. Нонешвили — стихи о дружбе.

— В Кварели, где светит солнце поэзии, я хочу прочесть стихи о солнце, — сказал И. Драч и прочел свое стихотворение «Солнцу поэзии и мира».

Стихи читал также И. Вирган.

О дружбе грузинского и украинского народов говорил Джансуг Чарквиани, а Микола Бажан выступил с воспоминаниями.

В Кварели украинские и грузинские гости побывали в Доме-музее выдающегося грузинского режиссера Котэ Марджанишвили, с особым интересом знакомились они с работой режиссера в театрах Киева, Петербурга и Москвы.



Завороженный сказочным зрелищем Кахети, Михаил Стельмах говорит:

— Слово Грузия стало для меня синонимом солнца и сердца...

В Цинаклда гостей пригласили посмотреть уникальный марани. Гости пробовали сладкое маджари, познакомились с искусством изготовления тинской чурчхелы.

Вадиму Собко и Михаилу Стельмаху кварельцы подарили бурки, все гости получили памятные сувениры, а посланцы Украины преподнесли хозяевам книги и нагрудные значки, выпущенные к юбилею Тараса Шевченко.

Четвертый день декады проходил в Тбилиси. Гости побывали в музеях города, познакомились с грузинской живописью, графикой, скульптурой, с шедеврами златокузнечества.

В Академии наук Грузинской ССР тепло встретились грузинские ученые и украинские поэты и писатели.

Вечер открыл президент Академии наук Грузинской ССР Н. Мухелишвили. Выступили Ир. Абашидзе, Г. Леонидзе, М. Бажан, Ал. Барамидзе, Л. Новиченко и К. Гамсахурдиа.

Г. Леонидзе предложил издать «Летопись дружбы». Его поддержал Л. Новиченко, он рассказал о том, какой большой вклад внесли в украинско-грузинские литературные взаимосвязи М. Бажан, П. Тычина, М. Рыльский, Ир. Абашидзе, К. Гамсахурдиа, Гр. Абашидзе, Б. Жгенти, С. Чилая и другие.

Поэты И. Нонешвили, О. Юренко, И. Вирган были приглашены в 41-ю школу на открытие клуба «Друг книги».

Большой литературный утренник состоялся в Тбилисском педагогическом институте имени Пушкина.

Писатель Ю. Збанацкий в этот раз предстал перед аудиторией как посол Киевского педагогического института имени Горького.

О большой любви И. Франко к Грузии рассказал Д. Павличко.

Бурной овацией встретили собравшиеся Миколу Бажана. В Киеве уже в четвертый раз издавалась в его переводе бессмертная поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Микола Бажан прочитал на украинском языке отрывки из поэмы Д. Гурамишвили «Давитиани».

9 октября поэту М. Бажану исполнится 60 лет. Эту славную дату он отметит в Грузии.

В Центральный Комитет комсомола Грузии были приглашены молодые поэты Д. Павличко, И. Драч и В. Коротич, которые встретились здесь с тбилисской творческой молодежью, а в киностудии «Грузия-фильм» демонстрировался новый фильм киностудии имени Довженко «Тени забытых предков».

Вечером в клубе Союза писателей состоялся большой литературный вечер, который открыл Иракий Абашидзе. Серьезный профессиональный разговор шел на вечере о грузино-украинских литературных взаимосвязях. Выступили О. Гончар, В. Козаченко, М. Мревлишвили, Д. Шенгелая, М. Бажан, Г. Леонидзе, К. Каладзе, И. Нонешвили, Ю. Збанацкий, В. Собко. Выступления поэтов прозвучали бессмертным гимном дружбе и братству.

Украинские писатели преподнесли грузинским коллегам бюст Тараса Шевченко, «Кобзаря», книжку со стихотворением Т. Шевченко «Завещание» на 44 языках народов мира.

## ЗДРАВСТВУЙ, БУРЕВЕСТНИК РЕВОЛЮЦИИ!

### День пятый

— Если бы я не была украинкой, я бы хотела быть грузинкой, — сказала украинская поэтесса Леся Украинка, «буревестник революции», как называла ее на родине.

Из Мтиулети и Кахети гости декады отправились в Сурами.

В этот раз обильный урожай поэзии собирали в Каргли и Имерети.

И снова Мцхета, Арагви и Кура. Джвари — шедевр грузинского зодчества. Михаил Стельмах и Олеся Гончар не могут оторвать взора от величественного памятника грузинского зодчества.

Украинские поэты читают стихи Лермонтова.

Резав Тварадзе подарил Ивану Драчу сванскую шапку. Тот поворачивается к Джансугу Чарквиани и, улыбаясь, спрашивает:

— Ну как, похож я на настоящего свана?

С Резавом Маргиани украинские друзья беседуют о книгах, выпущенных издательством «Литература да хеловнеба» в связи с декадой, идет деловой разговор о работе издательства, о его планах, о вопросах пропаганды украинской и грузинской литературы.



Микола Бажан вспоминает замечательного скульптора Тамар Абакелиа, автора первого памятника Лесе Украинке.

Сурами. Обитель одной из прекраснейших муз украинской поэзии.

Ираклий Абашидзе вводит гостей в библиотеку-музей Леси Украинки, Дмитрий Павличко говорит:

— Леся бессмертна, как бессмертны горы Грузии. И так же, как непоколебимы эти горы, непоколебима дружба украинского и грузинского народов.

Там, где отзвучала лебединая песнь Леси Украинки, сегодня свято чтут ее память.

Карло Каладзе читает стихи о Лесе. Затем возле памятника открывается многолюдный митинг, на котором присутствуют трудящиеся Хашурского района и близлежащих деревень.

Митинг открывает секретарь парткома производственного управления. Выступает директор библиотеки-музея И. Авдигина. Участников декады на украинском языке приветствует председатель сурамского колхоза Ш. Гурешидзе.

Сурамские крестьяне соревнуются с крестьянами колхоза «Украина», родного села Леси Украинки, находящегося в Новгородско-Вольнском районе Житомирской области. На днях они ждут делегацию крестьян с Украины. Недавно украинский самодеятельный драматический кружок показал жителям Сурами пьесу Леси Украинки «Песнь леса».

Член-корреспондент Академии наук Украинской ССР критик Л. Новиченко произнес проникновенные слова, обращенные к Лесе Украинке:

— В Грузии я встречался с тобой на каждом шагу, сестра моя Леся. Слава тому небу и той земле, где была спета твоя лебединая песня. Она превратилась в песню твоего бессмертия. Спасибо грузинскому народу, столь бережно хранящему в душе своей твой светлый облик, буревестник революции, самый мужественный поэт, как сказал о тебе Иван Франко.

У памятника Лесе Украинке пламенную речь произносит Бесо Жгенти. Он говорит об общечеловеческих идеях, патриотизме и интернационализме — качествах, столь характерных для творчества украинской поэтессы.

В дар библиотеке-музею передается большое юбилейное издание «Кобзаря», в котором оstarляют автографы все участники декады.

В библиотеке-музее есть специальный раздел: «Мастера украинского слова — библиотеке-музею». Здесь хранятся книги с дарственной надписью таких авторов, как Максим Рыльский, Павло Тычина, Микола Бажан, Олесь Гончар, Михаил Стельмах, и других замечательных украинских писателей. Эта богатая коллекция пополняется.

Библиотеке-музею дарит свою книгу стихов Д. Павличко.

Цветы, песни, улыбки... Так провожали сурамцы дорогих гостей.

Дорога ведет к Кутаиси.

Музыкой стихов Акакия и Галактиона встретил цветущий «вечно майский Кутаиси» участников декады.

— Эти горы, солнце, эти долины, все вокруг входит в мое творчество, — говорит Михаил Стельмах. — Я в своих ранних романах рисовал образы грузин, но, говоря словами Маяковского, я снова в долгу перед этим небом и этой землей.

Украинские поэты вспоминают лирические стихи грузинских поэтов об Имерети, Кутаиси, говорят о щедром таланте Давида Какабадзе, о книге К. Лордкипанидзе «Заря Колхиды».

## НА ДОРОГАХ ИМЕРЕТИ

### День шестой

Кутаиси напоминал виноградник, щедро усеянный гроздьями поэзии, и красавец-город покорила украинских кузнецов художественного слова.

В конце пятого дня декады в Кутаисском государственном театре имени Л. Месхишвили состоялся литературный вечер.

Трудящихся Кутаиси — города поэзии и муз тепло приветствовал Олесь Гончар. Выступили председатель Кутаисского отделения Союза писателей Грузии Д. Квициридзе, поэты Г. Самхарадзе и З. Кухианидзе.

Вдохновенную речь произнес поэт-академик Микола Бажан.

На трибуну поднимаются Иван Драч, Виталий Коротич, Дмитрий Павличко. Гостей приветствует Ираклий Абашидзе. Вечер завершается большим концертом, в котором принял участие и народный артист Советского Союза Петре Амيرانашвили.

На шестой день декады украинские гости познакомились с кутаисскими памятниками материальной культуры.



Гелати. Грузинские писатели рассказывают гостям о древней академии. Не-превзойденная архитектура памятника, удивительные фрески, уникальная мозаика, мудрость и творческий гений народа — разве это может оставить равнодушным!

Лауреат Ленинской премии Олесь Гончар говорит:

— Мы путешествуем не только в пространстве, но и во времени. Мы переходим из века в век, проникаем в сокровищницу грузинской культуры.

Секретарь Союза писателей Украины В. Козаченко восхищен историей гелатской академии.

— Смотрю на эти горы, — говорит Д. Косарик, — и мне кажется, что человек и в самом деле бессмертен. Тот, кто родился под этим небом, не может не быть поэтом.

Поэт-академик Микола Бажан заинтересован рассказом о горах Хвамли, — именно там, согласно преданию, был прикован Амирани — грузинский Прометей.

Секретарь правления Союза писателей СССР Л. Новиченко говорит:

— Должен признаться, я восхищен! Восхищен памятниками грузинской материальной культуры, грузинскими песнями. Богатейшая грузинская полифония в самом деле удивительное явление в мировом музыкальном фольклоре.

Герой Советского Союза прозаик Ю. Збанацкий беседует с грузинскими коллегами, вспоминает прототипов своих героев-грузин, с которыми он во время войны встречался в концентрационных лагерях, в тылу врага.

— Я не удивляюсь тому, что они были так же непобедимы, стойки и негнбимы, как эти горы, — говорит он.

В Гелати гостей тепло приветствуют трудящиеся Цхалтубо.

В Зугдидском районе украинских гостей первыми встречают пионеры и колхозники поселка городского типа Хоби.

Зугдиди похож на красочный букет цветов. На главной площади города собралась его жители — рабочие, крестьяне, интеллигенция, молодежь.

К собравшимся обращается Иракий Абашидзе.

Большой митинг состоялся на зугдидском стадионе, где от имени трудящихся города почетных гостей горячо приветствовал редактор газеты «Мебрдзоли» («Борец») И. Кортау.

Гости знакомятся с историко-этнографическим музеем города.

И снова прощание... Теперь дорога ведет в Сухуми.

## НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ. АПСНЫ

### День седьмой

Покрытые снегом горы Сванети и цветущий, обновленный край Колхиды покорили гостей из братской Украины.

В Сухуми их приветствовали секретарь Абхазского областного комитета партии, председатель Совета Министров Абхазской АССР, первый секретарь Сухумского горкома партии, председатель Союза писателей Абхазии Иван Тарба.

На страницах абхазских газет были опубликованы стихотворение «Завещание» Тараса Шевченко (в переводе Дмитрия Гулиа), отрывок из произведения О. Гончара «Тронка», стихи М. Бажана, М. Рыльского, П. Тычины, М. Стельмаха, В. Сосюры, А. Малышко, О. Новицкого, В. Коротича, И. Неходы, Н. Нагнибеды, к дням декады было приурочено издание сборника стихов и поэм Тараса Шевченко в переводах Дм. Гулиа, Б. Шинкуба, И. Тарба, Л. Квициния, К. Агума, Ал. Джонуа, Т. Джонуа и других.

Гости осмотрели достопримечательности Сухуми, возложили цветы к подножию памятника народному поэту Абхазии Дм. Гулиа.

В Сухумском государственном драматическом театре трудящиеся города встретились с участниками декады. Встречу открыл И. Тарба.

— Язык дружбы — это язык сердца, поэтому в переводе он не нуждается. Где бы мы ни были, всюду сопутствовала нам добрая улыбка вашего гостеприимного народа. Грузия — страна великой дружбы, как солнца луч отражается в капле воды, так на вашей щедрой земле отражается свет великой дружбы народов, — говорит в своем выступлении В. Козаченко.

Ир. Абашидзе приветствует украинских гостей и благодарит руководителей и трудящихся Абхазии за сердечный прием.

Микола Бажан читает на украинском языке бессмертные строки гениальной поэмы Шота Руставели.

С приветственным словом выступает абхазский критик Х. Бражба.

— Волны Черного моря, — говорит М. Стельмах, — ласково омывают берега Грузии и Украины. Мы живем близко друг от друга. Но если бы даже мы жили на разных полюсах, крылья поэзии все равно помогли бы нам встречаться. Сегодня я уезжаю в США, но увожу с собой вашу огромную любовь.



Участников декады приветствует директор сухумской 14-й средней школы Т. Малигина. Писатель К. Лордкипанидзе читает отрывок из поэмы Т. Шевченко «Ночь Тараса».

На трибуне друг друга сменяют И. Вирган, Г. Гублиа, К. Каладзе, К. Чалахаиа, Д. Павличко, Дж. Чарквиани, депутат Верховного Совета Абхазской АССР И. Гордиенко, В. Анкваб, Г. Кереселидзе, А. Джонуа.

Секретарь Президиума Верховного Совета Абхазской АССР Ш. Лакоба ознакомил собравшихся с Указом Президиума Верховного Совета Абхазской АССР о награждении Почетной грамотой Верховного Совета Абхазской АССР поэта-академика Микола Бажана в связи с 60-летием со дня рождения. Зал встретил это сообщение бурной овацией.

Юбиляра горячо поздравляют Ир. Абашидзе, М. Чиковани, Б. Жгенти, С. Чилая. Весь зал аплодирует стоя...

В заключение вечера выступает Микола Бажан.

Из Сухуми участники декады отправились в Дурипши. Здесь, в одном из красивейших и богатейших сел, они встретились с трудовым крестьянством, сельской интеллигенцией, учащейся молодежью. В сельском Доме культуры состоялся литературный вечер.

— Кто не видел Абхазии, тот еще не знает Грузии, — так поется в одной песне. И это верно, — заметил Олекса Новицкий.

Юный Афон. Ираклий Абашидзе показывает гостям Иверскую гору, рассказывает об истории создания великим русским пролетарским писателем Максимом Горьким рассказа «Рождение человека». Он был написан в этих краях, во время строительства дороги в Абхазии.

— Седьмой день декады, — говорит Олесь Гончар, — был днем юбилея Микола Бажана.

Перед вылетом из Сухуми в Америку Михаил Стельмах поздравил патриарха украинской советской поэзии со славным шестидесятилетием.

Миколе Бажану подарили здесь украшенный национальным орнаментом пояс и книжаль с дарственной надписью и другие сувениры, Олесю Гончару — белый башлык, отороченный золотом.

Абхазские писатели спели для юбиляра абхазские песни и подарили антологию абхазской поэзии. Свою песню посвятили юбиляру и молодые украинские поэты Дмитро Павличко, Иван Драч и Виталий Коротич.

Поэта-академика Микола Бажана приветствуют и поздравляют Ир. Абашидзе, Б. Жгенти, С. Чилая, Р. Маргиани, К. Каладзе, Дж. Чарквиани, И. Тарба, А. Джонуа, Ш. Аюбия, М. Гвасалиа.

Из Марнеули колонна машин возвращается в Сухуми. В порту гостей ожидает белый пароход «Комета-1».

## ГОСТЕЙ ПРИНИМАЕТ СОЛНЕЧНАЯ АДЖАРИЯ

### День восьмой

«Комета» приближается к Батуми. В ее комфортабельных кают-компаниях идет разговор о грузинской и украинской литературах. О взаимном обмене сокровищами культуры беседуют Ир. Абашидзе и О. Гончар, С. Чилая и Б. Жгенти говорят с В. Козаченко о грузинской и украинской советской критике.

Молодые грузинские поэты обмениваются мнениями с молодыми украинскими собратьями по перу о творчестве Анны Каламидзе, Мухрана Мачавариани, Тамаза и Отара Чиладзе, Гиви Гегечкори, Таризела Чантуриа, Вахтанга Джавахадзе и других.

Р. Маргиани рассказывает плененным красотой Сванети гостям об архитектуре сванских башен, пересказывает содержание чудесных сванских легенд.

В Батумском порту гостей встречают трудящиеся города, работники областного комитета партии Аджарии, Совета Министров Аджарской АССР, батумских райкома и горкома, писатели: Ир. Абашидзе, П. Лория, Ф. Халваши, Н. Малазона, Г. Салуквадзе, А. Шервашидзе, М. Варшанидзе и другие.

## НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ ЛЮБВИ

### День девятый

Заключительным аккордом восьмого дня декады был большой вечер украинской литературы, состоявшийся в Аджарском республиканском Доме народного творчества.

Вечер открыл вступительным словом ответственный секретарь Аджарского отделения Союза писателей Грузии Фридон Халваши.



— Декада — яркое свидетельство дружбы и братства не только литераторов и наших народов, — сказал в своем приветствии председатель Совета Министров Аджарской АССР Л. Давитадзе.

Слесь Гончар говорит об огромном значении декады, как факторе еще более сближения украинской и грузинской литератур.

О культурной значимости декады говорят Ир. Абашидзе и С. Чилая. Они также горячо поздравляют М. Бажана с 60-летием.

Ир. Абашидзе говорит, что в числе верных друзей Грузии, таких, как Н. Тихонов, Н. Заболоцкий, А. Фадеев, М. Шолохов и других, мы с гордостью называем и Миколу Бажана.

Указом Президиума Верховного Совета Аджарской АССР Микола Бажан награждается Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Аджарской АССР.

Выступает юбиляр Микола Бажан.

— В свое время Акакий Церетели сказал, что любить родной язык и народ научил его Тарас Шевченко. Я с гордостью могу сказать, что грузинский народ научил меня любить родной язык и отечество. И если в строительстве великого храма дружбы грузинского и украинского народов есть сегодня один уложенный мною камень, то это потому, что я всегда следовал по пути, проложенному в прошлом нашими славными предшественниками.

Затем на трибуну поднимаются Ир. Абашидзе, К. Лордкипанидзе, О. Новицкий, К. Каладзе, И. Драч, Д. Павличко, Г. Салуквадзе, М. Варшанидзе, В. Коротич, Н. Малазониа, И. Вирган и другие.

Вечер заканчивается концертом. В девятый день участники декады ознакомились с достопримечательностями Батуми, побывали в пограничном селе Сарпи, где встретились с колхозниками колхоза им. С. Орджоникидзе. Председателю колхоза гости передают подарки — бронзовую юбилейную медаль Тараса Шевченко и юбилейное издание стихотворения «Завещание».

## В МАХАРАДЗЕ

### День десятый

Дорога из Махинджаури до красивейшего гурийского села Шрома — настоящее путешествие в поэзию.

Почетных украинских гостей встречают здесь хлебом и солью. Слышны грузинская песня, украинские стихи, разрываются разноцветные огни фейерверка.

Гостей приветствуют седебородые старцы Герасим Болквадзе, Матэ Квачантирадзе и другие. С теплым приветственным словом обращается к гостям заместитель председателя колхоза им. Орджоникидзе села Шрома М. Иовашвили... Хозяев приветствуют Ир. Абашидзе, Гр. Абашидзе, С. Чилая, К. Лордкипанидзе, М. Бажан, К. Каладзе, Дж. Чарквиани.

Местный радиоузел сообщил жителям села о приезде гостей. В центре села собрались все его жители. В этот день сельские дороги напоминали красочные ковры.

Село Шрома Махарадзевского района и украинский колхоз «Сакартвело» в Геническом районе вот уже четверть века дружат и соревнуются.

В центре села в пляске кружится молодежь. Гости принимают в почетные пионеры и повязывают им красные галстуки.

Украинские гости возложили цветы к памятнику Серго Орджоникидзе.

Поэт Ир. Абашидзе представил прибывших гостей, затем познакомил украинских писателей и поэтов с председателем колхоза М. Орагвелидзе, известным чаеводом Т. Чхаидзе и другими.

В центре села гости осмотрели стенды, отражающие дружбу украинских и грузинских колхозников.

Председатель колхоза М. Орагвелидзе поздравил М. Бажана с юбилеем и преподнес ему пиалы ювелирной работы.

Колхозники подарили гостям памятные сувениры, а участники декады подарили им бронзовую юбилейную медаль Тараса Шевченко и «Кобзаря».

М. Бажана и Г. Леонидзе избрали почетными колхозниками села.

Поздней ночью вернулись участники декады в Тбилиси.

... С тех пор много воды пронесли и Днепр, и Кура, но эти дни навечно вошли в неувядаемую летопись грузино-украинской дружбы.

*Продолжение следует.*





# ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Рассказ о втором рождении фронтовой книжки и о подаренной ею удивительной встрече спустя тридцать с лишним лет...

## 1. „Редактор — бригадный комиссар Л. И. Брежнев...“

Из седой дали веков дошла до нас античная премудрость: «Книги имеют свою судьбу». Неопровержимость этого изречения древних, тысячекратно доказанная и передоказанная, совсем недавно вновь нашла свое подтверждение. Но расскажем обо всем по порядку...

Не так давно армянское государственное издательство «Айастан» выпустило в свет маленькую книжечку в зеленоватой глянцевиной суперобложке. Торопливой скорописью, нанкоскок, бежит по ней одно-единственное слово: «Бессмертие».

Мое внимание книжка привлекла тем, что изображенный на первой ее странице монумент показался очень уж знакомым. Я взгляделся попристальнее и узнал его без ошибки: это был мемориальный обелиск, сооруженный на кургане Артиллерийский, что высится под Ростовом-на-Дону. Именно тут осенью сурового 1941 года у села Новые Салы совершили свой беспримерный подвиг батареицы выпускника Тбилисского высшего артиллерийского Краснознаменного училища имени 26 бакинских комиссаров, бывшего ученика школы № 24 города Тбилиси, Героя Советского Союза лейтенанта Сергея Оганяна. Автор этих строк не раз бывал на месте жестокого боя советских артиллеристов с полусотней фашистских танков, рвавшихся к донской столице. Словом, взяв книжечку в руки, я понял, что не допустил ошибки: это был тот обелиск...

«Бессмертие» оказалось художественным очерком М. Котова и В. Лясковского о подвиге шестнадцати советских чудо-богатырей, осенью огневого сорок первого года не пропустивших через позицию, доверенную им Отчизной, остервенело ломившиеся вперед фашистские «рейнметаллы».

Но книжка, выпущенная «Айастаном», воистину оказалась книгой, имеющей свою высокую судьбу, была, как говорится, изданием весьма необычным, удостоившимся совершенно особенного, удивительного удела. На одной из первых ее страниц прочитал:

*«Редактор первого издания — бригадный комиссар Л. И. Брежнев.  
Издание красноармейской газеты «Во славу Родины». 1942 г.»*

И вот книжка, немедленно перекочевавшая с магазинной полки в портфель, изучена, как говорится, до последней запятой. С волнением вчитывался я в каждое ее бесхитрое слово, отдающее пороховой гарью, согретое огнем бес-



примерного боя, осмысливал все, о чем еще в самом начале 1942 года, по горячим следам события и буквально «на одном дыхании», поведали ее авторы — тогдашние фронтовые корреспонденты «Комсомольской правды» М. Котов и В. Лясковский. Из предосланныго книжке обращения к читателям (единственного, что внесено в ее первоначальный текст уже в наши дни) выяснились многозначительные факты, сопутствовавшие первому рождению «Бессмертия» свыше 30 лет тому назад.

Вот они.

Осенью первого года Великой Отечественной войны находившиеся в боевых порядках действующей армии журналисты М. Котов и В. Лясковский узнали о беспримерном бое оганяновской батареи с 50 танками врага и впервые громко поведали о нем, напечатав в «Комсомолке» короткую оперативную корреспонденцию о героической гибели в неравном бою шестнадцати советских артиллеристов. Слава лейтенанта-тбилисца и возглавленных им бесстрашных витезй стала широко распространяться в войсках и по всей стране...

И вдруг авторов статьи срочно вызвали в Политуправление Южного фронта. В те дни оно находилось в городе Каменске. Принял М. Котова и В. Лясковского заместитель начальника Политуправления фронта бригадный комиссар Л. И. Брежнев.

— Прочитал я, товарищи, в «Комсомольской правде» вашу корреспонденцию о подвиге шестнадцати батарейцев, — сказал им Леонид Ильич. — Очень взволновала она меня. Нет сомнения, она сыграла свою роль в деле воспитания советских солдат в духе стойкости и мужества. Пример артиллеристов Сергея Оганяна зажег сердца фронтовиков. Но ведь такие героические дела следует пропагандировать как можно шире, ярче и с вдохновением. А заметочка ваша для газеты все-таки получилась белгой, скороговорочной. Я уверен, — продолжал бригадный комиссар, — что эти богатыри достойны, чтобы пропеть их славе настоящий гимн...

Леонид Ильич передал корреспондентам «Комсомольской правды» просьбу Военного Совета Южного фронта немедленно отправиться в боевые порядки 56-й армии, в те дни защищавшей Ростов-на-Дону, побывать в части, где служили павшие в бою герои-батарейцы, и написать об их замечательном ратном подвиге документальную повесть.

М. Котов и В. Лясковский тотчас же отправились на это оперативное задание. Они быстро собрали богатый материал о героическом бое шестнадцати бессмертных, среди которых рядом с воспитанником грузинского комсомола были и русские, и украинцы, и армяне, и азербайджанцы, и казахи, и представители других народов нашей многонациональной матери-Отчизны. Журналисты узнали много бесценных подробностей славной жизни и фронтового бесстрашия комбата лейтенанта Сергея Оганяна, политрука Сергея Вавилова и их подчиненных — артиллеристов Василия Пузырева, Федора Балесты, Степана Лазарева, Аслана Велиева, Исмаила Мамедова, Федора Абраменко, Григория Корсунова, Каро Шахвалиева, Велихана Велиханова, Мовсеса Гуляна, Фазлы Ахмедова, Василия Ткаченко, Дениса Бахищева и Сурена Арутюнова. Они узнали новые подробности того, как эти солдаты-батарейцы не дрогнули под огнем врага и в бою под Новыми Салами жертвами своих пушек, горячими сердцами своими преградили армаде фашистских танков путь на восток. Беспредельно преданные солдатскому долгу, нерушимо верные воинской присяге, батарейцы Оганяна не задумываясь отдали любимой Отчизне самое дорогое, что имели, — свои молодые жизни...

Вот о чем ярко и вдохновенно рассказала маленькая книжечка «Бессмертие», весной 1942 года вышедшая в свет в издательстве ростовской областной газеты «Молот» огромным по тому времени тиражом — 50000 экземпляров. Ее редактором стал видный фронтовой политработник — бригадный комиссар Л. И. Брежнев. Он лично читал и правил рукопись, по фронтовому быстро подготовленную двумя журналистами «Комсомольской правды». Леонид Ильич дал им ряд ценных советов и сделал немало замечаний по доработке текста. Задача фронта добился быстрого издания книжки, лично обратившись к тогдашнему первому секретарю Ростовского обкома партии Б. А. Двинскому с просьбой всячески содействовать изданию «Бессмертия».

Как только печатные машины выдали тираж, вышедшую в свет брошюру немедленно разослали по дивизиям и полкам Южного фронта. Находясь в карманах опаленных огнем солдатских гимнастерок и в командирских полевых сумках, маленькая эта книжечка делала большое патриотическое дело. Обладая огромной мобилизующей силой, она призывала бойцов и офицеров подражать героям, равняться на них всю меру своего своего духа, своей любви к отчей земле, на которую вторглись изверги-гитлеровцы...



И вот теперь, через тридцать с лишним лет, армянское издательство «Ай-Астан» сделало поистине доброе патриотическое дело, переиздав «Бессмертие», ставшее с годами бесценной музейной реликвией наших библиотек.

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ  
ՅԵՐԵՎԱՆԻ ՊՐԻՆՏԻՆԻ

## 2. Человек с пьедестала

Но этот рассказ не только о замечательной маленькой фронтовой книжке, пережившей недавно свое второе рождение, книжечке из ряда тех, ценность которых воистину мерится не на вес и не по числу страниц, а на каждое, составляющее ее сердцевину, волнующее слово. Мой рассказ — еще и о встрече, которую подарила эта книжка. Ведь вскоре после того, как я ее прочитал, посчастливилось познакомиться с одним из тех, чье имя золотом начертано на мраморной доске обелиска, высящегося на кургане Артиллерийский и воздвигнуто в память батарейцев Героя Советского Союза Сергея Оганяна. Речь — о чудом оставшемся в живых после этого жестокого боя наводчике противотанковой пушки Григории Федоровиче Корсунове.

Человек чрезвычайно скромный, переживший очень многое, прошедший поистине «огонь, воду и медные трубы», никогда не искавший славы и выгод, он рассказывал о себе, случайно прочитав брошюру М. Котова и В. Ляковского. Не произошло поистине редкостного стечения обстоятельств, возможно, так и не узнали бы мы, что в том бою от одного из 16 бессмертных героев-оганяновцев сама смерть отступилась и он чудом уцелел, не сгорев в огне кровопролитного боя.

...В небольшом городке Пришибе Джалилабадского района Азербайджанской ССР на улице Карла Маркса стоит не сразу видный за высокими деревьями дом. В нем живут пенсионер Григорий Федорович Корсунов и его супруга Екатерина Григорьевна. Когда в июне 1941 года началась война, Григорию Федоровичу исполнилось 32 года. Был он в ту пору сельским механизатором. В родном колхозе «Бакинский рабочий», где Григорий Корсунов трудился вначале трактористом, а потом комбайнером, жила о нем добрая слава: «немногословный, уважительный, работающий...».

На редкость добросовестный и трудолюбивый был он колхозником. Человек огромной физической силы, Корсунов был очень дружен с техникой: по тем временам это качество особенно ценилось. Мог Григорий Федорович от зорьки до зорьки поднимать колхозную пашню, никогда не гоняясь за «длинным рублем». Стремился лишь к одному — быть полезным родной артели, трудовому коллективу.

Уже после своей фронтовой одиссеи, вернувшись в 1945 году в родные края, пошел Корсунов на авторемонтный завод. Трудился кузнецом. Работа эта, как известно, весьма нелегкая и ответственная. Как он работал, посудите сами: в 1951 году за усердие, за высокие производственные показатели вручили Григорию Федоровичу высокую правительственную награду — медаль «За трудовую доблесть»...

Но рассказ о Корсунове, пожалуй, стоит начать с 1931 года — с той поры, когда его, двадцатидвухлетнего молодого человека, призвали в Красную Армию. Пройдя курс молодого бойца, Григорий был зачислен в артиллерию. Служил, как говорится, с живинкой, с интересом. Овладев навыками наводчика орудия, молодой красноармеец поставил перед собой добрую цель — обеспечивать поражение любых целей первыми же снарядами. Слово держал крепко: учился ратному делу усердно, много внимания уделял повышению своей боевой выучки, тренировался с завидной настойчивостью. И своего добился — стал вскоре лучшим наводчиком батареи. В 1932 году на полевых учениях старший начальник, наблюдавший мастерские действия красноармейца Корсунова у пушки, удостоил его высокой награды за меткую стрельбу.

А между службой в РККА и Великой Отечественной войной демобилизованный боец снова трудился на колхозных полях. И трудился отменно! В предвоенные годы передовой механизатор из колхоза «Бакинский рабочий» дважды был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве.

Война круто изменила судьбу Григория Корсунова, уготовив ему тысячу испытаний и дав одну — на всю жизнь! — ратную славу. Ему, не сгоревшему в огне боя солдату, довелось воочию увидеть свое имя на памятнике среди имен тех героев, с которыми плечом к плечу стоял он на объёме пламенем кургана 17 — 18 ноября 1941 года.

...Полсотни фашистских танков с черными крестами на башнях, оглушительно паля из длинноствольных пушек, неудержимо накатывались на батарею лейтенанта Оганяна. В огне и дыме, в вихре стальных осколков, сметающем все



вокруг, среди искореженных орудий и тяжелораненых боевых побратимов, продолжающих наводить и заряжать свои пушки, обливающийся кровью артиллерист Григорий Федорович Корсунов заряжал и свое орудие. Оно било по врагу прямой наводкой. Глаза солдата застилали красные волны. Обожженные изувеченные руки не подчинялись. Но сердце билось гулко и требовательно, звало к отпору врагу. Внизу, у подножья кургана — справа и слева от него, отчаянно копя небо, догорали «рейнметаллы», изломанные снарядами их геройски обороняющейся батареей, снарядами его пушки. Чадили, издыхая, тридцать фашистских драконов, изрубленных батарейцами «в капусту». Наша сила и воля, видел воочию он, одолели вражью! Гитлеровцы, не выдержав, повернули вспять. Но бой продолжался...

Пушка Корсунова находилась на правом фланге батареей. Удары фашистов его орудийный расчет принял одним из первых. Таили ряды смельчаков. На глазах у Григория Федоровича погиб его боевой друг — первый номер их пушки Степан Лазарев. А танки гитлеровцев все наседали. Уже три раны кровоточат на теле Корсунова, а он все принакает к окуляру коллиматора своей пушки, ведя уничтожающий огонь по врагу...

Вдруг прогрехотал новый оглушительный взрыв, потом резкий, сильнейший треск... Это утюжил их блиндаж прорвавшийся сюда пылающий фашистский танк. Под тяжестью «рейнметалла» рухнули тлеющие перекрытия...

Когда блиндаж завалило, красноармеец Корсунов оказался между обрушившимися бревнами наката. По счастью, его не придавило, но и шевельнуться раненый солдат тоже не мог. Шли дни и ночи, а он находился под руинами блиндажа, изнемогая от жажды и боли.

К вечеру третьих суток Григорий услышал голоса: крестьянки из Новых Сал пришли сюда, разыскивая раненых красноармейцев. Он негромко кашлянул, потом позвал на помощь. Женщины быстро отырыли героя. Когда стемнело, они положили батарейца на плащ-палатку и перенесли в село. Корсунова напоили, накормили, обмыли и перевязали...

Лишь после тысячи тяжелейших испытаний бывалому артиллеристу, отважному батарейцу удалось вернуться в гаубичный полк по старой своей специальности. А вскоре кончилась война...

Екатерина Григорьевна Корсунова, увидев в победном сорок пятом Григория Федоровича, прибывшего с эшелонном демобилизованных солдат, едва не обезумела от радости. Ведь все давно считали ее вдовой: еще в 41-м ходил в Пришибе по рукам номер «Комсомольской правды» с корреспонденцией М. Котова и В. Ляковского, которая рассказала о героической гибели в бою под Ростовом батареей лейтенанта Оганяна. Среди павших в битве богатырей черным по белому начертано в газетной странице имя и Григория Корсунова, ее мужа. А вскоре пришла к солдатской жене и скорбная «похоронка»...

\* \* \*

Всем смертям назло вышел советский солдат живым из погребели, из черной военной пучины. Не одолели его, славного, простого, негибаемого русского человека, ни фашистские танки, ни самые тяжкие испытания. Сказавший смерти «нет!», он выжил для Родины, которую защищал в том неравном бою, воспетом поэтами. Имя Григория Корсунова, не сторевшего в огне часового Советского Отечества, одного из миллионов тех, чьим мужеством и сыновней верностью стояла, стоит и вечно стоять будет родимая наша земля, и сегодня сияет на мраморе обелиска в степи под Ростовом, на высоком кургане. По полному праву!

Вот, собственно, и весь рассказ о чудесной судьбе маленькой книжечки, которой в незабываемом сорок втором дал путевку в большую жизнь Леонид Ильич Брежнев. Таково продолжение невыдуманной легенды о героях-батарейцах, которых вел в бой тбилисский юноша Герой Советского Союза лейтенант Сергей Оганян, о бойцах, не сделавших со своего рубежа под жестоким вражеским огнем ни шагу назад...





*«...Все, что сегодня достигнуто,— плод ваших, дорогие товарищи, поистине золотых рук, вашего пытливого ума и творческих усилий».*

(Из Обращения ЦК КПСС  
к партии, к советскому народу).

# ЗОЛОТЫЕ РУКИ

От ворот Руставского металлургического завода до мартеновского цеха расстояние немалое, но я все же пошел пешком — хотелось пройти мимо цехов, где я работал пятнадцать лет назад. Вот литейная, затем доменные печи и агломерационная фабрика, слева — коксохимический цех, справа — блюминг, трубо-загостовительный, трубопрокатный и листопрокатный цехи, впереди — теплоэлектростанция, и чуть на отлете — мартен со своими устремленными в небо восемью огромными трубами. А это значит, что в мартеновском цехе восемь печей, разовая мощность каждой — сто восемьдесят пять тонн.

Вот он, мартеновский цех!.. Я прошел к кабинету начальника и без стука открыл дверь. Начальник мартеновского цеха Гурам Кашакашвили сидел за письменным столом и подписывал какие-то бумаги. Перед ним стояли трое парней. Я не знал ни одного из них. Лица их еще не были опалены жаром мартена, по всей видимости, они на заводе новички.

Гурам Кашакашвили поднял голову и взглянул на меня. Сперва он и не узнал меня — встреча была совершенно неожиданной. Потом просиял, вскочил — и мы обнялись.

— Подожди несколько минут, и я освобожусь, — сказал он, снова усаживаясь за стол. — Всего пять минут, не больше.

Но минуты шли, а он все не мог освободиться. А мне это было даже на руку: я сидел в сторонке и наблюдал за моим институтским товарищем, с которым нас связывали не только годы учебы, но и производственная практика на металлургических заводах России и Украины. Невысокий, коренастый, он, казалось бы, не очень изменился, и по-прежнему непокорный чуб все так же спадает ему на лоб, но как изменилось выражение лица! Да, на лице Гурама нет и следов того юношеского задора и беззаботности. Серьезность, сосредоточенность... Серьезность, порожденная нелегкой профессией, или серьезность, присущая возрасту? И одно, и другое... Кто не знает мартена, тому даже фантазия не поможет представить, сколько забот ложится на плечи начальника мартеновского цеха.

— Помнишь Георгия Сигуа? — обернулся ко мне Гурам. Он подписал последнюю бумагу и положил ручку в пластмассовый стакан.

— Конечно!..

— Пойдем со мной. Я покажу тебе кое-что.

Гурам встал, и мы направились в цех.

Георгий Сигуа принадлежал к тому славному поколению металлургов, которые овладели тайной плавки стали на заводах России и Украины. С первых же дней вступления в строй Руставского металлургического завода Сигуа стал работать в мартеновском цехе. 27 апреля 1950 года вместе с другими известными металлургами он выплавил первую грузинскую сталь. Георгий Сигуа был хорошим сталеваром и хорошим учителем. Он умер два года назад, оставив не только добрую память, но и целую плеяду своих учеников, ныне — высококвалифицированных сталеваров.

Возле третьего мартена Гурам остановился и указал мне на доску с показателями соцсоревнования, прикреплennую к щиту управления третьей печи. Здесь же висел вымпел победителей соревнования.

— Администрация завода, партийная и профсоюзная организации установили для победителей в соцсоревновании в мартеновском цехе кубок имени



Георгия Сигуа. Каждый год он будет переходить к тому коллективу сталеваров, который раньше других выполнит годовое задание, — сказал мне Гурам.

— А кто победил в прошлом году? — спросил я.

— Третья печь. Потому и стэнд здесь укреплен. У этой печи работает бригада коммунистического труда Григола Себискверадзе, Ладос Метревели, Орде Цирамуа и твоего давнишнего друга Ильи Кокнашвили. Коллектив печи на двенадцать дней раньше срока завершил годовой план и, естественно, заслужил почетную награду.

С Ильей Кокнашвили, известным грузинским сталеваром, я действительно знаком давно. В мартеновском цехе он работает уже двадцать пять лет, со дня пуска завода в эксплуатацию, и все эти двадцать пять лет — у третьей печи. В одной из схваток с огнем он чуть было не лишился зрения, но никогда не покидал он печи побежденным, всегда выходил победителем в битве со сталью, кипящей при температуре 1600 градусов. И не припомнит Илья случая, чтобы выплавленная им сталь «не попала в марку», а что касается аварийной плавки, то об этом и говорить нечего. В прошлом году, когда грузинский народ праздновал Первое мая, на правительственную трибуну поднялись лучшие сыны народа, в том числе — рабочие республики, которые стали победителями в республиканском социалистическом соревновании. Среди них был и Илья Кокнашвили.

Увидев меня сейчас, Илья в знак приветствия только помахал рукой. Я понял, что с печью не все ладно, иначе Илья не ограничился бы таким приветствием.

Мы с Гурамом подошли поближе.

Я смотрел на Илью Кокнашвили и не мог сдержать своего восхищения. Это было подлинное единоборство человека с огнедышащей печью. Шла выплавка чугуна, но чугун был некачественный, поскольку в его составе был большой процент примесей фосфора и серы и меньший — марганца и кремния.

В подобных случаях одной самоотверженности мало, нужны большое мастерство и интуиция — качества, необходимые для настоящего металлурга. Как быть, когда времени на обдумывание и обсуждение нет, когда каждая минута нерешительности равна потере десяти-пятнадцати рабочих минут? И сталевар действует, как подсказывает ему чутье, то самое, которое не должно обмануть.

Рядом с Ильей я увидел его первого и второго подручных, сталеваров Шота Вичинашвили и Симона Цхвариашвили.

Известно несколько способов удаления из металла извести и фосфора (на техническом языке это называется десульфурацией и дефосфоризацией). Эти способы в различных случаях зависят от химического состава флюсов, от специфических особенностей печи, от ее теплового режима и еще многих факторов. Интуиция и опыт сталевара подсказывают ему в нужный момент самый верный и самый экономичный по времени способ плавки. Свидетелями именно такой виртуозной плавки и оказались мы с Гурамом. Илья Кокнашвили закончил плавку стали на сорок минут раньше времени, предусмотренного инструкцией!

Илья отер пот со лба, отошел в сторону и достал из кармана пачку сигарет. Он страшно устал, но был доволен результатом: ставосьмидесятипятитонная печь подчинилась его разуму и воле. Металл, кипевший в мартеновской ванне, был предусмотренного маркой качества.

Илья закурил и наконец направился к нам. Я обнял его и от души поздравил с победой. И вспомнил прошлую нашу встречу, нашу беседу... Мы говорили с ним о сталеваре Илье Гургенидзе, с которым соревновался тогда Кокнашвили.

— Хороший он сталевар, — сказал Илья, — работает на седьмой домне имени Бориса Дзвеладзе и идет за мной буквально по пятам, но пока я в мартеновском, ему меня не победить. Знаешь моих учеников Бондо Чемиа и Джемала Гвимадзе? Один работает на седьмой печи, другой — на пятой. Так вот, теперь и они соревнуются со мной. Посмотрим, кто кого. Как говорится, старый конь борозды не портит, а мне о старости еще рано думать.

Илья помолчал, потом внимательно посмотрел мне в глаза.

— Можно подумать, что я хвастаю, да? Ребята могут обидеться... Хотя почему? Соревноваться так соревноваться, не правда ли?

Я напомнил Илье ту нашу беседу и еще раз поздравил с победой.

— Это не только моя победа. Она делится поровну на все четыре бригады нашей печи. Не поработай на славу бригады Григола Себискверадзе, Ладос Метревели и Орде Цирамуа, этот стэнд и вымפל украшали бы щит другой печи.

Не из ложной скромности сказал так Илья. Сталевары знают, что значит для работы взаимоподдержка бригад. Я хорошо помню, какие конфликты воз-



никали между бригадами, когда я работал на заводе. Каждая бригада стремилась сама выполнить план и вовсе не заботилась о том, в каком состоянии едет она печь сменной бригаде. Главное было записать в журнал учета максимум очков. Фактически же, когда за час-полтора до конца смены бригада приступала к завалке, то есть загрузке в печь плавильных материалов, никто не думал о последствиях. Например, известняк, до того как в него загрузят лом, великом должен быть покрыт железной рудой. Сталеваров это мало заботило, печь-то они рудой загружали, но о наладке и не думали. Потому-то железо закаливалось прямо на известняк. Почти ежедневно бывали случаи, когда после недолгого нагрева твердых материалов приступали к заливке жидкого чугуна, тем самым за счет следующей смены выигрывали время, а недоброкачественно загруженная печь переходила к другой смене, которой приходилось налаживать правильный процесс плавки.

Я был свидетелем и того, как рнедрялся в мартеновском цехе общий план. По этому новому методу показатели каждой бригады не играли прежней решающей роли, главное было — выполнить общий план. Несомненно, и у этого метода есть свои минусы. Например, вызывали конфликты неравные силы бригад и ряд других причин, но на тех печах, сменные бригады которых смогли найти общий язык, дело продвинулось. Бригады третьей печи не только нашли общий язык — они дружно борются за выполнение плана, и результат налицо.

— Мы и этот год начали неплохо, но Обращение Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза к партии, к советскому народу поставило перед нами новые задачи, — сказал Гурам, когда Илья попрощался с нами и поспешил к своей печи.

— Несомненно, теперь, когда так вырос престиж рабочего, — продолжал Гурам, — работать стало интереснее. Но металлургия есть металлургия. Как видишь, наши победители всего на двенадцать дней раньше срока выполнили годовой план. Это может показаться смешным ткачу или токарю, который работает уже в счет 1975 года, но ведь для мартеновского цеха и неполные две недели — огромное достижение.

— Как вы собираетесь откликнуться на историческое обращение партии? — поинтересовался я.

— Решено сверх плана выплавить пять тысяч тонн стали, три тысячи — при скоростной плавке, но перевыполнение плана должно быть достигнуто за счет увеличения срока эксплуатации печи. Пойдем-ка теперь к пятой печи, там уже готова расплавка.

Всю дорогу к пятой печи мы говорили о других вещах — не о работе. Да и что мог Гурам сказать больше того, что уже сказано, — цифра пять тысяч тонн сверх плана говорит сама за себя.

Мы подошли к пятой печи, когда пятисоттонный подъемник подставит сталеразливочный ковш. Хлынула сталь!

Какая же красота в этом зрелище! Плавка заканчивается праздничным салютом — стальная река шумно устремляется в ковш, а вокруг — фейерверк искр кремния.

Помню, однажды я спросил у известного грузинского сталевара Амираана Панцулая, посоветовал бы он своему сыну стать сталеваром?

— Посоветовать человеку выбрать профессию — дело непростое вообще, — ответил он мне. — А уж наша профессия — одна из тех, которые никак нельзя выбирать по совету. Сталеваром быть сможет только тот, кто всей душой полюбит это дело.

Верные слова. И еще одно хочу добавить: схватка со сталью — удел сильнейших.

Прощаюсь со своими друзьями, прощаюсь с мартеновским цехом, с которыми связывают меня воспоминания особые — незабываемые воспоминания юности. Смеркается. Небо над Рустави окрашивается в пурпур. Крепко жму руки моим друзьям. Ощущаю силу и мощь их рук, тех самых, которые партия наша назвала золотыми.

В ответ на Обращение ЦК КПСС к партии, к советскому народу металлурги уже взяли обязательства, а металлурги не привыкли нарушать свое слово. И, конечно, за осуществление взятых обязательств они уже взялись, с первого часа, с первой минуты, потому что металлургия — это сражение с металлом и со временем.





# Правофланговые современности

## *Всесоюзное творческое совещание писателей и критиков*

**О**ТКРЫВАЯ совещание, секретарь правления Союза писателей СССР, председатель Совета по критике **В. Озеров** сказал: «Когда мы произносим слова: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи», перед нами как бы оживает славная и героическая история XX столетия».

Приведенная здесь крылатая ленинская фраза стала девизом большого форума советских литераторов, проходившего в течение пяти дней в столице нашей республики Тбилиси. На нем обстоятельно и многосторонне обсуждались проблемы, связанные с воплощением образа коммуниста в советской литературе. Уровень, размах и масштабность этого заинтересованного разговора о главной ее теме соответствовали его значению и насущной необходимости, продиктованной как всем ходом литературного развития последних лет, так и самой действительностью.

Как отметил в своем вступительном слове В. Озеров, за последние годы заметно вырос и активизировался писательский интерес к теме партии, больше выходит произведений о коммунистах — наших современниках. Углубленная творческая работа над этой темой благотворно сказывается на идейно-художественном уровне литературы. Процесс создания образа нового человека является отличной школой литературного мастерства. Опыт мастеров свидетельствует, подчеркнул он, что успех приходит к художнику, умеющему увидеть и вразумительно показать дальнейшее движение характера борца и гражданина. Как проявляются и развиваются его лучшие, определяющие качества в условиях зрелого социализма, и станет очевидным в ходе предстоящего обсуждения.

— Многообразие человеческих индивидуальностей, духовное богатство нашего современника, — говорит далее В. Озеров, — вот где основа новых художественных открытий. Там, где этого нет, — налицо схема. Некоторые из таких схем в создании образа современника особенно живучи.

Говоря о современном типе организатора коммунистического строительства, работника и человека, оратор привел слова Леонида Ильича Брежнева: «Нам нужны, очень нужны деловые люди нашей социалистической формации, которые сочетали бы компетентность и предприимчивость с глубокой партийностью, с заботой об общенародных интересах».

Нацеливая участников совещания на объективный, правильный подход к оценке более чем полувекового пути развития советской литературы, В. Озеров напоминает: «Неверно было бы недооценивать сделанное нашей литературой, она идет по верному пути, имеет немало удач. Но столь же неверно забывать о том, сколько еще предстоит сделать, чтобы герои наших книг были бы вровень



«с героями нашей жизни. Для того мы и собрались тут, чтобы подумать обо всем этом... Художественно запечатлеть для современников, для потомков нашу эпоху, людей, которые составляют ее ум, честь и совесть, — нет и не может быть ничего выше и прекраснее этого призвания!»

Выполнить такую ответственную и сложнейшую задачу под силу лишь истинному патриоту, художнику, вооруженному самым передовым марксистско-ленинским мировоззрением, свободно владеющему единственно верным и плодотворным методом — методом социалистического реализма. Человеку, который много знает, зорче видит и лучше понимает окружающее. Именно такое понимание творческой личности, назначения подлинно советского литератора и позволило первому секретарю ЦК КП Грузии Э. А. Шеварднадзе, выступившему на совещании с большой речью, назвать писателей своими учителями, учителями коммунистов, которых критик Ф. Кузнецов назвал правофланговыми современности. В своем развернутом сообщении, основанном на обширном материале русской литературы, он проанализировал типологические, определяющие черты характера настоящего коммуниста — символа времени, нового человека эпохи. По мнению Ф. Кузнецова, «запечатленный в литературе, искусстве, именно этот характер будет знаменовать для потомков динамическую силу современности». «Обращаясь к образу коммуниста, — сказал он, — современная литература стоит на могучем историческом фундаменте завоеваний социалистического реализма». Продолжая традиции М. Горького, В. Маяковского, А. Серафимовича, Ф. Гладкова, А. Толстого и К. Федина, наша современная многонациональная проза создает эпос революции, в центре которого — народ и партия, судьбы народа, возглавляемого ленинской партией на историческом переломе Октября. Докладчик называет «Тихий Дон» М. Шолохова, трилогию К. Федина, прозу и поэзию Н. Тихонова, «Капитальный ремонт» Л. Соболева, «Белеит парус одинокий» В. Катаева и другие произведения...

Касаясь прозы Великой Отечественной войны, критик находит, что она дает многое для понимания внутренней сущности советского человека, коммуниста в особенности, а обращаясь к произведениям на историко-революционную тему, отмечает их современность. Но о чем бы ни шла речь в таких книгах, в них всегда присутствует одна из неотъемлемых черт характера коммуниста — его органическая народность. Ф. Кузнецов прослеживает ее на примере «Судьбы» П. Проскурина, «Сибири» Г. Маркова, «Циклона» О. Гончара и других образцов нашей сегодняшней литературы.

Подробно говорит он также об этическом пафосе коммунистического начала, на примере отдельных произведений рассматривает такие черты характера коммуниста, как гражданственность, героизм и т. д., отмечает, что разведку типа коммунистического руководителя наиболее успешно ведут сегодня советские драaturги («Человек со стороны» И. Дворецкого, «Сталевары» Г. Бокарева) и прозаики, в числе которых называет Г. Панджикидзе («Седьмое небо»).

Но в отображении всего этого и, в частности, народности литература все же не поспевает за жизнью. И тут нельзя не согласиться со следующим положением докладчика, которое, кстати, было высказано почти всеми участниками совещания: «...По-настоящему крупный, объемный, типический характер коммуниста 70-х годов, подлинного героя нашего времени, который бы стал художественным открытием, характером нарицательным, столь же притягательным для молодежи, как Чапаев или Павка Корчагин для молодежи 30-х годов, пока впереди. Но литература идет к нему, правда, медленнее, чем хотелось бы».

А для того, чтобы ускорить этот процесс, и надо обозреть все сделанное в данном направлении, сказать о трудностях проанализировать точность и результативность избранного литературой пути, что и было сделано последующими ораторами.

«Писатели Азербайджана, Грузии, Армении, как и литераторы России и других братских республик, — сказал первый секретарь Союза писателей Азербайджана М. Ибрагимов, посвятивший свое сообщение литераторам народов Закавказья, — создавая образы коммунистов, часто обращаются к великому Ленину, стараясь показать преданность героя ленинским идеалам».

Один из них — это дружба народов, которая красной нитью проходит через все произведения закавказских писателей, поднимающих темы — историко-революционную, строительства социализма и коммунизма, Великой Отечественной войны и т. д. Они создают образы представителей братских народов, в частности русского, что вполне закономерно, ибо он был их первым учителем, другом и помощником на пути к революционному преобразованию жизни. Но в их отображении, по мнению докладчика, нередко проявляется робость, мешающая созданию ярких, полнокровных образов, что он и иллюстрирует конкретными примерами.



Обращаясь к образам коммунистов в произведениях писателей Азербайджана, Грузии и Армении, отражающих все этапы развития советского общества, М. Ибрагимов отмечает, что они взяты из гущи жизни, и при этом останавливается на образе Тарасия Хазардзе из «Зари Колхиды» К. Лордкипанидзе, рассказывает о героине своей пьесы «Хаят», коммунистке, возглавившей движение крестьян за социалистическую перестройку деревни.

Свое слово он заключает призывом отдать все вдохновение, все лучшие порывы сердца славной задаче создания монументального образа коммуниста — передового борца за лучшие идеалы нашего времени.

И как бы продолжая, развивая и углубляя эту мысль, литературовед и критик, член-корреспондент Академии наук Украинской ССР И. Дзеверин совершенно справедливо замечает, что изобразить коммуниста во всей своей жизненной правде — задача сложнейшая, требующая от писателя идейной зоркости и смелого художественного поиска. Но если он стремится быть по-ленински партийным в своем творчестве, если он стремится глубоко вспахивать пласты жизни народной, то не может не думать о ее решении.

Подтверждение тому — весь сегодняшний опыт нашей литературы, показывающий, что она, ни в чем не отходя от жизненной реальности, изображает коммуниста как личность героическую. Но героями не рождаются, и потому литература показывает процесс духовного возмужания людей из народа, формирования их гражданского сознания. Именно в этом аспекте и рассматривает И. Дзеверин, чье сообщение основано на материале украинской и молдавской литературы, книги «Артем Гармаш» А. Головки, «Дума про тебя» М. Стельмаха и «Мосты» И. Чобану. Коммунист проявляет себя как личность героическая в произведениях о Великой Отечественной войне, о мирном созидательном труде колхозного крестьянства и рабочего класса. Во всех обстоятельствах мы можем наблюдать его готовность к подвигу.

Докладчик обращается и к другим граням характера коммуниста, в частности — деловитости, прослеживая их на примере конкретных произведений, и при этом констатирует стремление писателей создать неповторимый индивидуальный облик каждой человеческой личности.

Но притом это обязательно должен быть новый тип человека как в жизни, так и в литературе. Только тогда он нам интересен. А поскольку наиболее полно такой герой раскрывается в острых ситуациях, директор Института литературы и искусства имени М. Ауэзова Академии наук Казахской ССР А. Шарипов и показал это на материале ряда произведений литературы народов Средней Азии и Казахстана, как основы его сообщения на данном совещании.


Главная мысль его сводилась к тому, что настоящий художник слова всегда связан со своим временем, с жизнью народа, потому что в наш бурный XX век судьбы народов мира взаимообусловлены. Вот почему подлинный художник слова не может оставаться сыном одного народа, пусть даже большого. Советский писатель — интернационалист и не может им не быть, ибо, по очень точному и образному определению А. М. Горького, открытие памятника которому в Тбилиси состоялось после совещания, «художник — чувствилище своей страны, своего класса, ухо, око и сердце его... Он голос своей эпохи».

Обратившись к фактам современной литературы народов Средней Азии и Казахстана, А. Шарипов приходит к следующему заключению — ее полувековой путь свидетельствует о том, что она отвечает духу и требованиям нашего героического времени. Ее, как и всю многонациональную советскую литературу, характеризуют две ведущие тенденции — расцвет и сближение. Это — диалектический процесс, протекающий на основе все усиливающегося взаимодействия и взаимообогащения всех братских литератур народов СССР.

Касаясь основной темы дискуссии, докладчик заострил внимание на недостатках, которые он видит в несовершенстве художественного мастерства некоторых писателей, в преобладании описательности и прямолинейности изображения в ряде их произведений, в отсутствии глубины психологического анализа, острого жизненного конфликта. В результате характеры получаются бледными, анемичными. А. Шарипов убежден, что создание образа коммуниста невозможно без сравнительно-типологического метода. Он говорит о прообразе героя своего рассказа «Их подвиги бессмертны» — Саше Саникидзе, мужественно сражавшемся в годы Отечественной войны в Белоруссии, и заканчивает выражением уверенности в том, что образ героя, достойного нашего времени, будет создан.

Свсеобразный аспект тема совещания получила в сообщении представителя литературы народов Прибалтики — критика и литературоведа А. Бучиса. В нем есть такое место: «Недостаточно констатировать, что образ коммуниста изображен в нашей советской, и не только советской, литературе; важно понять, как он изображен, ощутить диалектику его развития, глубину и величие образа», сказавшиеся в преодолении революционеро-коммунистами трудностей как в





жизни, так и в литературе. Отмечая сложность создания такого образа, докладчик привел в пример романы П. Цвирки, А. Айвижоса. Обрисовав специфические условия, сложившиеся в республиках Прибалтики в силу многих причин исторического и политического характера, А. Бучис говорил, и это особенно замечательно, о победном шествии образа коммуниста в ее братских литературах, человека, наделенного мудростью и волей партии, который постепенно завоевывает массы, которому по плечу решать сложнейшие проблемы нашей эпохи.

**Ч**ЕТКАЯ целенаправленность вступительного слова, коммунистическая принципиальность и политическая заостренность речи первого секретаря ЦК КП Грузии тов. Э. А. Шеварднадзе, информационная насыщенность пяти основных сообщений, так же как плодотворные поездки участников совещания по республике и их встречи с ее тружениками, создали надежную и хорошую основу для дальнейшего обмена мнениями.

Огромным стимулом эффективности работы совещания, на которое съехались свыше ста ведущих литераторов из всех братских республик для обсуждения столь ответственной темы, как воплощение образа коммуниста в советской литературе, явились вдохновляющие слова о ней Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева, произнесенные в речи на XVII съезде ВЛКСМ, который совпал по времени с всесоюзной литературной дискуссией, проходившей в столь знаменательные дни на грузинской земле:

**«Произведения советской литературы и искусства составляют наше бесценное богатство, нашу социалистическую национальную гордость. Немалая часть из них вошла в фонд сокровищницы мировой культуры. Все замечательное, что создано советскими писателями, художниками, композиторами, деятелями театра и кино, живет и будет жить в народе, служить торжеству наших великих идеалов».**

Такое высокое признание заслуг наших писателей не только взволновало и обрадовало присутствующих на этом форуме представителей нашей многонациональной литературы, но и наложило на них особую ответственность, показав исключительную важность труда деятелей литературы в деле воспитания нового человека.

Эти мотивы прозвучали почти во всех последующих выступлениях, так же как в них получило отражение и все то, что увидели и услышали в эти дни наши гости, побывавшие в разных уголках Советской Грузии, занятой напряженным созидательным трудом, возложившие венок к памятнику В. И. Ленину на площади его имени в столице нашей республики в день 104-й годовщины со дня рождения Ильича, чьи слова «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи» стали лейтмотивом этой интересной встречи.

Итак, большой разговор на кардинальную тему нашей современности начал. Сделана попытка осмысления огромного опыта всей советской литературы. Все благоприятствовало этой напряженной работе, в ходе которой рождались плодотворные споры, конструктивные предложения, направленные на успешное решение столь ответственной задачи.

Символично, что прения открыл представитель самой молодой из советской литератур — чивхской, насчитывающей всего 13—14 лет. Это был, пожалуй, самый молодой участник совещания. Привезя привет с Сахалина, поэт В. Сангли рассказал о своем далеком северном народе и его литературе. «Приятно сознавать, — сказал он, — свою причастность к могучей многонациональной советской литературе и читать слова Л. И. Брежнева, относящиеся к писателям». В. Сангли признался, что после встречи со строителями Алазанской оросительной системы он еще больше полюбил грузинский народ — народ-труженик, который до приезда в нашу республику знал лишь по ее литературе.

По существу те же чувства владели и известным русским поэтом и драматургом А. Софроновым, которые он выразил в стихотворении, написанном в эти дни в Тбилиси и прочитанном на совещании. В нем есть такие строки: «Любовь и дружба стали многогранней...», «Я чту все языки, но всех понятней дружбы язык!» Они и задали тон устроенному в те же дни вечеру многонациональной литературы, на котором на разных национальных языках, но на едином языке поэзии, дружбы и братства звучали стихи представителей 16 народов нашей социалистической Родины.

Говоря об образе коммуниста, партийного руководителя, А. Софронов вспомнил о работе над своей пьесой «Московский характер» и ее постановке во МХАТе, о колхозе, где побывал дважды с интервалом в 20 лет, что дало ему возможность проследить за эволюцией образа колхозного вожака, о встречах в Новороссийске в годы Великой Отечественной войны с генералом К. Н. Леселидзе, в котором он видит черты полководца нового типа, достойного быть запечатленным в литературе.

Безусловно, все лучшее в советском человеке должно быть отражено в нашей литературе, в том числе и сочетание в нем чувства национального и интер-



национального, которое становится одной из его важнейших черт и через него входит в произведения наших писателей. Отмечая это качество советского народа, узбекский критик **Л. Каюмов** призывает иметь его в центре внимания при создании полнокровного образа коммуниста. Яркое воплощение интернационализма по его мнению, получил в произведении Р. Файзи «Его Величество Человек», посвященном семье, в которой воспитывается 16 детей разных национальностей.

А не это ли одно из величайших достижений ленинской национальной политики, один из мудрых заветов Ильича!

Своей работой над воплощением ленинской темы увлеченно поделилась лауреат Государственной премии имени Н. Крупской, писательница **М. Прилежаева**, посвятившая все свое творчество созданию книг о В. И. Ленине для детей. В ее рассказе перед собравшимися словесно прошла яркая, сложная жизнь этого великого мыслителя, борца и человека. Особо выделила она в его личности две черты — страстность и трезвость.

А не является ли эта трезвость именно тем реалистическим подходом, который, как сказал грузинский критик **Г. Асатиани**, так необходим нам сегодня и к нашим литературным делам, и к вопросам широкого социально-политического содержания. По его мнению, образ коммуниста нелегко дается писателям, поэтам, перефразируя известное выражение В. И. Ленина, он считает, что советская литература его буквально выстрадала. Коммунистическое мироощущение не только пронизывает нашу революционную поэзию в лице таких ее глашатаев, как Владимир Маяковский, но и присутствует в гражданской лирике молодых грузинских поэтов. Все это увидеть, понять и правильно оценить и призвана наша критика. И в этом ее огромная ответственность. Она тем более необходима, что молодые силы, пришедшие в нашу литературу, требовательны и взыскательны.

А молодые — это наше будущее. И потому как привет из грядущего была воспринята участниками совещания телеграмма группы делегатов XVII съезда ВЛКСМ от Грузии, среди которых было и имя грузинского поэта Д. Чарквиани, возглавляющего республиканский молодежный журнал «Цискари».

Молодые требовательны, смелы, они хотят идти нехоженными дорогами. Это показало и полемичное по своему духу выступление ростовского писателя **В. Фоменко**, который на примере своего произведения «Память земли» поделился приемами воплощения образа коммуниста, в частности своего героя — молодого секретаря райкома Голикова. Так молодой писатель попытался восполнить пробел в работе совещания, который видится ему в недостаточном внимании к вопросам литературного мастерства, литературной «кухни».

Очевидно, он в некоторой степени прав, так как и в дальнейшем разговор шел главным образом о сущности образа коммуниста, о его основных чертах, об его авангардной роли, что получило отражение, например, в выступлениях белорусского писателя **И. Чигринова**, сосредоточившего свое внимание на работе коммунистов в условиях подполья в годы войны в Белоруссии, ибо ее называют республикой партизанской; московского прозаика **И. Стаднюка**, говорившего о современном осмыслении военной темы; эстонского литератора **В. Гросса**, считающего, что через рожденную трудностями личность современника мы и осознаем характер нашего времени; главного редактора журнала «Волга» **Н. Шундика**, указавшего на то, что в нашей литературе нередко образ коммуниста предстает как фигура трагическая, а это порою дает основание нашим идеологическим врагам дискредитировать его; украинского поэта **Б. Олейника**, усмотревшего в образе коммуниста в нашей поэзии такую его черту, как чувство ответственности за судьбы всей планеты; латвийского критика **П. Зейле**, заострившего внимание на эстетическом идеале такого образа в произведениях латвийских писателей, в частности в трилогии Я. Ниедре о Петре Стучке.

В чем-то с В. Фоменко перекликается ленинградский поэт **А. Чепуров**. Он приводит стихотворение своего земляка В. Максимова, в котором, как ему думается, молодому поэту удалось выжить через личное, семейное — общественное и довести это до значительного обобщения. В. Чепуров поделился своим мнением о том, что жанр лиро-эпический таит в себе необыкновенно широкие возможности для исследования внутреннего мира героя.

А это, как показали выступления ряда ораторов, далеко не всегда удается. Так, председатель Союза писателей Абхазии **И. Тарба** говорил о недопустимости схематизма в изображении коммуниста; туркменский писатель **А. Агаджанов** отмечал такой типичный его недостаток, как поверхностность и неубедительность; представитель юго-осетинской литературы **Р. Тедеты** находит, что незначительность многих образов наших современников в произведениях осетинских писателей объясняется неправильно понятой формулой о типичных образах в типичных обстоятельствах, крайностями в использовании приемов их воплощения; таджикский писатель **Ф. Мухаммедиев** констатировал, что таких образов коммунистов, как Корчагин, Давыдов, в таджикской литературе маловато; мол-



давский критик **Х. Корбу** солидарен с мнением Ф. Кузнецова о том, что литература не всегда поспевает за ходом жизни.

Справедливая критика имела место и в речах других участников прений, в частности, якутский прозаик **С. Данилов** упрекнул автора первого сообщения Ф. Кузнецова, ни словом не обмолвившегося о татарской, башкирской, чувашской, мордовской, бурятской и других литературах народов, входящих в Российскую Федерацию.

Опыт советской литературы огромен, и назрела насущная потребность его осмысления, в частности, теоретической разработки проблемы положительного героя 70-х годов. Об этом со всей определенностью и сказал московский критик и писатель **Л. Якименко**.

Другой оборот тема совещания получила в выступлениях ряда писателей, поделившихся своими жизненными наблюдениями. Впечатляющим был рассказ поэта **А. Межирова** о том, на какой реальной почве возникло его широко известное стихотворение «Коммунисты, вперед!», которое он прочитал собравшимся.

Как подлинно художественное произведение взволновало участников совещания яркое выступление известного русского писателя, лауреата Государственной премии, автора таких замечательных произведений, вошедших в советскую классику, как «Белеет парус одинокий», «Сын полка» и других, **В. Катаева**. На примере своей жизни он сумел убедительно показать направляющую, руководящую силу Коммунистической партии, коммунистов, сыгравших решающую роль в его судьбе. С чувством особого восхищения говорил он о своих встречах с такими настоящими коммунистами, как Н. Крупская, А. Луначарский, Д. Бедный, А. Фадеев и другие.

Армянский прозаик **З. Балаян** рассказал о замечательных людях — коммунистах, представителях разных национальностей, с которыми его свела жизнь во время работы на Сахалине. Это подлинные герои современности, которых не надо выдумывать и которые так и просятся стать героями литературными.

Быть в ответе за все — за то, чтобы не было в семейных альбомах портретов в траурных рамках тех, кого унесла война, — таков пафос страстного, как сгусток мысли, напряженного, лаконичного и глубокого слова московского писателя **Б. Васильева**.

Быть человеком не по форме, а по существу — таков смысл притчи, которую поведал представителям всех братских литератур дагестанский критик **К. Абуков**.

Ленинградский писатель **Д. Гранин** интересно говорил о своих поисках прототипов образов партийных руководителей нового типа.

От жизни шли и слова токаря Тбилисского авиационного завода имени Димитрова, кавалера ордена Ленина **Т. Ростиашвили**, его пожелания крепить тесные связи писателей с тружениками наших заводов, фабрик, колхозов и совхозов, создавать их гравдивые образы в литературе.

И словно ответ на пожелание предыдущего оратора прозвучало выступление председателя Союза писателей Грузии **Г. Абашидзе**: «Писатели Грузии не только словом, но и делом поддерживают ленинский курс, проводимый ЦК Коммунистической партии Грузии... Наш форум поработал на славу. Он еще раз подтвердил верность нашей многонациональной литературы идеям Ленина, делу коммунизма, всенародного счастья. Поклянемся же сотворить гимн нашей партии, обессмертить нашими книгами дела ума, чести и совести нашей эпохи — Коммунистической партии Советского Союза!».

Эти слова, закономерно рожденные всем ходом совещания, выразили настроение всех участников форума литераторов, поработавшего эффективно, успешно, в приподнятой атмосфере, созвучной разрабатываемой им высокой теме.

Подводя итоги, В. Озеров с удовлетворением отметил положительную оценку всего сделанного нашей литературой, которой много еще предстоит сделать.

Мысль эта была четко сформулирована в единодушно принятом участниками совещания приветственном письме Центральному Комитету КПСС: «Мы за вераем партию, ее ленинский Центральный Комитет, что не пожалеем сил для того, чтобы создать яркие, вдохновенные образы строителей коммунизма, еще теснее связать литературу с жизнью народа, с практикой коммунистического строительства. Советских писателей во всей их работе будут воодушевлять идеи коммунизма, замечательные ленинские слова: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи!».







Давид ШУГЛИАШВИЛИ

## ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ИРОДИОНА ЕВДОШВИЛИ

Почти два года пробыл Иродион Евдошвили в сибирской ссылке. Он был сослан на три года, но, не выдержав сурового сибирского климата и лишений, заболел туберкулезом легких, и ему разрешили вернуться в Тифлис без права выезда. За ним был установлен строгий полицейский надзор. Иродион терпеливо ждал истечения срока. Он остро нуждался в лечении, в перемене климата, но выехать на курорт у него не было никакой возможности. На выезд из Тифлиса требовалось особое разрешение полиции, получить которое было чрезвычайно трудно. (Лишь однажды ему разрешили на месяц выехать в Манглиси).

Наконец настал долгожданный день — 26 марта 1913 года. Начальник полицейского участка уведомил Иродиона о том, что полицейский надзор снят и «господин Евдошвили свободен». Однако у «господина Евдошвили» не имелось материальной возможности выехать лечиться.

Сико Пашалишвили вспоминает, что на совет одного из друзей выехать на курорт Иродион возразил: «Оставь, бога ради! Куда я могу поехать, когда и здесь еле-еле перебиваюсь, у меня денег и на дорогу-то не наберется».

Друзья и почитатели таланта Иродиона Евдошвили, представители передовой грузинской интеллигенции, зная его тяжелое положение, решили ему помочь: собрали деньги, и в июне 1913 года Евдошвили выехал в Цеми, где прожил вплоть до сентября.

Глубоко тронутый этой заботой и бескорыстной помощью, поэт пишет редактору «Сахалко газеты»: «Разрешите

через Вашу газету выразить благодарность всем, кто оказал мне матерьяльную помощь и проявил великодушное сочувствие к моему нынешнему бедственному положению. Прошу извинить меня за то, что не могу поблагодарить каждого в отдельности». (См. «Сахалко газеты», 1913, 14/VII, № 943).

Здоровье поэта благодаря лечению и целебному воздуху Цеми немного окрепло. Немалую роль в этом сыграло и то, что поэт ощутил тепло и заботу людей не только близких, но даже тех, с кем он не был лично знаком. Все это морально поддержало и открыло его. Врачи стали надеяться на полное выздоровление, конечно, при условии длительного лечения.

С 21 ноября 1913 года до апреля 1914 года Иродион Евдошвили живет в Сухуми. Морской воздух и лечение делают свое дело — состояние больного значительно улучшается.

В этот период «Иллюстрированное приложение к «Сахалко газеты» публикует портрет Евдошвили с надписью: «Ир. Евдошвили в Сухуми (по возвращении из ссылки)». Публикация фото привлекает еще большее внимание к поэту-революционеру. По словам С. Пашалишвили, стремление общественности помочь поэту, пострадавшему за революционные идеи, было столь сильно, что не только «в Тифлисе... но и в районах стали организовывать творческие вечера, в которых участвовали поэты — друзья Евдошвили и сам он... и которые оказывали ему определенную материальную помощь».



В мае 1914 года передовая грузинская общественность устроила литературный вечер Иродиона Евдшвили в Тифлисе. Вечер оказался весьма многолюдным и прошел с огромным успехом. А 7 июня Иродиона приглашают в Кутаиси. Там стараниями кутаисской общественности тоже был проведен большой и интересный литературный вечер.

Восхищенный этим Иродион, опять же через газету, приносит глубокую благодарность общественности. «Незабываемы для меня те вдохновенные минуты, которые пережил я... 7 июня на моем вечере. Меня терзало духовное сиротство, теперь же чувствую, что я не одинок — вы в тот вечер смыли мое одиночество дождем цветов! Я приветствую и благодарю всех тех, кто выразил мне свое сочувствие в письмах. Приветствую и благодарю тех, кто не пощадил сил и энергии, чтобы устроить вечер и провести его столь блестяще. Привет мой городу Кутаиси!». (См. газ. «Сахалхо пурцели», 1914 г., 11/VI, № 9).

В этом вечере участвовали Акакий Церетели, Давид Квдиашвили, Ия Экаладзе, Галактион Табидзе, Константинэ Гамсахурдиа, Тициан Табидзе, Илья Бахтадзе и другие передовые писатели и общественные деятели Кутаиси.

Интересны хранящиеся в Литературном музее Грузии воспоминания участников вечера Ильи Бахтадзе и Галактиона Табидзе, а также фотодокументы.

«Полное революционного пафоса стихотворение Иродиона Евдшвили «Друзьям» многие из нас знали наизусть, — вспоминает Илья Бахтадзе, — и часто

лучшие наши декламаторы, писатели, артисты читали его со сцены...

Впервые после возвращения Иродиона из ссылки я встретился с ним в Кутаиси в 1914 году, когда в местном театре был устроен большой литературный вечер с участием Акакия Церетели. Кроме Акакия выступали Давид Квдиашвили, сам Иродион, Ия Экаладзе, Ладос Дарчиашвили, Джаджу Джорджкия, Григол Вешапидзе, Константинэ Гамсахурдиа, Серго Квдиашвили, Галактион Табидзе, Датино Мебуке и другие. Участником вечера был и я. Особенно тепло публики встретила Иродиона Евдшвили. Иродион прочел несколько своих стихов. Из них особое внимание привлекло стихотворение, обращенное к Гурии, которое начиналось так:

**Если б был я соловьем,  
Не оставил бы твой рощи.  
Звуками лиры целую  
Твои прекрасные очи —  
Издалека...**

**Ты — роза, единственная,  
Но ты — веночек тысяч  
цветов,  
В слезах и крови ты, но —  
Вновь подымающаяся  
на ноги.  
Ударю по струнам чанги,  
Прими этот дар — дар  
поэта твоей красоте!  
Жемчужина Грузии,  
Я целую твои  
прекрасные очи».**

(Подстрочный перевод)



Иродион Евдшвили (третий слева в первом ряду) в кругу писателей и общественных деятелей на литературном вечере, устроенном в 1914 году в Кутаиси в честь его возвращения из ссылки.



«Помню, — продолжает Бахтадзе, — все мы, участники того вечера, собрались в... саду гостиницы «Северные номера», чтобы сфотографироваться с Акакием Церетели<sup>1</sup>. Иродион сказал тогда: «Я очень плохо себя чувствую. Тюрьма и сылка совершенно подорвали мое здоровье. Дни мои сочтены. Я рад, что фотографируюсь с вами напоследок: когда я умру, хоть некоторые из вас вспомнят меня и скажут: «Вот, был он с нами, и нет теперь его...».

Акакий возразил ему: «Я, сломленный болезнью глубокий старик, не падаю духом и не думаю о смерти... Стыдно тебе, такому молодому, думать о смерти».

Галактион Табидзе так передает свои впечатления от первой встречи с Иродионом: «Стоял передо мной худой человек с горящими глазами, со впалыми щеками (и сейчас он перед моим взором!). Он прикрывал лицо рукой, когда кашлял...

— Садитесь, сударь.

— Галактион, вы знаете, сколь бедственно мое положение...

— Ну, что вы...

Он устраивал в Кутаиси литературный вечер, но не надеялся на доход — литературные вечера посещали в особых случаях. Я, разумеется, заверил его в том, что для меня будет огромным удовольствием участвовать в вечере человека, который написал «Друзья, вперед!». (Из архива Г. Табидзе, с. 10, стр. 14).

При содействии Акакия Церетели и Давида Кидиашвили литературный вечер в Кутаиси, устроенный для вспомоществования Иродиону Евдшвили, прошел с большим успехом и при стечении большого количества народа.

На сцену вышла Гогуца Купрашвили — тогда маленькая девочка, ныне известная грузинская артистка, преподнесла поэту огромный букет цветов и с чувством прочла посвященное ему стихотворение. Стихотворение вызвало овации, сам Евдшвили был глубоко растроган и взволнован. Газета «Иллюстрированное приложение к «Сахалхо газети» опубликовала фото Иродиона и Гогуцы, приветствовавшей его (1914 г., № 5).

Окрыленный успехом и той любовью, с которой отнеслась к нему передовая общественность Кутаиси, Иродион Евдшвили уезжает на лечение.

<sup>1</sup> Оригинал фото хранится в Литературном музее Грузии.

Лето 1914 года он с семьей провел в Цагвери в частном пансионе.

Кутаисская газета «Имерети» сообщила, что «группа zestaфонской интеллигенции решила провести 29 июня 1914 года вечер И. Евдшвили. Будут участвовать: И. Евдшвили, Ия Экаладзе, Дж. Джорджкия, Д. Месхи и другие».

Участник того вечера С. Пашалишвили вспоминает, что «вечер прошел блестяще, под конец вечера Иродиона вызывали на сцену, преподносили цветы и приветствовали его речами.

В знак благодарности И. Евдшвили посвятил собравшимся экспромт:

**Этот букет роз  
Отдохновение и радость  
мне принес.**

**Я желаю,  
Чтобы вам  
посчастливилось  
Дождаться весны  
Грузии».**

(Подстрочный перевод)

Так же как и в Кутаиси, «зал театра был переполнен. Многие не смогли попасть на вечер — не хватало мест. Вечер прошел очень хорошо. Публика разошлась довольная» (Газ. «Имерети», 1914, 2/VII, № 94).

Гостеприимство, радушие и отзывчивость, с которыми встречали Иродиона во всей Имерети, покорили его. Он писал в письме одному из друзей незадолго до отъезда из Кутаиси: «Уезжаю и увожу с собой в Тбилиси теплые чувства из Кутаиси, но не могу забыть и Сацхере, это вы хорошо знаете...» (После zestaфонского вечера был устроен вечер и в Сацхере).

Разразившаяся первая мировая война действовала на И. Евдшвили катастрофически — здоровье его резко ухудшилось. «Это лето — последнее мое лето, — сказал он в беседе с С. Пашалишвили. — Я рад, что перед смертью поехал по Грузии. И если бы еще мне успеть побывать на ртвели в Бодбисхеви и поглядеть на Алазани с Квемо-Мачхаанского хребта — мне не о чем будет сожалеть».

Исполнилось и это последнее желание поэта: он побывал на ртвели в Бодбисхеви. Однако лето 1915 года действительно оказалось для него последним: 2 мая 1916 года остановилось сердце пламенного борца за счастье своего угнетенного народа, поэта-революционера Иродиона Евдшвили. Но осталось его замечательное творчество, которое вошло в золотой фонд грузинской классической литературы.





# С Л А В Я

---

# Б Р А Т С Т В О

---

# Н А Р О Д О В

---

**В**ЗАИМОСВЯЗЬ литератур — не прихоть отдельных личностей, а одна из закономерностей развития исторического процесса.

Исследование взаимосвязи литератур народов Советского Союза имеет огромное теоретическое и практическое значение, ибо, изучая взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур, истоки этих связей, мы определяем и перспективы их дальнейшего развития.

Многовековая дружба и духовная близость народов Закавказья нашли свое многостороннее отражение в их памятниках искусства и литературы, в устном народном творчестве, в произведениях писателей, живших народными интересами. В лучших памятниках литератур Закавказья находила отображение жизнь и борьба трех братских народов, освещались их исторические и революционные связи.

Не случайно в азербайджанской и грузинской литературе наших дней, в лучших ее образцах одно из центральных мест отведено теме дружбы народов Закавказья. Благороднейшие черты азербайджанской и грузинской литератур — высокий гуманизм, утверждение дружбы и солидарности народов — ярко проявились в бессмертных произведениях Низами Ганджеви и Шота Руставели, Вагифа и Давида Гураминшвили, Акакия Церетели и Мирзы Фатали Ахундова, других корифеев литературы.

В течение столетий азербайджанские литературные связи преломлялись в разных формах. Работа над этой темой позволила раскрыть прочные связи азербайджанской и грузинской литератур, выявить новые факты плодотворного общения грузинских и азербайджанских писателей, для которых характерна общность тематики, сюжетов и образов.

Еще в XII веке в творчестве великих поэтов Низами и Руставели встречаются сходные мотивы. И у Низами, и у Руставели герои наделены высоким стремлением к дружбе, воспитаны на чувстве уважения к другим народам. Они верны в дружбе, беспощадны в борьбе с врагами. В произведениях поэтов-титанов ярко отражены патристические мотивы. Вахрам, Ширин, Искандер, Нушабе у Низами, Гариэл, Нестан-Дареджан у Руставели — истинные патриоты своей отчизны.

Общие мотивы находим мы также в произведениях писателей последующих веков. Пьесы Г. Эристави перекликаются в идейном отношении с комедиями М. Ф. Ахундова. Давая острую обличительную критику современной им действительности, оба писателя ставили в своих комедиях одни и те же вопросы — они обличали неподвижную, косную жизнь феодального общества.

Много общего и в устном народном творчестве этих народов. Не случайно дастаны «Ашуг Гериб», «Кер-оглы» существуют также в грузинском народном творчестве. В народных эпосах «Кер-оглы», «Арсен из Марабды», «Гатыр Мамед», «Тарыверди» отражена совместная борьба народов Закавказья против местных феодалов и внешних врагов-завоевателей. Установлено, что большой популярностью в Грузии пользовались азербайджанские песни и мелодии. Часто они исполнялись без перевода, на азербайджанском языке и были одинаково понятны грузину и азербайджанцу. Сохранилось множество рукописей — тетрадей грузинских народных певцов с записями в грузинской транскрипции стихотворений азербайджанских поэтов — Физули, Вагифа, Видади и других. Эти произведения не случайно вошли в репертуар грузинских народных певцов. Выраженные в них думы, чаяния и стремления были близки и понятны грузинскому слушателю. Грузинские поэты XIX века А. Чавчавадзе и Г. Орбелиани в



своём творчестве не раз обращались к азербайджанской народной поэзии. Им написан ряд стихотворений на мелодии азербайджанских народных песен.

В XX веке культурные связи наших народов укрепляются, становятся прогрессивными по существу и зачастую носят революционный характер.

В начале нашего столетия в связи с развитием капитализма на арену выходит самый революционный класс, знаменосец интернационализма — пролетариат. С этого времени берет начало новый этап в истории дружбы закавказских народов. В авангарде политической борьбы пролетариата активную деятельность развивают такие славные сыны закавказских народов, как П. Джапаридзе, М. Азизбеков, С. Шаумян, служившие общему делу, плечом к плечу боровшиеся за счастье народа.

Литература, безусловно, не могла остаться в стороне от общественно-политической жизни, от борьбы народов. Поэтому передовые, прогрессивные писатели эпохи принимают живое участие в судьбе народных масс, ставят актуальные проблемы века.

Такие писатели-демократы, как Г. Б. Зардаби, С. А. Ширвани, А. Церетели, И. Чавчавадзе, Н. Везиров, М. А. Сабир, И. Евдошвили, М. Джавахишвили, Ш. Арагвиспирели, Д. Мамедкулизаде, А. Ахвердиев, воспевают дружбу народов. Они выступают против подстрекательской националистической политики царизма и контрреволюционных партий. Их творчество становится неотъемлемой частью общенародного дела. Именно поэтому, рассматривая произведения революционно-демократических писателей Азербайджана и Грузии XX века — М. А. Сабир, И. Евдошвили, Д. Мамедкулизаде, А. Шаика, А. Церетели, — мы отмечаем их близость как в выборе тем, так и в сфере идей. Таковы стихотворения М. А. Сабир «Интернационал» и А. Церетели «Совет», разоблачающие нелепость братоубийственной армяно-мусульманской резни, инспирированной царским правительством, рассказы: И. Евдошвили «Фонтан» и А. Шаика «Недошедшее письмо» из жизни рабочих бакинских нефтяных промыслов, повесть Шию Арагвиспирели «Гюли» и пьеса Г. Джавида «Шейх Санан», посвященные теме любви, не знающей национальных преград. Все эти произведения написаны с прогрессивных позиций XX века.

Тема дружбы грузинского и азербайджанского народов как в грузинской, так и в азербайджанской литературе обогащается в XX столетии новыми прогрессивными творческими традициями.

Грузинские писатели XX века И. Евдошвили, Ш. Арагвиспирели, М. Джавахишвили посвящают этой теме целые произведения.

Рассказ Евдошвили «Фонтан» о тяжелой жизни бакинских рабочих напоминает написанный в том же духе рассказ азербайджанского писателя Абдуллы Шаика «Недошедшее письмо». Здесь старик Курбан, так же как герой рассказа И. Евдошвили, становится жертвой нефтяного фонтана. Его судьба схожа с судьбой Абдуллы, мечтам которого, как и мечтам Курбана, не суждено сбыться в мире чистогана.

Тематическая близость этих рассказов не случайна. Исходным для них служила реальная жизнь...

Если в древнегрузинской литературе мы находим лишь отдельные описания природы Азербайджана, отдельные штрихи лучших качеств азербайджанского народа, то в произведениях писателей XX века уже созданы законченные образы представителей азербайджанского народа, показана их дружба с грузинами, их совместная борьба против реакционеров. С этой точки зрения «Гюли» Шию Арагвиспирели — первое выдающееся произведение, в котором отражены дружба между азербайджанским и грузинским народами, искренние, тонкие, чистые чувства, свойственные человеку вообще, большая любовь, не признающая различия в национальности и вероисповедании.

Тема любви, восторжествовавшей над религиозными предрассудками, в то время была затронута как в устной, так и в письменной литературе Закавказья. Ей посвящены произведения азербайджанского устного творчества «Асли и Керем», «Ашуг Мамед и грузинка», а также «Бахадур и Сона» Н. Нариманова и «Шейх Санан» Г. Джавида.

В азербайджанском народном творчестве весьма популярна легенда «Шейх Санан», повествующая о любви мусульманина Шейх Санана к грузинской красавице Хумар-Тамар. Этот эпос послужил источником для создания одноименного произведения выдающегося азербайджанского поэта-романтика и драматурга начала XX века Г. Джавида. Его романтическая трагедия «Шейх Санан» — это бессмертная песнь в честь любви, свободной от религиозных оков, любви, торжествующей над религиозным фанатизмом. Герой пьесы мусульманин Шейх Санан отрывается от своего религиозного сана, проклинает религию, предводителем которой был. Он совершает акт «кощунственный» в религи-



гиозных фанатиков — сжигает Коран во имя своей высокой любви к девушке-христианке — грузинской красавице Хумар.

Эта пьеса больших страстей, высокого гуманистического звучания являет собой восторженным гимном дружбе двух народов-братьев. В этом смысле она перекликается с идеей произведения Шю Арагвиспирели «Гюли».

О популярности сюжета «Шейх Санана» свидетельствует и такой факт — основоположник азербайджанского оперного искусства У. Гаджибеков одну из своих опер написал по мотивам этого эпоса, а один из первых грузинских фильмов снят по мотивам произведения Арагвиспирели «Гюли».

Не случаен интерес Г. Джавида к Грузии. Он хорошо знал грузинскую жизнь, не раз бывал в Тбилиси, и поэтому образы грузин в пьесе «Шейх Санан» так выпуклы, ярки и достоверны. Г. Джавид сохранил пристальный интерес к Грузии и в последующие годы. Он приветствовал установление здесь Советской власти и посвятил этому большому событию свою пьесу «Князь».

Лучшим представителям наших народов всегда была дорога давняя дружба народов Закавказья, прогрессивные писатели и общественные деятели которого совместными усилиями защищали ее от всех враждебных нападков.

Еще в 1876 году воспитанник Московского университета, видный азербайджанский просветитель, организатор первой азербайджанской газеты «Шахарь» Гасан-бек Зардаби подверг в ней резкой критике шовинистическую позицию армянской газеты «Мшак». С такой критикой выступил на страницах газеты «Дроэба» другой представитель народов Закавказья — грузинский поэт А. Церетели.

А в период революции 1905 года, когда царское правительство, стремясь остановить рост революционного рабочего движения, насаждало вражду между азербайджанцами и армянами, демократические писатели Закавказья в своих произведениях резко разоблачали врагов революции, врагов дружбы этих двух братских народов. Клеймя позором буржуазных националистов, азербайджанские, армянские и грузинские поэты горячо отстаивали единение народов Закавказья.

В своем стихотворении «Совет», написанном в дни армяно-азербайджанских столкновений, Акакий Церетели писал:

**Соединитесь, братья! Помиритесь!  
Подайте по-братски друг другу руки  
И встречайте врага внешнего смело  
и мужественно.**

Эти строки созвучны стихотворению выдающегося азербайджанского поэта-сатирика XX века М. А. Сабира. В стихотворении «Интернационал — согражданам мусульманам и армянам» он раскрывает истинную суть деятельности царской агентуры — зачинателей этой братоубийственной войны:

**У двух соседей, двух друзей,  
рожденных родиной одной,  
Веками не было вражды, лишь мир  
светился над страной.  
Нет, исступленный этот спор заложен  
подлым сатаной,  
Пылают села, города! Грабеж,  
убийство, ад земной!  
Красноречивые, сюда! Где ваше  
рвенье? Час настал!**

В произведениях А. Церетели и М. Сабира, а также в стихотворении певца революции и пролетарского интернационализма А. Аюпяна «Националистам» проповедуются идеи самопожертвования во имя революции и братства народов.

В истории азербайджано-грузинских литературных связей особое место занимает творчество выдающегося грузинского писателя М. Джавахишвили, неустанно воспевавшего дружбу азербайджанского и грузинского народов. В его произведениях азербайджанец и грузин вместе выступают против несправедливости и бесправия. С большой любовью созданы писателем образы азербайджанцев — Мешади Гасана («Ламбало и Гоша»), Абдуллы («Правдивый Абдулла»), Дели Гасана («Арсен из Марабды»).

Огромную роль в развитии азербайджанской литературы и общественной мысли сыграли издававшиеся в Тбилиси демократический журнал «Молла Насреддин» и газета «Шарги Рус», в основном придерживавшиеся прогрессивного направления. В Тбилиси жили азербайджанские писатели и поэты, которые



общались с грузинскими писателями и представителями великого русского народа.

В начале XX века — в 1907—1909 годах — здесь гастролировал азербайджанский театр. Именно в тот период в демократической печати Грузии мы встречаем статьи о культуре азербайджанского народа. Особенно интересны статьи-рецензии, посвященные спектаклям азербайджанского театра, познакомившего тбилисского зрителя с лучшими произведениями азербайджанских писателей XX века — Наджафбека Везирова, Абдурагимбека Ахвердиева, Наримана Нариманова и других. Наряду с разбором спектаклей в них сообщались сведения об авторе пьесы, вкратце рассказывалось о его творчестве. В одной из таких статей (ее автор — Саларидзе), напечатанной в газете «Исари» в 1907 году (№ 123), пьеса Наримана Нариманова «Надир-шах» оценивалась как новое достижение азербайджанской литературы. «Одним из культурных достижений азербайджанского народа является пьеса «Надир-шах» Наримана Нариманова, поставленная на сцене азербайджанского театра», — утверждает автор.

Высокую оценку получило мастерство выдающегося азербайджанского актера Гусейна Араблинского, игравшего роль Надир-шаха.

В 1909 году в газете «Дрозба» была напечатана статья о пьесе Ахвердиева «Несчастный юноша». Начинается она с краткого рассказа об истории азербайджанского народа. Автор говорит, что жил среди азербайджанцев и поэтому может по достоинству оценить эту пьесу, рисующую реальную жизнь азербайджанских деревень. Отклики на эту пьесу есть и в других грузинских газетах. Такое внимание грузинской общественности к ней объясняется, с одной стороны, вообще интересом к азербайджанской литературе, с другой — тем, что описанные драматургом события характерны и для грузинской действительности.

Во время гастролей в Тбилиси была показана также пьеса Наджафбека Везирова «Трагедия Фахраддина». Она также привлекла внимание грузинской общественности. Ей была посвящена статья в «Сахалхо газети» (1912 год), в которой правильно охарактеризованы все персонажи и дана верная оценка роли Фахраддина.

Грузинская печать содержит также отклики на первую азербайджанскую оперу «Лейли и Меджнун» и на первую оперетту У. Гаджиева. Специальная статья об «Аршин мал алаане» напечатана в журнале «Театр и жизнь», редактором которого был И. Имедашвили. Это говорит о том, что, хотя в тот период азербайджанская литература переводилась еще недостаточно, ее лучшие образцы становились достоянием соседних народов. Не случайно получили они высокую оценку грузинской общественности. Гуманизм азербайджанских писателей, воспевавших свободу, стремление к новой жизни были близки и грузинскому народу.

В свою очередь и азербайджанская печать уделяла большое внимание грузинской культуре. В 1905 году в газете «Жизнь» была напечатана серия статей азербайджанского критика Абдуллы Тофика Сура под заглавием «Просвещение и литература наших соседей на Кавказе — грузин». Автор подробно останавливается на истории грузинской литературы, начиная с Шота Руставели вплоть до современных ему писателей и поэтов, правильно определяя их место в развитии грузинской литературы.

Абдулла Тофик Сур касается также музыки и театрального искусства грузинского народа. Цель автора ясна: ознакомить широкие круги читающих масс Азербайджана как с его древней, так и современной культурой. Он призывает собратьев по перу как можно больше переводить с грузинского. Лучшими качествами этого народа он считает «гостеприимство, скромность, мужество, верность и чистоту души».

Знакомя свой народ с духовной жизнью грузинского народа, прогрессивные азербайджанские писатели способствовали их сближению. Среди этих деятелей особое место принадлежит выдающемуся азербайджанскому литературоведу Ф. Б. Кочарли — автору первой «Истории азербайджанской литературы». Начиная с 1906 года он печатает ряд статей о грузинской литературе. Особенно интересны его статьи об Акакии Церетели.

Еще в 1906 году в статье, напечатанной в газете «Иршад», Кочарли подробно говорил о культурных достижениях грузинского народа, характеризуя его как «гостеприимный, любящий, веселый, чистый душой, правдивый и благородный».

А в 1908 году, когда отмечался 50-летний юбилей литературной деятельности Акакия Церетели, все газеты Баку знакомили своих читателей с жизнью и творчеством грузинского поэта.

Ряд статей посвятил ему Кочарли. В «Национальном празднике», напечатанном в газете «Тәрегги», он писал: «50 лет служить народу, воспитывать и



развивать в нем искренние и высокие чувства, поэтически воплощать будущую свободу и счастье своего народа, служить воспитанию, обучению и духовному развитию народа — конечно, великое дело». Далее автор статьи знакомит азербайджанских читателей с произведениями Церетели. Особо останавливается он на таких произведениях поэта, как «Патара кахи», «Медея», «Тамара», проникнутых глубоким патриотизмом. Идею дружбы народов автор считает основным мотивом в творчестве поэта.

Юбилей Церетели явился подлинной демонстрацией дружбы народов Закавказья. Помимо них в нем принимали участие и прогрессивные деятели русского народа. Представителем азербайджанской делегации в день чествования юбиляра был один из передовых сынов азербайджанского народа, писатель-демократ, издатель сатирического журнала «Молла Насреддин» Джалил Мамедкулизаде. В своей речи, произнесенной в тот день, он говорил о дружбе закавказских народов, об их священном долге — хранить ее, призывал к единению.

В день юбилея А. Церетели в Тифлис поступили многочисленные телеграммы из Баку. Телеграмма от общества «Ниджат» была подписана славными сынами азербайджанского народа, пламенными большевиками М. Азизбековым и Н. Наримановым.

Содружество азербайджанских и грузинских писателей, благотворно воздействовавшее на культуру обоих народов в дореволюционный период, приобрело более действенную силу с приходом Советской власти.

И сейчас о нерушимой дружбе народов Закавказья советские поэты Азербайджана и Грузии пишут так же восторженно и ярко. С. Вургун, Г. Леонидзе, С. Рустам, И. Абашидзе, М. Рагим, С. Чиковани и другие посвятили этой теме вдохновенные строки. Идею дружбы народов Закавказья ярко выразил народный поэт Азербайджана Сулейман Рустам:

**Вы три друга — Армения, Грузия,  
Азербайджан,  
Ваши дочери жарки в кругу хороводов.  
Ходит счастье по горным дорогам  
приветливых стран,  
И цветы так похожи в садах трех  
народов.**





# ГРУЗИНСКИЕ ИСТОЧНИКИ

## „ХАДЖИ-МУРАТА“ Л. Н. ТОЛСТОГО

Еще в детстве Лев Николаевич Толстой мечтал попасть на Кавказ. Мечта эта сбылась только в 1851 году. Брат писателя Николай, служивший офицером в Кавказской армии, приехал в отпуск в Ясную Поляну, где в то время жил Л. Н. Толстой, и, узнав о мечте брата, решил взять его с собой. В то время будущему писателю было 23 года.

В 1851 году Л. Н. Толстой вместе с братом прибыл в станицу Старогладковскую, где была расквартирована та часть Кавказской армии, в которой служил Николай Толстой. Отсюда Лев Николаевич направился в Тбилиси. Его приезд в Грузию был связан с поступлением на военную службу. В Тбилиси он сдал необходимые для этого экзамены и был произведен в офицерский чин.

Л. Н. Толстой прибыл в Тбилиси в ноябре 1851 года и провел здесь два с половиной месяца.

В своем письме к Т. Ергольской он писал: «Тифли́с — цивилизованный город, подражающий Петербургу, иногда с успехом, общество избранное и большое, есть русский театр и итальянская опера, которыми я пользуюсь, насколько мне позволяют мои скудные средства».

В тот период в столице Грузии гастролировала итальянская оперная труппа. На сцене оперного театра ставились произведения Россини, Верди, Доницетти, Беллини и других композиторов. На тбилисской сцене выступали лучшие певцы Италии. Более того, опера Верди «Бал-маскарад» впервые после Италии и Парижа была поставлена именно здесь.

В том же письме Лев Николаевич признавался, что начал работать в Тбилиси над художественным произведением: «Не знаю, появится ли когда на свет то, что я пишу, но меня забавляет эта работа, да к тому же я так давно и упорно ею занят, что бросать не хочу».

Грузия оказала большое влияние на Л. Толстого. «Здесь я стал лучше», — утверждал он в одном из писем. «Я нахожу, — писал он далее, — что во мне произошла большая нравственная перемена».

Тбилиси так понравился писателю, что он даже хотел устроиться здесь на гражданскую службу. Однако наместник Воронцов, видимо, не удовлетворил его просьбу, и он вынужден был определиться в армию. Л. Толстой принимал участие в Кавказской войне. Вначале он служил добровольцем, а затем, по совету Барятинского, был зачислен в состав регулярной армии.

Во время пребывания Л. Толстого в столице Грузии, а именно в ноябре 1851 года, в истории Кавказской войны произошло знаменательное событие: экс-наиб Шамиля Хаджи-Мурат перешел на сторону русских. Л. Толстой писал брату по этому поводу: «Второе лицо после Шамиля, некто Хаджи-Мурат, на днях передался русскому правительству». Из этого же письма ясно, что Лев Николаевич считал этот акт важным событием в истории Кавказской войны. В Тбилиси и родился его замысел создать повесть «Хаджи-Мурат»...

Здесь же возникло у Л. Толстого намерение написать произведение, посвященное крестьянской жизни. Однако замысел этот осуществить не удалось.

Великий русский писатель долго готовился к созданию художественного образа Хаджи-Мурата. Свою повесть он начал писать в 1896 году, то есть 45 лет спустя. Работа продолжалась до 1904 года. Литературоведы отмечали, что, создавая «Хаджи-Мурата», Л. Толстой опирался на конкретные факты, взятые из жизни. Содержание его повести полностью соответствует исторической правде. Исследователи отмечали и то, что почти все персонажи «Хаджи-Мурата» имели своих реальных прототипов. Тут же следует заметить, что писатель критически отнесся к высказываниям ряда историков. Он непосред-



ственно изучал факты, выявляя истину. Л. Толстой, в частности, считал, что французский историк Тьер неправильно описал встречу казака Лаврушки с Наполеоном. По словам Л. Толстого, все происходило на самом деле так, «как я вам говорю».

Глубокое изучение действительности, вообще характерное для Л. Толстого, ярко проявилось и в «Хаджи-Мурате». Судьбой главного героя повести Л. Толстой, как уже отмечалось, заинтересовался еще во время своего пребывания в Тбилиси. Именно тогда экс-наиб Шамиля был доставлен к Воронцову. Исследователи справедливо отмечают, что Л. Толстой несколько раз виделся с Хаджи-Муратом. Одна из таких встреч произошла в тбилисском оперном театре, куда Хаджи-Мурат был приглашен на спектакль «Норма», поставленный итальянской труппой. В тот вечер в театре находился и Л. Толстой, который являлся непосредственным участником Кавказской войны, был лично знаком с воинами-грузинами, сражавшимися против Шамиля и Хаджи-Мурата. Известно, в частности, что Л. Толстой встречался в Темирханшуре с поэтом Григором Орбелиани.

Знакомство с тбилисской жизнью нашло глубокое отражение в той части повести «Хаджи-Мурат», действие которой происходит в столице Грузии. Вот что писал Л. Толстой в самом начале своего произведения: «...Мне вспомнилась одна давнишняя кавказская история, часть которой я видел, часть слышал у очевидцев...».

Работая над повестью, он познакомился с литературой, посвященной истории Кавказской войны, жизни и обычаям горцев. Определенную помощь оказали писателю воспоминания Зиссермана, Полторацкого, Потто и других. Вместе с тем Л. Толстой внимательно знакомился с каждой деталью жизни Хаджи-Мурата, пользуясь свидетельствами очевидцев и современников, с которыми познакомился в Тбилиси. За помощью он прежде всего обратился к своему другу Илье Накашидзе, который вначале в Москве, а затем в Тбилиси собирал необходимые материалы для «Хаджи-Мурата».

Особую роль в изыскании грузинских материалов для повести Л. Толстого сыграл военный историк Симон Эсадзе, который в то время был начальником военно-исторического отдела архива Кавказского военного округа. О том, как высоко оценил Л. Толстой эти материалы, свидетельствует его письмо к И. Накашидзе: «Не знаю, как благодарить Эсадзе, приславшего мне столько выписок, сделанных своей рукой. Я никак не ожидал, что он положит столько труда на это, и мне теперь очень совестно перед ним». В феврале 1903 года Л. Толстой писал самому С. Эсадзе: «Очень благодарен Вам за Вашу любезную готовность помочь мне. Мне желательно иметь только то, что 1) касается Хаджи-Мурата, и то, кроме всего того, что есть в X томе актов, и 2) распоряжение о Кавказской войне во время наместничества Воронцова и в особенности 50, 51 и 52 годов».

С. Эсадзе считался одним из лучших знатоков истории Кавказской войны. Поэтому он смог снабдить писателя прекрасным и очень ценным материалом. В этом отношении весьма любопытны статьи, опубликованные С. Эсадзе в русской газете «Закавказье» в ноябре и декабре 1910 года.

Как известно, горестную весть о кончине Л. Толстого грузинская общественность восприняла с искренней печалью. Именно тогда в газете «Закавказье», редактируемой М. Мачабели, С. Эсадзе впервые опубликовал фотокопии писем, полученных от Л. Толстого, а также интересные сведения о писателе, которые в основном касались его участия в Кавказской войне. «Теперь, когда весь мир говорит о великом гении русского народа, — писал С. Эсадзе, — когда все газеты наполнены сведениями о поразительной плодотворности трудов его, я с чувством глубокого почитания к памяти великого писателя позволяю себе опубликовать полученные мною письма».

Следует отметить, что цензура изъяла то место из писем Л. Толстого, в котором упоминался Николай I, точнее — просьба писателя прислать ему архивные материалы с характерными для Николая I резолюциями. Впоследствии С. Эсадзе передал подлинники имевшихся у него толстовских писем в музей его имени.

Опубликовав статьи С. Эсадзе, редакция газеты «Закавказье» известила читателей о том, что в ближайших номерах будут помещены материалы, перепечатанные грузинским историком Л. Толстому. И действительно, в номерах газеты от 1, 2, 3, 4 и 5 декабря 1910 года С. Эсадзе напечатал краткое содержание этих материалов.

Как известно, Л. Толстой не смог опубликовать при жизни свою повесть «Хаджи-Мурат». Статьи С. Эсадзе появились в печати до того, как читатели смогли познакомиться с произведением великого русского писателя. Однако, как явствует из статей С. Эсадзе, Л. Толстой прочитал «Хаджи-Мурата» неко-



ему человеку, личность которого редакция не назвала. «Лицо, имевшее счастливый случай ознакомиться с неизданной рукописью Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат», — писал С. Эсадзе, — говорит, что это местопребывание Хаджи-Мурата у Воронцовых написано высокохудожественно и производит сильное впечатление».

Кто же был тот человек, которому Л. Толстой прочитал «Хаджи-Мурата»? Это был близкий друг писателя Илья Накашидзе. Редакция газеты «Закавказье» не смогла назвать его имени потому, что за участие в революционных событиях 1905 года он был выслан из Грузии.

Преследуемого царскими властями и высланного за пределы родины Илью Накашидзе Л. Толстой устроил на службу в Москве. О том, какую любовь испытывал великий русский писатель к Грузии, свидетельствуют воспоминания супруги Ильи Накашидзе — Нино. В последний раз они встречались с Л. Толстым в 1903 году в Ясной Поляне. Прощаясь, писатель сказал им: «Обязательно навещу вас в солнечной Грузии». Спускаясь по лестнице, вспоминает Нино Накашидзе, мы оглянулись; Толстой стоял наверху, бледный, но с ясными, смеющимися глазами. «Вот возьму и отправлюсь к вам в Грузию, — услышала я сказанные на прощанье слова», — вспоминает Н. Накашидзе.

На страницах газеты «Закавказье» С. Эсадзе опубликовал пересланные Л. Толстому материалы, повествующие о жизни и приключениях Хаджи-Мурата. Кроме того, грузинский историк снабдил писателя библиографическими сведениями, литературой и даже картами.

Сравнивая эти материалы с «Хаджи-Муратом», нетрудно убедиться в том, что Л. Толстой щедро использовал их при создании повести.

Статьи С. Эсадзе вызвали большой интерес. Достаточно сказать, что редакция московской газеты «Русские ведомости» посвятила им обширную статью, в которой, в частности, говорилось: «В тифлисской газете «Закавказье» (от 28 ноября) помещена статья С. Эсадзе «Письма Л. Н. Толстого и «Хаджи-Мурат», в которой приведено, между прочим, факсимиле одного письма 1903 г. Еще в 1902 г. Л. Н. обратился к начальнику военно-исторического отдела. Г-н Эсадзе в течение пяти месяцев собирал и отправлял постепенно в Ясную Поляну массу материалов. В ответ г-н Эсадзе получил от Л. Н. два письма с указанием, что именно ему он благодарен за присылку бумаг, книг, карт и за огромный труд, для него исполненный»<sup>1</sup>.

Безусловно, все эти сведения, почерпнутые из дореволюционной прессы, имеют определенное значение для изучения творческого метода великого русского писателя.

<sup>1</sup> «Русские ведомости» от 5 декабря 1910 года.





# МЫСЛЬ, ЧЕКАННАЯ

## В МЕТАЛЛЕ

Имя Манабы Магомедовой тесно связано с развитием грузинского златокузнечества. Дагестанка по происхождению, она выросла в Грузии и здесь приобщилась к искусству чеканки. Первым ее учителем был известный грузинский чеканщик Амвросий Джикия.

Манабе было пять лет, когда ее родители переехали из дагестанского аула в Тбилиси. Долгое время они жили в доме, примыкавшем к замечательному памятнику грузинского зодчества — Сионскому собору. Грузинская речь, грузинские иконы, своеобразный колорит старого Тбилиси заронили в сердце девочки любовь к Грузии, к ее искусству.

Отец Манабы, Омар Магомедов, был известным гравером, девочка росла в обстановке дружественных связей между дагестанскими и грузинскими мастерами чеканки. Поэтому не удивительно, что в конце концов Манаба решила идти по стопам отца. Ее первая работа привела в восторг кубачинского мастера Абдуллу Джалил Ибрагима. Вместе с ним она часто ходила к древним стенам Нарикалы. И сейчас помнит Манаба рассказы учителя о связях и дружбе грузинских и дагестанских мастеров чеканки и словно слышит ритмичное постукивание молоточков старых мастеров-чеканщиков Сирачханы, которое выливалось в какую-то удивительную симфонию...

Постепенно Манаба Магомедова убеждается, что чеканка — ее призвание, ее стихия. Работы Манабы привлекают внимание грузинской общечественности. Совсем молодой она принимает участие в выставке прикладного искусства в Москве. Академик Орбели, близкий друг их семьи, посетив выставку, пишет Манабе: «Я долго рассматривал твои работы, расположенные на отведенном для тебя стенде, и мне было трудно поверить, что девочка, которую я помню буквально с колыбели, является автором столь прекрасных образцов искусства чеканки. Вот, оказывается, что может сделать любовь к традиционному искусству».

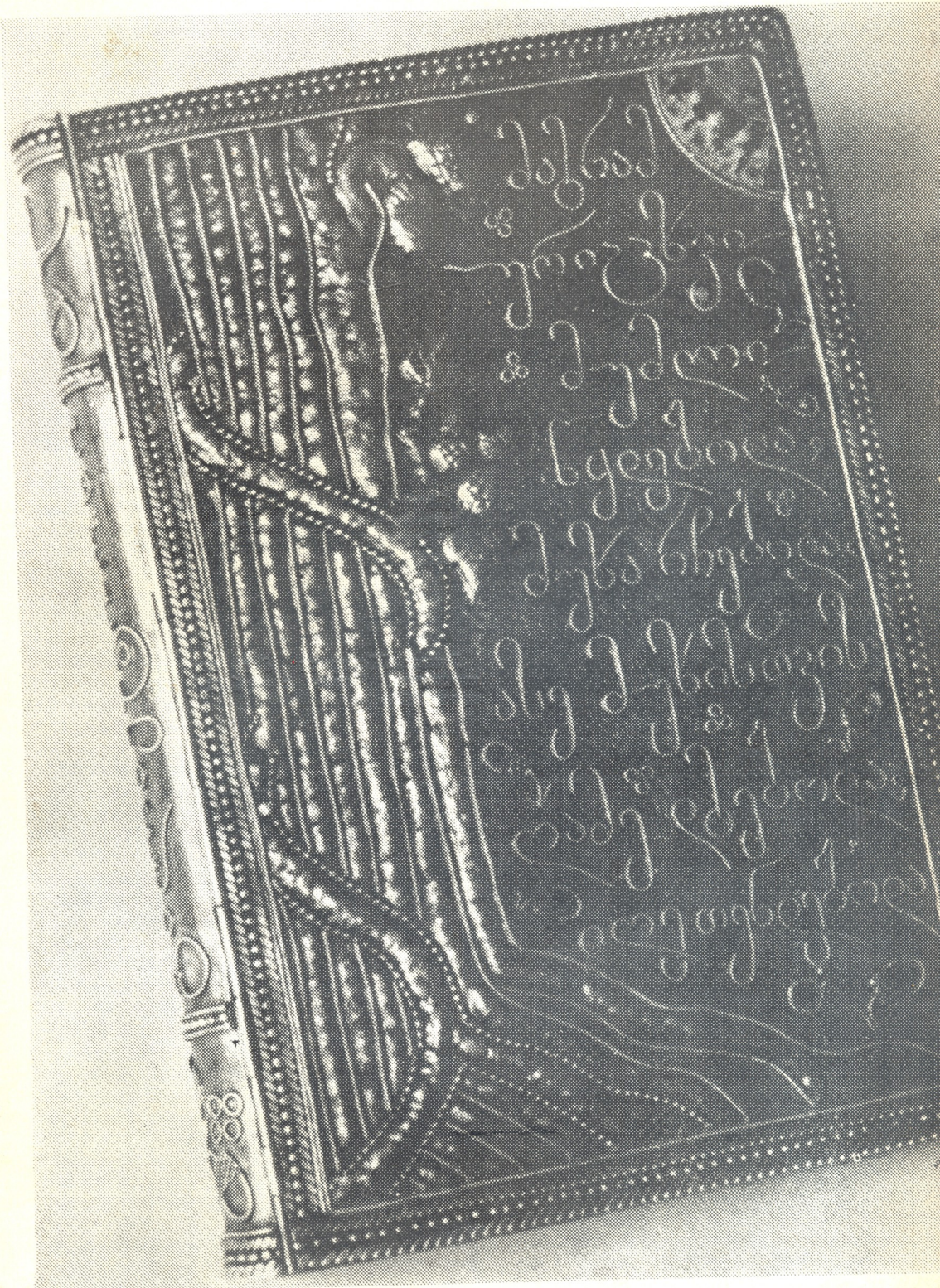


Вскоре Манаба Магомедова сблизилась с мастерами грузинской чеканки и золотых дел, изучила разнообразные приемы этого поистине удивительного искусства, раскрыла для себя его тайну. И когда при Тбилисской государственной Академии художеств открылся факультет декоративно-прикладного искусства, Манаба была приглашена преподавателем художественной обработки металла. Это было большое, новое и сложное дело, но именно в преодолении трудностей видела Манаба Магомедова смысл и радость творчества.

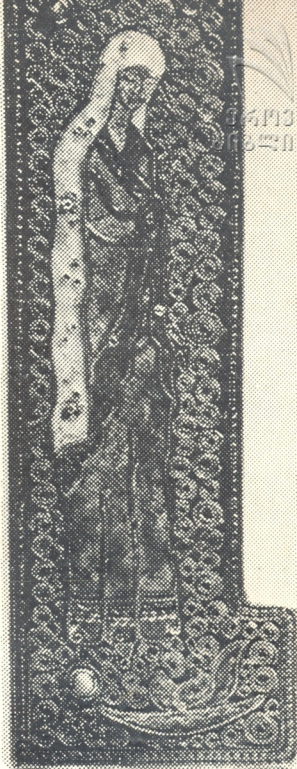
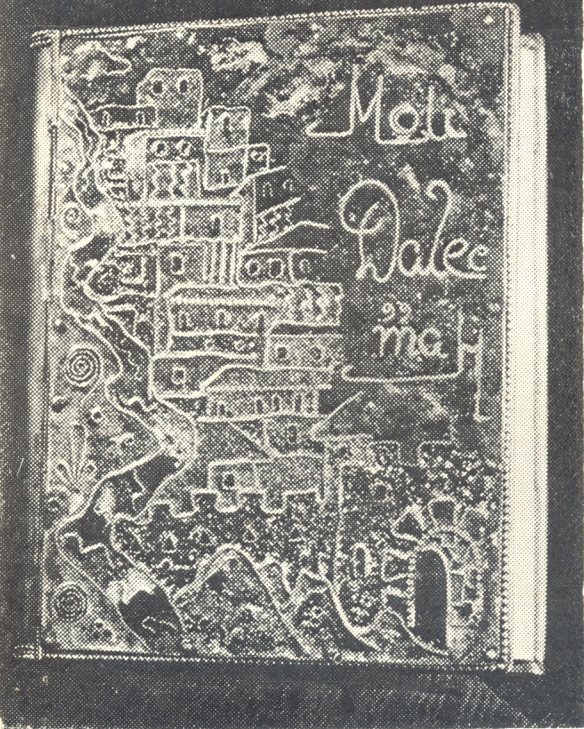
В Академии художеств она смогла еще более глубоко изучить многообразное грузинское искусство. С любовью и уважением вспоминает Манаба профессора Д. Цицишвили, который помог ей овладеть приемами композиции и применить их в работе. Большую помощь в работе оказали Магомедовой профессоры Ладос Григолиа, Георгий Сесиашвили, Шота Купрашвили, а также профессор



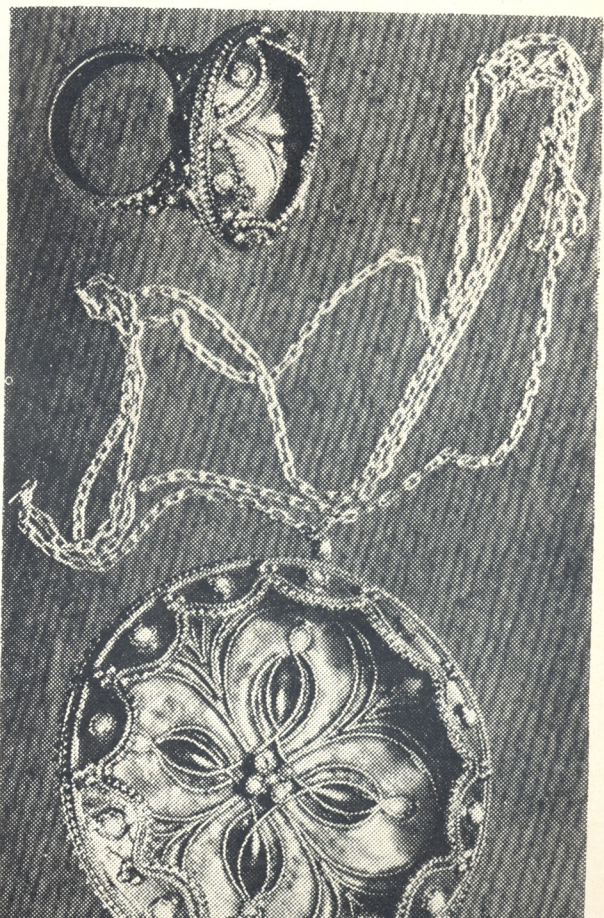
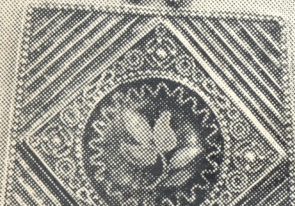
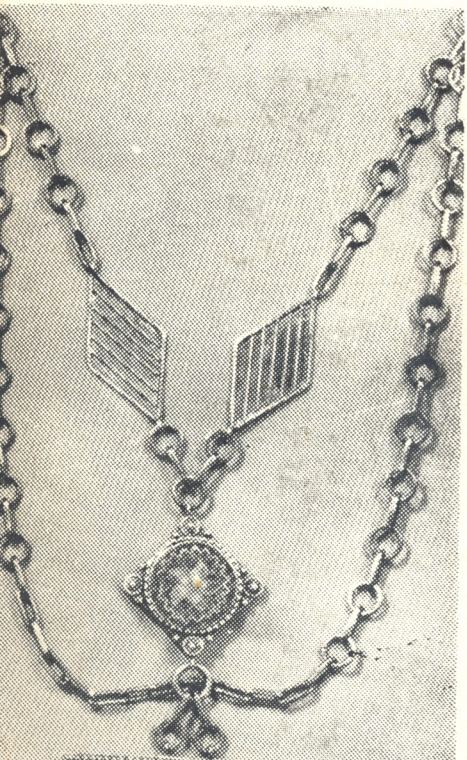
На наших вкладках—работы  
Манабы Магомедовой







ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ  
ԳՐԱԴԱՐԱՆ





Московского высшего художественно-промышленного училища (бывшего Строгановского), крупнейший советский специалист по прикладному искусству Федор Яковлевич Мишуков.

Но особо следует сказать об Иродионе Сонгулашвили, который в то время являлся хранителем сейфа Музея искусств Грузии. Часами просиживала здесь Манаба. Благодаря И. Сонгулашвили она горячо полюбила грузинскую чеканку и златокузнечество, и не будет преувеличением, если мы скажем, что именно по его совету Манаба серьезно взялась за изучение грузинского искусства чеканки, а изучив его, стала мечтать о реставрации древних грузинских икон. Вскоре ее заветная мечта сбылась. Манабу Магомедову пригласили в Музей искусств Грузии для реставрации ряда чеканных икон и экспонатов.

Именно в этот период М. Магомедова познакомилась с талантливыми художниками Грузии Еленой Ахвледиани и Кетеван Магалашвили, увлеклась портретной живописью К. Магалашвили и колоритными пейзажами Е. Ахвледиани.

Знаменательным событием в жизни Манабы явилось и знакомство с народным художником СССР Ладом Гудиашвили. В ее работах этого времени главное место занимают нежная лань и сильная, гордая серна, что, безусловно, явилось отражением ее увлечения одним из мотивов творчества Л. Гудиашвили.

Особый интерес проявляет Манаба к копии фрески Шота Руставели, доставленной в Грузию из Иерусалима группой грузинских ученых. Именно она вдохновила Манабу на создание портрета Шота Руставели, который сегодня украшает Московский государственный Исторический музей.

Большую популярность принесло М. Магомедовой систематическое участие в советских и зарубежных выставках и симпозиумах. Так, в 1957 году на международной выставке в Соединенных Штатах Америки было экспонировано несколько ее работ. В 1958 году в Москве во время Декады грузинского искусства и литературы внимание тысяч посетителей привлекли работы «Серебряное чонгури», «Кувшин» и «Женские украшения». В том же году она принимает участие в международной выставке в Осака.

Большой успех выпал на международной выставке в Брюсселе на долю одной из работ Манабы — грузинского герба, выполненного глубокой гравировкой и чернью.

Примечательно, что на первом международном симпозиуме мастеров златокузнечества, состоявшемся в Чехословакии, куда съехались посланцы 22 стран, Советский Союз представляла Манаба

Магомедова. В книге впечатлений была и такая запись: «Дорогая Манаба, вы являетесь солнцем симпозиума».

В 1970 году в Федеративной Республике Германии, в городе Нюрнберге, в связи с пятисотлетием со дня рождения Альбрехта Дюрера на всемирной выставке златокузнечного искусства М. Магомедова выставила работы, среди которых особое внимание привлек портрет Альбрехта Дюрера, выполненный перегородчатой эмалью и чеканкой. Спустя год Манаба принимает участие в выставке Закавказских республик, где ее работы пользуются большим вниманием посетителей.

Чем объяснить столь живой интерес к работам Магомедовой? Нам кажется, прежде всего тем, что ее произведения являются замечательным сплавом традиций грузинского и дагестанского златокузнечества, уходящих корнями в древнейшие традиции кавказских народов.

В этом отношении вполне справедливой представляется нам запись, сделанная поэтом Ираклием Абашидзе в альбоме художницы: «Манаба в металле чеканит свои мысли». Нам кажется, что для Манабы Магомедовой это самый верный способ выразить себя.

Каждая работа художницы — плод вдохновенного труда. Свидетельство тому — портреты царицы Тамар, Шота Руставели, Важа Пшавела, Галактиона Табидзе, выполненные перегородчатой эмалью.

М. Магомедовой есть чем гордиться, лучшие ее произведения хранятся сегодня в музеях не только Советского Союза, но Чехословакии (Яблонец) и Германии (Нюрнберг).

Здесь следует коснуться и другой весьма интересной стороны творческой личности Манабы Магомедовой. Недавно вышла в свет ее книга «По следам традиции», в которой она с большой любовью описывает свой родной Дагестан, рассказывает о дагестанских мастерах, которые жили и работали в Тбилиси рядом с грузинскими мастерами. Автор знакомит нас с архитектурными памятниками Дагестана, лучшими произведениями, исполненными в металле.

В книге освещены также вопросы культурных связей грузинского и дагестанского народов.

Своеобразен и интересен творческий путь Манабы Магомедовой. Она сказала свое слово в златокузнечестве, привнесла в древнее традиционное искусство предков новые способы выражения — перегородчатую чернь, поливную эмаль и т. д.

Путь этот нашел свое отображение в книге, которая, несомненно, является подтверждением богато одаренной натуры художника.



# НАЗЫМ ХИКМЕТ В ТБИЛИСИ

С глубоко философской и поэтической драмой знаменитого турецкого поэта и драматурга Назыма Хикмета «Череп» я впервые познакомился в его замечательной книге «Избранное», изданной в 1951 году в Москве. В дни своего пребывания в Тбилиси в 1954 году, находясь в Союзе писателей Грузии, Назым Хикмет написал мне на своей книге следующие слова:

«Благодарю Вас за то, что Вы перевели меня на прекрасный грузинский язык. — Назым. 1954».

Помню, тогда я передал поэту переведенные мною и опубликованные в грузинских газетах и журналах несколько его произведений: поэмы «Зоя» и «Думаю о тебе», циклы стихотворений «Выйдя из тюрьмы» и «Четыре песни», стихотворения «Золотоглазая девочка, лиловые фиалки и голодные друзья», «Телеграмма, поступившая ночью», «Человек с белой гвоздикой», «Наши песни», «Пастушонок Али» и другие.

Все эти произведения Хикмет передал на хранение своему личному врачу Галине Григорьевне, которая и сказала мне, что поэт хранит все написанное им и о нем на любом языке.

Назым Хикмет приехал в Тбилиси из Батуми 18 октября 1954 года. В тот же день знаменитый поэт и драматург, лауреат Международной премии мира выступил в театре имени Руставели на вечере, посвященном встрече поэтов Азербайджана, Армении и Грузии. На этом вечере он заявил: «Я, как поэт и коммунист, сегодня представляю здесь мой народ... Здесь, в замечательном Тбилиси, я прочту вам свои стихи». И Назым с большим мастерством прочитал свое стихотворение «Каспийское море», которое все слушали с большим вниманием, так как в его чтении на родном языке чувствовалась необыкновенная музыкальность и словно слышался плеск морских волн...

На другой день, 19 октября, в полдень Назым Хикмет находился в саду Союза писателей Грузии. Там его несколько раз сфотографировали. В тот солнечный день поэт был в хорошем настроении. Когда армянский поэт Геворг Эмин подвел к нему девушку-грузинку и, улыбаясь, сказал, что она влюблена в него, Назым Хикмет радостно улыбнулся, подошел к ней, тепло заговорил и спросил: «Это правда, что Эмин говорит?..» Девушка смутилась. Эмин сказал Хикмету, что она просит сделать ей памятную надпись на книге его стихов. Недолго думая, Назым написал следующие слова: «Дай бог, чтобы то, что сказал Эмин, было правда!»

20 октября Назым Хикмет присутствовал на постановке его драматической поэмы «Легенда о любви» в театре имени Марджанишвили. После окончания спектакля зрители не расходились, прося автора сказать несколько слов. Коллектив театра и зрители приветствовали его долгими аплодисментами. Назым Хикмет сказал: «Моя пьеса написана о любви, а об этом писать очень трудно. Но мы, поэты, не стесняемся и пишем об этом... Я безумно люблю грузинский язык, грузинский народ, советский народ! (Аплодисменты). Я приношу свою благодарность коллективу театра, так хорошо поставившему эту мою пьесу».

Затем Назыма Хикмета приветствовали Верико Анджапаридзе и исполнительница роли Ширин — Додо Чичинадзе. Ему преподнесли букет цветов. Поэт вырвал из него красивый красный цветок и вставил в петлицу своего синего вельветового пиджака.

В клубе Союза писателей Грузии Назым сказал, что в Турции, кажется в 1952 году, издали сборник его стихотворений и среди них — «Думаю о тебе», посвященное компартии Турции. «Этот они, — сказал Хикмет, — сделали на-



точно, написав в предисловии: «Этот негодяй опять думает о Турецкой компартии». Там же в беседе с товарищами по перу Хикмет прочел два стихотворения-четверостишия. Одно из них приблизительно было следующего содержания: «Есть девять деревьев, где нет свободы... Да здравствует десятое дерево!» Прошли минуты. Беседа становилась все интереснее. Григол Абашидзе спросил Назыма Хикмета — не силлабического ли характера турецкий стих? Хикмет ответил, что турецкий стих — тонический.

21 октября Назым Хикмет выступил в тбилисском Дворце пионеров и школь-

ников. Там ему повязали пионерский галстук и приняли в почетные пионеры. Поэт сказал тбилисским пионерам: «У нас в Турции дети живут плохо. У них нет таких дворцов, как у вас. Наши дети работают на заводах и фабриках по 10 часов в день. У бедных детей нет возможности учиться. Но это временное явление... В вашем Дворце пионеров я чувствую себя не как гость, а как настоящий пионер».

Вспоминая теперь пребывание Хикмета в Тбилиси, я словно вижу его — полного жизни, с лицом, сияющим как солнце, в обрамлении золотистых вьющихся волос...

Федор БУЛАВИНЦЕВ

## Все те же мы

Нас с каждым днем  
все меньше остается —

участников былой войны.  
Все те же мы,  
и гордо сердце бьется,  
спокоен блеск военной седины.  
Все те же мы,  
кто в огненные годы,  
скрепив сердца  
и стиснув кулаки,  
вел в двадцать лет  
в атаки наши роты,  
а в двадцать два —  
к победам вел полки.  
Все те же мы,  
чья юность пролетала  
на огневых дорогах  
фронтowych,  
не соловьи в саду,  
а вьюге пела  
— и павшим, и оставшимся

в живых.

Нет, павших в той войне  
мы не забыли —  
лотомки наши будут  
помнить их.

Народ молвой о них  
слагает были,

и я о них пишу  
мой скромный стих.  
Мы и сегодня, как тогда,  
в ответе  
за мир,  
за счастье  
и за светлый труд,  
за то, чтобы в июне  
на рассвете  
война сквозь жизнь  
не проложила путь.  
...В моем строю —  
все меньше ветеранов,  
все реже,  
все дороже среди нас  
их к непогоде ноющие раны,  
их ордена,  
морщины, седина.  
Нас с каждым днем  
все меньше остается —  
участников былой войны.  
Но в нас все так же  
гордо сердце бьется,  
и в строй  
на смену нам идут сыны.





## СО ЗНАНИЕМ И ЛЮБОВЬЮ

До сих пор мы не имели популярной книги по истории Грузии. Хотя бы частично этот пробел восполняет выпущенная недавно издательством «Накадули» «Хроника жизни Картли» Вахтанга Челидзе. Используя огромные достижения нашей исторической науки, ее автор задался целью, по его же словам, «...поведа-ть молодежи о важных эпизодах истории грузинского народа, оживить картины самоотверженного и славного труда и столь же самоотверженной и славной борьбы, пробудить в юной душе любовь к истории своего народа и подготовить своеобразную почву для более глубокого и научного изучения предмета».

Для осуществления задуманного он выбирает трудный и своеобразный метод, который под силу лишь мастеру художественного слова, наделенному богатой творческой фантазией. Писатель не прибегает к традиционному художественному пересказу исторических явлений в хронологическом порядке. Опираясь на глубокие знания научной литературы по истории Грузии, он выделяет и обобщает основные и характерные этапы жизни грузинского народа, стремясь рассказать о самых критических этапах его истории. При этом писатель талантливо сочетает сугубо научную мысль с творческой фантазией художника. И так как фантазия его зиждется на знании исторических фактов (хотя порой и состоящих из фрагментов), на схемах обобщенного мышления, выработанных на основе этих знаний об эпохе, то пополняющие эти схемы образы фантазии в большинстве своем доказательны.

Первые же страницы книги убеждают в том, что о прошлом Грузии с нами беседует современник, большой патриот своей страны, который оценивает явления далекого прошлого с позиций современности. Рассматривая исторические явления в соответствии с определяющими их социально-политическими обстоятельствами, автор выдвигает на передний план явления прогрессивные, раскрывая

образы тех исторических фигур, которые являлись носителями передовых идей. В книге показана их деятельность, протекающая в сложных исторических условиях. И если передовые люди своего времени охарактеризованы с большой симпатией, то антипатия к внешним и внутренним врагам выражена отчетливо и резко. Книга В. Челидзе пронизана огромным внутренним теплом к соседствующим с Грузией народам, красной нитью в ней проходит тема братства и содружества народов Кавказа, и в этом ее не только познавательное, но и воспитательное значение.

«Хроника...» содержит серьезный анализ жизни грузинского народа и в период борьбы, и в период мирного созидательного труда, развития его экономики, культуры на долгом историческом пути.

Обращаясь к богатому фактическому материалу, автор раскрывает основные положительные черты характера народа, которые, безусловно, были одним из значительнейших факторов того, что на всем протяжении истории он не раз выходил победителем из самых тяжелых испытаний. Вторгавшийся на грузинскую землю враг прежде всего стремился подорвать экономическую основу страны: безжалостно выкорчевывались виноградники, уничтожались пашни (нашествия Тимур Ленга, Шаха Аббаса и других). Несмотря на это, грузинский народ в непрерывной борьбе за свободу всегда находил силы для восстановления разрушенных городов, крепостей, деревень, возрождал сельское хозяйство. Подтверждением этому может служить и такой пример: на небольшой территории Грузии сейчас произрастает около четырехсот сортов винограда. «Если не особым трудолюбием и высокой культурой, так чем же объясняется то, что в этой маленькой стране на этой незначительной территории на каждом шагу можно встретить гордый и на зависть простой, но со вкусом выстроенный храм или це-



льный пещерный город, или же развалины крепости и старой академии», — читаем мы в «Хронике жизни Картли».

Живописный рассказ о прошлом Грузии начинается с того далекого прошлого (VII—VIII век до н. э.), когда на территории Грузии еще не было государства, но существовали так называемые «племенные объединения». С экономической и военной точки зрения они (а самые значительные из них — колхские и иберийские) были настолько сильны, что с ними считались могущественные государства того времени. Используя богатый материал, почерпнутый из зарубежных источников, археологических раскопок, В. Челидзе нарисовал картины политической, экономической и культурной жизни предков грузин — колхов, показал важнейшие моменты их расцвета и падения.

В книге даны картины восстановления страны, возведения новых крепостей, повествуется о том, как трудолюбивый народ поднимает хозяйство, показан живой темп жизни в торговых городах и на торговых путях (отмечено, что на торговом пути от Поти до Шорапани, длина которого 150 км, как свидетельствуют греческие источники, было построено 120 мостов).

Для того чтобы показать могущество Колхети, автор вспоминает известный миф об аргонавтах. Ему удается воспроизвести типичные картины жизни различных слоев населения Колхети, раскрыть внутренние противоречия между ними. Рассказано о нашествиях могущественных скифов и киммерийцев, которые захватили не только Колхети и земли других грузинских племен (месхов), а почти всю Малую Азию. В результате этого нашествия ослабло племенное объединение. Для того чтобы проиллюстрировать борьбу грузинского народа за свою независимость, показать его преданность родной земле, свободолюбие, автор «Хроники жизни Картли» оживил картины из сведений древнегреческого историка и политического деятеля Ксенофонта, руководившего возвращением 10.000 греческих наемников на родину из Персии через Грузию. В сведениях этих есть указания на встречи греческих солдат с колхами. Опираясь на исторические факты, В. Челидзе знакомит молодого грузинского читателя с жизнью и бытом древнейших его предков, с тем, какие силы помогали им бороться и трудиться. Эмоциональность повествования оживляет образы людей далекого прошлого, делает доступными для нас их переживания, чаяния и надежды.

С таким же интересом мы знакомимся в книге Вахтанга Челидзе и с предысторией второго большого племенного объединения в Грузии и с процессом форми-

рования государства. Центром этого объединения был тогда пещерный город-крепость Уплисцихе, развалины которого не оставляют нас равнодушными и сегодня. «Теперь трудно представить, что вадковляло жителей этого края, что мешало их мирной жизни, что они думали, чем дышали, но впечатляющая грандиозность города-крепости дает нам право со всей определенностью утверждать, что эти мечты должны были быть грандиозными», — говорится в «Хронике...». Видимо, мечтой этой было создание свободного, независимого иберийского государства. Историческое развитие вело именно к этому — уже произошла дифференциация населения, выделились и определились классы (об этом свидетельствуют захоронения тех лет, обнаруженные археологами). Но этому процессу препятствует ряд исторических событий...

Общую схематическую картину утверждения первого грузинского государства (IV век н. э.) автор заполняет фактическими сведениями из «Жизни Картли» и живыми образами, взятыми из этого источника.

Он показывает, что дальнейшая история Грузии — это история борьбы за сохранение государственности, история героическая и трагическая. Расположенная на большом пути, соединяющем Запад и Восток и ведущем к северу через Кавказский хребет, она всегда находилась в центре скрещения интересов больших империй того времени.

Только до нашего летосчисления за власть над Грузией боролись Селевкиды, Понтийское и Персидское царства, затем Римская и Персидская империи, в дальнейшем Византийская империя, уничтожая города и села, истребляя население, насаждая вражду и религиозную рознь между отдельными племенами, поощряя измену. Это длилось веками. Автору удается воспроизвести картины жизни грузинского народа, оказавшегося между Скиллой и Харибдой, рассказать о мужестве его сыновей на поле брани, об успехах в культурной и хозяйственной жизни, борьбе за сохранение национальной свободы и независимости.

Только признание христианства официальной религией в Грузии в начале IV века, когда грузинский народ резко противопоставил себя крупным государствам Востока (в частности Персии), жаждущим его поработить, является характерным фактом и яркой иллюстрацией борьбы за национальную независимость.

Когда же Грузию удавалось достичь полной национальной независимости (например, при царе Вахтанге Горгасале, в IV в.), она входила в полосу культурного и экономического возрождения.

Повествование завершается тем трагическим периодом ее истории, когда в



обессиленную и раскромсанную господством Персии Грузию вторглись арабские войска.

Наряду с познавательной ценностью книга Вахтанга Челидзе обладает большими художественными достоинствами. Щедро привлекая грузинский фольклор, легенды, мифы, сказки, писатель добивается очень образного и эмоционального повествования. Для того чтобы воспроизвести картины жизни и быта крупных племенных объединений Иберии, он обращается к материалам археологических раскопок. Так, например, во время мцхетских археологических раскопок было обнаружено захоронение бронзового века. Это была могила пастуха. Рядом со скелетом человека были найдены скелеты овцы и быка, а также свирель. Рассказывая об историко-научной ценности этой раскопки, В. Челидзе вспоминает и чудесную грузинскую сказку о быке «Цикара», сказку о дружбе и верности. Жизнь героя сказки может подсказать аналогию с нелегкой жизнью пастуха, могилу которого нашли при раскопках. Подобное близкое к действительности предположение дает возможность нарисовать картины быта и нравов трудового народа грузинской деревни тех времен.

Картины, навеянные творческой фантазией автора, всегда подкреплены достоверностью исторических источников. Автор не опирается на те сведения, которые еще не получили окончательного разрешения в грузинской историографии. Например, группа грузинских историков и писателей считает, что известный понтийский царь Митридат VI Евпатор, как и большинство жителей Понтийского царства, — грузинского происхождения. Предполагать это дают возможность сведения о том, что отважные бои Митридата VI против Рима продиктованы, в первую очередь, стремлением создать большое грузинское государство. Эта заманчивая версия о Митридате не использована в «Хронике жизни Картли», поскольку, видимо, автор не считает этот вопрос окончательно решенным. Он не пытается сдерживать свою писательскую фантазию лишь там, где убежден в неоспоримости исторических фактов. В этих случаях творческой фантазией писателя рождаются интересные художественные образы, которые помогают читателю понять и оценить истори-

ческое значение таких археологических находок, как «армазская билингва», гема с сентиментальной надписью, могилы Серафиты, и других.

Характеризуя историко-социальные условия распространения христианства в Грузии, писатель рассказывает и о судьбе проповедницы христианства Нины. Включенная в книгу отдельная новелла о ней рисует впечатляющие картины реальных событий, связанных с принятием грузинским народом христианства. Так же образно рассказано о схватке не на жизнь, а на смерть между христианством и язычеством, о героических войнах царя Вахтанга, направленных на объединение Грузии, основании им города Тбилиси; перед читателем проходят картины жизни грузинского народа, разоренного нашествиями арабов, подвиги славных сынов Грузии — Давида и Константина, вступивших в неравную схватку с врагами и зверски убитых ими.

Автор рисует портреты прогрессивных людей Грузии, с позиций современности оценивает их деятельность. Вот как характеризует он значение подвига Давида и Константина: «Героизм двух грузин, преданных родине, должен измеряться не только тем, какой конкретный урон нанесли они врагу тогда, в той конкретной обстановке, но тем неизмеримо огромным значением нравственного примера их подвига, который на протяжении веков способствовал воспитанию героического духа последующего поколения, пробуждал святое чувство патриотического долга, непоколебимую самоотверженность в борьбе за защиту интересов трудового народа и утверждал твердость и непримиримость в борьбе с врагом отчизны; об этом знали и они, герои, когда, связанные по рукам и ногам, не дрогнув, выносили все пытки и мучения, и тот народ, который на берегу Цкалцителя, в четырех километрах от Кутаиси, воздвигнул стены храма, носящего их имя».

Книга, которая, несомненно, написана с огромной эрудицией, любовью, талантом и эмоциональным пафосом, имеет большое воспитательное значение. Она пробуждает в молодежи чувство патриотизма, а также любовь и уважение к другим народам.

Владимир НОРАКИДЗЕ







ЗДРАВСТВУИ, СОЛНЕЧНЫЙ ПЕРВОМАИ!

Фотозэюд В. Абуладзе.



2020/23

Цена 40 коп.



ИНДЕКС  
76117

საქართველოს  
სახელმწიფო ბიბლიოთეკა

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ  
საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა

Сдано в производство 26 марта 1974 г. Подписано к печати 20 мая 1974 г.  
6 печ. листов, усл. листов 8,4; Формат бумаги 70×108<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.

Заказ 1191

Тираж 4000

УЭ 00020